

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов

**ПАЛЕСТИНСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ:
ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

МОСКВА – 2001г.

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Константин Иванович Поляков,
Ахмят Жоферович Хасянов**

**ПАЛЕСТИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ:
ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Подписано в печать 25.05.2001 г.

Формат 60x90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 11 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 137

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»

103031 Москва, Нижний Кисельный пер., 5

Научное издание

К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов

**ПАЛЕСТИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ:
ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**
М., 2001, 176 стр.

Книга посвящена рассмотрению проблем, возникших на пути создания Палестинской Национальной Автономии (ПНА) в 90-е годы XX века. Вопросы становления палестинской государственности анализируются в контексте ближневосточного мирного процесса. Особое внимание уделяется влиянию борьбы между различными палестинскими группировками на становление законодательной и исполнительной власти, формирование силовых структур ПНА. Материалы книги представляют интерес для специалистов-востоковедов, практических работников, а также широкого круга читателей, интересующихся палестинской проблематикой.

ISBN 5-89394-060-1

ISBN 5-89394-060-1

© Поляков К.И., Хасянов А.Ж.

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ

90-е годы XX века стали важной вехой не только на пути поиска решений, связанных с попытками мирного урегулирования ближневосточного конфликта, но дали реальный шанс Организации освобождения Палестины (ООП) реализовать идею формирования независимого палестинского государства. В связи с этим в данном исследовании первоочередное внимание уделяется комплексу проблем, касающихся процесса формирования Палестинской Национальной Автономии (ПНА) и создания основ будущей государственности палестинского народа. Одной из таких проблем стало соотношение националистического и религиозного компонентов сложного пути формирования базисных структур ПНА. Вместе с тем было изначально очевидным, что проблема государственного строительства будет чрезвычайно затрудненной в силу ряда причин, связанных как с неутрахающей борьбой внутри Палестинского национального движения, так и вмешательством в ее решение влиятельных внешних сил.

Нынешнее обострение обстановки на Ближнем Востоке, во многом напоминающее события в Палестине на рубеже 80-90-х годов, некоторые исследователи уже окрестили «новой интифадой» («Интифадой-2») или «Интифадой аль-Акса» по месту ее начала в сентябре 2000 г. Это обстоятельство ставит перед внимательным наблюдателем ряд новых вопросов. Важнейшим из них является вопрос об итогах ближневосточного мирного процесса, «победоносное» развитие которого началось с исторической международной конференции в Мадриде при коспонсорстве США и СССР. Не затрагивая непосредственно проблемы геополитического свойства, следовало бы констатировать, что очередной виток напряженности в регионе, прежде всего в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, свидетельствует не только о провале попыток мирного урегулирования в Палестине, но и о крайне неудачном опыте палестинцев в строительстве своей мирной жизни на «освобожденных» территориях.

Вероятно, было бы неверным сводить неудачи созидательных усилий палестинцев только к проблеме внешнего фактора. Конечно, его влияние нельзя недооценивать. В то же время было бы наивным его преувеличивать. Основные причины этих неудач следует искать во взаимоотношениях внутри палестинского сообщества. Это обусловлено тем, что создание ПНА не решило многочисленных проблем, стоявших перед Палестинским движением сопротивления (ПДС) накануне заключения палестино-израильских мирных соглаше-

ний. Более того, оно усилило процесс размежевания в палестинском обществе, которое было связано с борьбой различных военно-политических группировок за власть в ограниченной полномочиями автономии. Эта борьба наложила свой отпечаток на государственное строительство и подчинила его не реализации национальных интересов палестинцев, а стремлению уничтожить своего оппонента если не физически, то, по крайней мере, политически.

Таким образом, на палестинских территориях, выделенных для формирования

ия ПНА, сложилось парадоксальное положение, когда вопрос об их окончательном статусе не был для многих в палестинской среде первоочередным. Для многих политиков на территории автономии первостепенным стал вопрос о том, какие личные дивиденды получит тот или иной деятель от «мирного процесса». За всей этой суматохой, связанной с дележом «властного пирога», была утрачена главная идея, которая могла бы стать залогом строительства демократического правового и независимого палестинского государства. Она заключалась в консолидации всех палестинцев в деле практического воплощения мечты о Родине, неотделимости своего личного благополучия от ее обретения.

Мирная действительность оказалась для палестинского народа в значительной степени более страшной, чем многолетняя вооруженная борьба за свою землю. Палестинцы, приобретя мир, который является таковым весьма условно, потеряли нечто большее, и оно заключается в утрате чувства национальной общности.

ГЛАВА I
ТАЙНАЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ:
«ОСЛО-1» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

**1. Мадридская мирная конференция:
новые подходы сторон к переговорному процессу**

Палестино-израильские отношения в очередной раз подтвердили известную истину, которая гласит: каким бы затяжным и ожесточенным ни был конфликт, в том числе имеющий ярко выраженные этноконфессиональные черты, как это имеет место в Палестине, он все равно будет завершен переговорами. Пережив несколько десятилетий войн и потрясений, основные противоборствующие стороны арабо-израильского конфликта оказались вовлечены в сложный и противоречивый мирный процесс на Ближнем Востоке.

Многомесячный подготовительный этап, связанный со сложным согласованием зачастую взаимоисключающих позиций главных действующих лиц ближневосточного конфликта, завершился 30 октября 1991 г. открытием Мадридской мирной конференции. Она была призвана, прежде всего, положить начало диалогу между палестинцами и израильтянами. Палестинцы не получили права на формирование самостоятельной делегации, а были включены в состав иорданской. Руководителем палестинской части совместной иордано-палестинской миссии стал Хейдар Абд аш-Шафи. Этот 72-летний общественный деятель был известен на оккупированных территориях как последовательный сторонник идей палестинского национализма. Главным требованием Израиля к палестинскому представительству на переговорах в Мадриде стало его ограничение в плане выражения интересов только той части палестинского народа, которая проживала на Западном берегу реки Иордан, за исключением Иерусалима, и в секторе Газа. Кроме того, изначально оговаривалось требование о неподдержании членами совместной иордано-палестинской делегацией каких-либо формальных контактов с Организацией освобождения Палестины (ООП). Это ограничение в отношении палестинцев было связано с действовавшим в Израиле в законодательном порядке запретом на любые контакты с ООП, отнесенной к числу «террористических организаций» [38, с. 240; 49, с. 268; 89, с. 232; 114, с. 124; 210, 1991, т. 321, № 7730, с. 63].

На фоне трагедии интифады итоги Мадридской мирной конференции воспринимались не только в мире, но и на оккупированных

Израилем территориях как принципиально важный прорыв в деле урегулирования палестинской проблемы. Израиль официально признал «законные права палестинцев», которые предусматривали «вывод израильских войск» и создание «сильной палестинской полиции». Вместе с тем, израильтяне отстаивали положение, предусматривавшее сохранение своих «специальных сил безопасности». Было очевидно, что договоренности, достигнутые на международном форуме в Мадриде, только закладывали фундамент ближневосточного мирного процесса. Об этом свидетельствовало то, что на переговорах в испанской столице под проведением выборов «органов самоуправления» на палестинских территориях понималось не формирование властных структур независимого арабского государства, а лишь осуществление некоторых шагов в рамках создания административной автономии для палестинского населения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. В частности, был согласован практический механизм реализации этих договоренностей и в общем виде сверстан поэтапный график их осуществления. Однако надежды на скорое решение всех проблем в палестино-израильских отношениях столкнулись с большими трудностями. Они были вызваны неготовностью значительной части как палестинских, так и израильских политических сил идти на соглашение за счет уступок соответственно «израильскому агрессору» и «палестинским террористам». Образ врага, десятилетиями насаждавшийся в израильском и палестинском обществах, сыграл немаловажную роль в последующих событиях в регионе [210, 1991, т. 321, № 7731, с. 50; 210, 1991, т. 321, № 7732, с. 57; 210, 1991, т. 321, № 7733, с. 64].

Накануне открытия мирной конференции в испанской столице в Тегеране прошла «альтернативная встреча». На нее прибыли не только представители Движения исламского сопротивления (ХАМАС) и движения «Аль-Джихад аль-Исламий» (сокращенно: «Аль-Джихад», «Священная война»), но и делегаты от десяти светских оппозиционных «мирному курсу» Ясира Арафата фракций в ООП, включая Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП). В работе Тегеранской конференции также приняли участие представители различных исламских организаций из многих арабских стран, включая Египет и Иорданию, в том числе представители руководства иорданских «Братьев-мусульман», занимавшие депутатские посты в парламенте Иордании. Встреча в столице Ирана приобрела демократичный характер. Это выразилось в предоставлении трибуны бывшей в Тегеран делегации Национального совета Палестины (НСП) для разъяснения своей позиции по вопросу участия в ближневосточном мирном процессе в целом и в работе Мадридской мирной конференции в частности. В результате острых дебатов участники иранского форума, за исключением делегации НСП, пришли к выводу о том, что платой за участие палестинцев в ближне-

восточном мирном процессе стал раскол палестинского народа и, следовательно, ослабление возможностей общенационального палестинского движения [102, с. 20-21; 210, 1991, т. 321, № 7730, с. 64; 210, 1991, т. 321, № 7732, с. 58].

Одновременно с этим в среде палестинской оппозиции, выступавшей против ближневосточного мирного процесса и Мадридской мирной конференции, существовали принципиальные разногласия. Лидеры ХАМАС, превратившегося за годы интифады во вторую по значимости и влиянию на оккупированных территориях после Движения палестинского национального освобождения (ФАТХ) политическую силу, заявили о своем категорическом отказе от любых переговоров с Израилем. По их мнению, это государство не имеет права на существование и, следовательно, должно быть уничтожено. В этих условиях действия руководства ООП во главе с Я.Арафатом воспринимались сторонниками ХАМАС не иначе как предательство. Столь же непримиримую позицию заняло движение «Аль-Джихад». Со своей стороны лидеры сохранивших свое членство в ООП некоторых палестинских организаций (так называемые «отказники», обосновавшиеся в Дамаске) продемонстрировали критическую позицию как в отношении мирного процесса в регионе, так и международного форума в испанской столице. В частности, руководители НФОП и ДФОП заявили о своем несогласии с формулой

Мадридской конференции, согласно которой палестинцам было отказано в праве самостоятельного голоса. В свою очередь, Палестинская народная партия (ПНП), преемница Палестинской компартии, после некоторых колебаний, связанных с отказом организаторов встречи в Мадриде предоставить палестинцам равные с другими участниками ближневосточного конфликта права, поддержала как ближневосточный процесс, начатый в испанской столице, так и «миротворчество» Я.Арафата. В связи с эйфорией, царившей на оккупированных территориях по поводу мирного процесса, большинство палестинского населения на какое-то время утратило интерес к оппозиционным в отношении переговоров с Израилем организациям. Последние, однако, стремясь сохранить «политическое лицо», выражали уверенность в том, что мирный процесс неминуемо зайдет в тупик, и они будут востребованы палестинским обществом [89, с. 262; 210, 1991, т. 321, № 7730, с. 64; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41].

Критический настрой ХАМАС и «Аль-Джихад», как, впрочем, и упоминавшихся светских палестинских организаций – членов ООП, совсем не означал занятие ими выжидательной позиции и отказ от активных действий. Используя свои связи на оккупированных территориях и в диаспоре, они оказывали мощное давление на «туниское» руководство ООП. Тем самым они пытались заставить

Я.Арафата прекратить переговоры с Израилем, которые продолжались палестинской частью совместной иордано-палестинской деле-

гации после окончания Мадридской мирной конференции [210, 1992, т. 325, № 7782, с. 49; 210, 1992, т. 325, № 7787, с. 60]. В результате усилилось противостояние на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа между сторонниками проарафатовского Движения палестинского национального освобождения (ФАТХ) и приверженцами идей, пропагандировавших лидеров ХАМАС. Очень часто оно принимало форму открытых вооруженных столкновений, прежде всего в секторе Газа. В частности, в июне-июле 1992 г. жертвами этих столкновений, перераставших в уличные бои в лагерях беженцев, стали более ста человек, из которых трое погибли. Растущее внутripалестинское кровопролитие, которое в большей степени было обусловлено борьбой за влияние в палестинской среде, чем спором о перспективах переговоров с Израилем, на какое-то время заставило местных руководителей ФАТХ и ХАМАС забыть о расприх и задуматься об иных, политических путях урегулирования конфликта. 13 июля 1992 г. ими было подписано двустороннее соглашение. Одним из пунктов этого так называемого «пакта чести» был взаимный отказ руководства этих двух ведущих на оккупированных территориях военно-политических группировок от актов насилия и использования вооруженного давления на оппонентов в палестинской среде. Однако «пакт чести» не выдержал проверку временем и уже через несколько дней устрашение своих политических противников вновь стало главным аргументом в споре за лидерство на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Новая вспышка внутripалестинского насилия произошла 30 сентября 1992 г. и охватила лагерь беженцев Хан Юнис. Кровавым итогом этого спора о перспективности «мирного курса», проводимого «тунисками» из ООП, оказалось ранение более 70 человек из числа жителей этого лагеря [210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 151, с. 5; 48, с. 169]. Примечательно, что в этот период ХАМАС стал мишенью не только для сторонников ФАТХ, но также боевиков подконтрольной Движению палестинского национального освобождения организации «Черные пантеры» и даже организации «Красные орлы», известной своей близостью к оппозиционному Я.Арафату НФОП [48, с. 169].

Несмотря на растущее давление со стороны других палестинских групп, как исламских, так и светских, председатель Исполкома ООП Я.Арафат продолжал последовательно осуществлять ранее избранный курс. Его многолетний опыт борьбы за политическое выживание, основанный на умении пользоваться противоречиями среди своих оппонентов, был подкреплен решимостью «палестинского миротворца» – ни при каких условиях не отказываться от ставки на ближневосточный мирный процесс. Вероятно, он осознавал, что после казалось бы фатальной для любого политика ошибки в выборе позиции в иракско-кувейтском конфликте единственным шансом продления своей политической жизни было скорейшее сепаратное соглашение с Израилем, которое могло бы подкрепить надежду палестинского народа на созда-

ние собственного независимого государства. Нельзя исключать, что для Я.Арафата куда большее значение, чем создание палестинского государства (которое было невозможным в сложившихся условиях), имел сам процесс псевдогосударственного строительства. Он давал лидеру ООП и его ближайшему окружению возможность, используя общепалестинскую цель, вновь поднять свой престиж в мире и заявить о себе как о жизнеспособном политике. В этой ситуации Я.Арафат продемонстрировал арабскому миру беспрецедентную самостоятельность в осуществлении контактов с Израилем [84, с. 107].

В 1992 г. прошли семь раундов переговоров между совместной иордано-палестинской и израильской делегациями [210, 1992, т. 323, № 7758, с. 52; 210, 1992, т. 325, № 7787, с. 59]. И все же руководство ООП не могла не тяготить наблюдавшаяся в арабском мире апатия к палестинской проблеме, которая, однако, больше проявлялась на официальном уровне, чем на уровне «арабской улицы», где поддержка палестинцев была безраздельной. На 6-й встрече в верхах глав государств и правительств исламских государств-членов Организации Исламская Конференция, прошедшей в декабре 1991 г. в столице Сенегала Дакаре и призванной обсудить в том числе «палестинский вопрос», отсутствие интереса к судьбе палестинцев было продемонстрировано наиболее наглядно. На саммит ОИК прибыло не больше половины лидеров мусульманских стран [210, 1991, т. 321, № 7738, с. 68; 210, 1992, т. 323, № 7755, с. 45].

В марте 1992 г. Я.Арафат предпринял попытку обсуждения возможности создания иордано-палестинской конфедерации. Вероятно она была призвана возбудить интерес к положению в Палестине у аравийских монархий, традиционно являвшихся финансовым фундаментом «борьбы палестинского народа за свои законные права». Однако подобный шаг возымел диаметрально противоположное действие. Активисты «невооруженного восстания» на оккупированных территориях посчитали, что председатель Исполкома ООП пытается «украсть их победу», не спрашивая их мнения [210, 1992, т. 323, № 7755, с. 45]. Более того, непоследовательность Я.Арафата насторожила официальный Амман. В конце лета того же года опасения Иордании относительно «союзнических отношений» с «тунискими миротворцами» из ООП получили подтверждение. Палестинцы настояли на разделении своей совместной с Иорданией делегации и сформировали свою самостоятельную депутацию [210, 1992, т. 324, № 7774, с. 36; 190, с. 19].

Столь же безрезультатно для Я.Арафата завершились усилия по восстановлению диалога с Хафезом Асадом. Проведя несколько дней в одном из королевских дворцов в Аммане в ожидании встречи с президентом Сирии, председатель Исполкома ООП так и не был удостоен аудиенции в президентском дворце в Дамаске. Таким образом Сирия вновь подтвердила свое резко отрицательное отношение к

стремлению руководства ООП пойти на сепаратную сделку с Израилем в ущерб отстаиванию общеарабских интересов. Это тем более важно, что Я.Арафат, лишившись возможности урегулировать свои разногласия с Хафезом Асадом, утратил шанс на нормализацию взаимоотношений с поддерживаемыми официальным Дамаском палестинскими движениями и организациями, которые находились в оппозиции лидеру ООП [210, 1992, т. 325, № 7782, с. 49].

Одновременно среди последователей курса Я.Арафата на переговоры с Израилем началось соперничество, которое шло по оси: «представители оккупированных территорий» – «старая гвардия, пустившая корни в туниской штаб-квартире ООП». Одним из проявлений этой конкуренции стал конфуз, связанный с намерением министра иностранных дел Франции Ролана Дюма встретиться с руководством ООП. Первоначально планировалась его встреча с Ханан Ашрави, представлявшей Восточный Иерусалим и отвечавшей в ООП за связи с общественностью после Мадридской конференции. Однако эта встреча была отменена, а спустя сутки французский министр был принят своим палестинским коллегой Фаруком аль-Каддуми, курировавшим внешнеполитические связи ООП. Суть этого мини-конфликта между Х.Ашрави и Ф.аль-Каддуми заключался не в разных подходах к пониманию ближневосточного мирного процесса, хотя было бы нелепо их игнорировать, но в их остром личном споре за право представлять ООП и палестинский народ на международной арене [210, 1992, т. 325, № 7782, с. 49]. Тем самым, было очевидно, что опасность срыва диалога с Израилем не ограничивалась только действиями оппозиционных Я.Арафату палестинских движений и организаций или отдельных арабских режимов, стремившихся восстановить свой контроль над ООП и председателем ее Исполкома. Не меньшую угрозу для «миротворческих» усилий Я.Арафата представляла грызня в лагере его сторонников.

Из этой междоусобицы в рядах палестинцев бесспорную выгоду, пусть и носившую тактический характер, помимо Я.Арафата и его ближайших советников, извлек Израиль. Ему удалось несколько ослабить критику в свой адрес со стороны международного сообщества и продемонстрировать свою готовность к мирному диалогу с палестинцами. Правда, эта готовность была обставлена многими жесткими ограничениями в отношении палестинцев. Тем не менее, изменение международного климата вокруг ближневосточного кризиса стало очевидным. Барометром этого изменения стало голосование на Генеральной Ассамблее ООН по вопросу отмены резолюции № 3379, принятой Генассамблеей ООН в 1975 г. и признававшей «сионизм разновидностью расизма». Эта резолюция была поддержана 75 голосами, в то время как 35 делегаций, принимавших участие в работе ГА ООН, высказались против ее принятия, а еще 32 – воздержались. В ходе голосования, проходившего в штаб-квартире ООН в

Нью-Йорке 16 декабря 1991 г., 111 делегаций, участвовавших в работе ее Генеральной Ассамблеи, высказались за отмену резолюции № 3379, 25 – проголосовали против ее отмены, 13 – воздержались. В то же время представители еще 17 стран-членов ООН не участвовали в голосовании. Это решение, по сути реабилитировавшее идеи сионизма на международной арене, явилось важным дипломатическим успехом Израиля [210, 1991, т. 321, № 7738, с. 69].

Еще одним достижением Израиля, непосредственно связанным с проведением Мадридской конференции и началом ближневосточного мирного процесса, стало то, что израильское правительство получило дополнительный козырь в большой внешнеполитической игре с США. Она заключалась в получении 10 млрд. долларов под американские гарантии на обустройство сотен тысяч советских евреев, прибывавших в Израиль и нуждавшихся в жилье и новых рабочих местах [210, 1991, т. 321, № 7731, с. 50; 210, 1992, т. 322, № 7741, с. 43]. Кроме того, Израилю удалось, и в этом его позиция переключалась с настроением официального Вашингтона, исключить Европейский Союз (ЕС) и, прежде всего Францию, известных своей открытой поддержкой палестинцев в годы интифады, из прямого участия в мирном процессе в регионе. Роль наблюдателей на Мадридской конференции явно не отражала ни реального политического влияния стран Западной Европы в делах Ближнего Востока, ни их заинтересованности в урегулировании палестино-израильского конфликта [86, с. 22; 153, с. 23, 36-37].

Еще большее значение ближневосточный мирный процесс имел для развития внутриполитической ситуации в самом Израиле. Это было связано с назначенными на 23 июня 1992 г. выборами в Кнессет. После пяти лет невооруженного восстания палестинцев в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан блок «левых» партий во главе с Партией труда смог предложить реальную, как тогда казалось, альтернативу силовому противостоянию с арабами. В результате провозглашения стремления к договору с палестинцами под гарантии безопасности Израиля в стране было создано коалиционное правительство во главе с Ицхаком Рабином. Особого упоминания в этой связи заслуживает тот факт, что победа блока И.Рабина была весьма шаткой и была достигнута благодаря присоединению к нему пяти голосов, полученных арабскими партиями в ходе выборов в Кнессет. Тем самым позиция «израильских арабов» увеличила свою значимость во внутриполитической жизни страны. Более того, фактор мнения «израильских арабов» сделал коалиционное правительство заложником мирного процесса в регионе. В то же время необходимо отметить, что в ходе предвыборной кампании 1992 г. стало заметным, что националистические лозунги, которые были очень популярны у арабских политиков Израиля на рубеже 80-90-х годов, постепенно утрачивали свою силу. Им на смену пришел приоритет социально-экономических интересов личности и семьи [103, с. 175; 112, с. 698-699; 140, с. 450-458;

210, 1992, т. 322, № 7754, с. 55; 210, 1992, т. 323, № 7765, с. 45-46; 210, 1992, т. 324, № 7773, с. 32; 191, с. 19; 169, с. 12-15].

Тем не менее, импульс для запуска ближневосточного мирного процесса был дан извне. И израильтяне, и с еще большей готовностью палестинцы были усажены за стол переговоров Вашингтоном, который в одночасье вознесся на вершину монополярного мироустройства. Обе вовлеченные в затяжной конфликт стороны оказались как бы «вынуждены» продолжить диалог, что, однако, принесло свои политические дивиденды как израильскому правительству, так и «тунисскому» руководству ООП. Переговоры между израильской и совместной иордано-палестинской делегациями начались 3 ноября 1991 г., практически через два дня после завершения работы Мадридской мирной конференции. Подход израильской стороны к этим переговорам был изначально осторожным. Не отказываясь от принципов мирного урегулирования конфликта, Израиль во многом продолжал ту же политику, которую он проводил в условиях интифады. По-прежнему в арсенале борьбы против восставших палестинцев на оккупированных территориях сохранялись такие меры, как закрытие границ с Западным берегом реки Иордан и сектором Газа, а также депортация активистов интифады в сопредельные страны, главным образом в Ливан [210, 1991, т. 321, № 7733, с. 64; 210, 1992, т. 323, № 7763, с. 45]. Израильская сторона не скрывала своего нежелания обсуждать с палестинцами экономические вопросы и проблему палестинских беженцев, бойкотировав эту часть переговоров, предусмотренную форумом в испанской столице [210, 1992, т. 323, № 7758, с. 52]. Тем не менее, в политике Израиля стала прослеживаться устойчивая тенденция, которую можно сформулировать как «зачистку» палестинской политической арены от элементов, способных представлять хоть какую-либо угрозу лидерству Я.Арафата в руководстве ООП или его «миротворческому курсу». Так, по некоторым сведениям, убийство Атефа Бсисо, являвшегося высокопоставленным сотрудником руководящих структур ООП и выходцем из сектора Газа, которое произошло в Париже в начале июня 1992 г., напрямую было связано с деятельностью израильской разведки «Моссад». Примечательно, что это преступление произошло за несколько дней до проведения парламентских выборов в Израиле и в период проведения переговоров между израильской и совместной иордано-палестинской делегациями [210, 1992, т. 323, № 7755, с. 45; 210, 1992, т. 323, № 7763, с. 45]. В любом случае становилось очевидным, что Израиль делал ставку на сохранение председателя Исполкома ООП Я.Арафата в качестве основной и, пожалуй, единственной фигуры с палестинской стороны на случай начала прямых переговоров с этой «террористической организацией».

Роль Ясира Арафата в ближневосточном мирном процессе ярко проявилась 7 апреля 1992 г. В тот день его самолет потерпел аварию при вынужденной посадке в Ливийской пустыне. В результате траге-

дии погибли три человека – пилот самолета и два пассажира, сопровождавших председателя Исполкома ООП на пути в Тунис. 13 часов неизвестности, которые Я.Арафат провел в пустыне, были поистине драматическими для всех сил, вовлеченных в мирный процесс в регионе. После потери связи с самолетом помощник Арафата Бассам Абу Шариф (Bassam Abu Sharif) позвонил экс-президенту США Джими Картеру, который уведомил о происшествии американского президента Дж.Буша о происшествии. США задействовали все свои поисковые возможности, включая спутники-шпионы, и операция по спасению одной из ключевых фигур ближневосточного мирного процесса была успешно завершена. В эти часы стало ясным, что без сговорчивого «миротворца» этот процесс неминуемо зашел бы в тупик. Однако нельзя исключить и того, что, пережив авиакатастрофу и «обману смерть», Ясир Арафат мог еще больше уверовать в Судьбу и свое предназначение привести палестинский народ в свою «землю обетованную» [29, с. 35; 38, с. 243-244; 49, с. 259; 153, с. 40; 210, 1992, т. 322, № 7754, с. 55; 210, 1992, т. 323, № 7755, с. 45].

И все-таки торг о формуле мирного урегулирования между израильтянами и палестинцами продолжался. Особенно жесткие формы он приобрел во второй половине 1992 г., когда фактически произошел распад совместной иордано-палестинской делегации на две самостоятельные национальные делегации. Израиль по-прежнему отвергал возможность прямых переговоров с ООП. Он настаивал на том, что единственной стороной, с которой готов обсуждать пути урегулирования ситуации в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, исключая Иерусалим, могут быть представители только этих территорий, не связанные ни с ООП, ни с другими «террористическими организациями». Итогом этих обсуждений могло бы стать, по мнению Израиля, создание палестинской автономии на этих территориях. Уже в августе 1992 г. новый премьер-министр страны Ицхак Рабин заявил о возможности проведения в марте-апреле 1993 г. всеобщих выборов в палестинский административный орган на оккупированных территориях, исключив из его компетенции вопросы обороны и внешних сношений. Тем самым Израиль пошел на определенные уступки, отказавшись от проведения ранее предлагавшихся «пилотных» выборов в отдельных палестинских городах Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Новое предложение было сформулировано в 33-х страничном документе, который был передан палестинской стороне в ходе очередного раунда переговоров в Вашингтоне [210, 1991, т. 321, № 7733, с. 64; 210, 1992, т. 324, № 7773, с. 32; 210, 1992, т. 324, № 7774, с. 36; 210, 1992, т. 325, № 7781, с. 50].

В свою очередь палестинская сторона настаивала на прямых переговорах Израиля с ООП, выступавшей от имени палестинского народа и признанной в мире в качестве его «единственного законного представителя». Более того, для Израиля шоком прозвучали слова

члена вновь созданной палестинской делегации Саеба Орейката, профессора с Западного берега реки Иордан, о том, что он назначен в состав делегации Организацией освобождения Палестины. Другой высокопоставленный советник палестинской делегации, представлявший ООП, Набиль Шаат, признавая в качестве промежуточного варианта создание палестинской автономии на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, в качестве условия такой договоренности поставил наделение властных структур этой автономии законодательными полномочиями [210, 1992, т. 324, № 7774, с. 36]. Характерным в этой связи является то, что палестинская сторона, как, впрочем, и израильская, активно прибегали к шантажу, угрожая прекратить переговоры в случае, если их требования не будут услышаны оппонентом [210, 1991, т. 321, № 7737, с. 53; 210, 1992, т. 322, № 7741, с. 42; 210, 1992, т. 325, № 7787, с. 59].

Такой политический «пинг-понг», который затеяли переговорщики с обеих сторон, не раз громогласно декларировавшие свою приверженность идее мирного процесса в регионе, создавал благоприятные условия для деятельности сил как в палестинской среде, так и в Израиле, выступавших против самой возможности мирного урегулирования проблемы. Нельзя исключать вероятности того, что такая тактика ведения переговоров устраивала в равной степени и высшее руководство ООП во главе с Я.Арафатом, и израильские правительства, как «правое», так и «левое», поскольку она открывала возможности давления, в том числе и силового, на партнеров по мирному процессу. Так, 13 декабря 1992 г. боевики военного крыла ХАМАС – «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» – совершили очередную вооруженную операцию, захватив, а затем и казнив израильского полицейского Нассима Толедано на «зеленой линии», отделяющей Израиль от оккупированных территорий [38, с. 249; 102, с. 21; 210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 151, с. 5].

Следует отметить, что сразу после победы своего блока на выборах в Кнессет и формирования коалиционного правительства И.Рабин заявил о том, что приверженность к миру с палестинцами не будет означать отказа от жесткой борьбы с террором. В этой ситуации реакция израильских властей на указанный инцидент была незамедлительной. Более того, казалось, что кабинет министров И.Рабина только ждал момента, чтобы проявить свою решимость к активным действиям. Она была рассчитана, прежде всего, на то, чтобы подтвердить приоритетность вопроса безопасности в политике коалиционного правительства и показать палестинцам, что терпение премьера не безгранично. Тем самым Ицхак Рабин решил реализовать «моральное и политическое право» Израиля на ответные жесткие меры в отношении палестинцев. В любом случае, сразу после совершения боевиками ХАМАС вооруженной акции на оккупированных территориях было задержано более 1200 человек, подозревавшихся в связях с террористами [210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 210, 1993, т. 326, № 7803, с. 45]. Спустя

четыре дня после преступления, 17 декабря, Израиль депортировал в Южный Ливан 415 палестинцев. По заявлению израильских военных властей, депортированные палестинцы подозревались в проведении террористических актов или связях с «террористами». Более того, они рассматривались в качестве боевиков, главным образом двух палестинских группировок – движения ХАМАС и организации «Аль-Джихад». Однако в действительности, и это выяснилось достаточно быстро, высланные палестинцы в своем большинстве не имели прямого отношения к вооруженным формированиям исламистов. В то же время следует признать, что среди депортированных были представители среднего и даже высшего звена политического руководства ХАМАС и «Аль-Джихад», а также лица, подозреваемые в принадлежности к боевикам. Однако факт их участия в терактах не был доказан. По социальному составу они преимущественно представляли средний класс – учителя, врачи, адвокаты [40, с. 232; 49, с. 248; 92, с. 139; 108, с. 116; 210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7797, с. 48; 210, 1993, т. 326, № 7798, с. 41].

Карательная мера израильских властей была беспрецедентной по своему масштабу за все годы оккупации палестинских территорий. По некоторым оценкам [210, 1993, т. 327, № 7808, с. 45], с 1967 по 1992 гг., без учета декабрьской депортации, Израиль выслал с контролируемых территорий около 300 палестинцев. Неожиданным стало и то, что власти Ливана отказались принять эту большую группу палестинцев, тем самым умышленно придав проблеме депортированных дополнительный международный резонанс. Получив отказ во въезде в Ливан и не имея реальной возможности на возвращение в Палестину в силу запрета Израиля, высланные палестинцы были вынуждены организовать палаточный лагерь в безлюдной холмистой местности в так называемой «зоне безопасности», разделявшей Ливан и Израиль. Ситуация усугублялась тем, что люди, подвергшиеся аресту и депортации в зимний сезон, фактически остались без теплой одежды и продовольствия. В то же время необходимо отметить, что депортированные палестинцы этого лагеря, получившего название «Мардж аз-зухур» («Поле роз»), спустя непродолжительное время стали получать материальную поддержку как от жителей близлежащих ливанских деревень, так и от различных исламских организаций [38, с. 249; 102, с. 21; 210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46].

Израиль в очередной раз оказался объектом критики мирового сообщества. На следующий день после депортации, 18 декабря 1992 г., в срочном порядке был создан Совет Безопасности ООН, который не только осудил эту карательную акцию, но и принял резолюцию № 799, призывавшую израильские власти принять немедленные меры по возвращению всех высланных палестинцев на родину [210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46]. Одновременно с этим многочисленные международные правозащитные и гуманитарные организации также присоединились к

кампании осуждения израильских властей за нарушение прав человека. Так, уже в первые дни после создания лагеря «Мардж аз-зухур» туда были направлены две колонны с теплой одеждой и продовольствием, организованные международным «Красным Крестом» и ООН [38, с. 249; 102, с. 21; 210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46].

Наконец, в первой половине января 1993 г. в Каире прошло совещание министров иностранных дел стран, входящих в Лигу арабских государств (ЛАГ), которое почти целиком было посвящено вопросу о депортированных палестинцах. В итоговом документе, принятом на этой встрече, содержался призыв к незамедлительной реализации требований резолюции № 799 СБ ООН. Критика, прозвучавшая на этом совещании в адрес Израиля, явилась естественным продолжением политики большинства арабских государств в отношении «сионистского агрессора». Новым стало то, что, вероятно, впервые после иракско-кувейтского конфликта арабские режимы проявили интерес к событиям на оккупированных территориях, который выразился в демонстрации солидарности с борьбой палестинского народа. Даже учитывая тот факт, что арабские государства действовали, исходя преимущественно из собственных политических интересов, следует признать, что Израиль, депортировав большую группу палестинцев, сам способствовал определенному сближению позиций арабских режимов и руководства ООП, ведомого Я.Арафатом [210, 1993, т. 7794, с. 46].

Несмотря на отрицательную реакцию премьер-министра И.Рабина на критику международного сообщества и его жесткую позицию в отношении продолжения борьбы с «террористами», Израиль был вынужден пойти на определенные шаги по урегулированию возникшего кризиса. 17 декабря 1992 г., в день депортации подозреваемых в террористической деятельности палестинцев, Верховный суд Израиля оставил без внимания призывы правозащитных организаций страны и санкционировал военным властям проведение этой карательной акции. Важно отметить, что депортированные с оккупированных территорий палестинцы были обязаны провести в изгнании различные сроки, которые колебались от девяти месяцев до двух лет [210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46]. Тем не менее, очень скоро выяснилось, что 14 человек из числа депортированных были высланы «по ошибке». Уже к середине января 1992 г. израильские власти разрешили сотрудникам ООН забрать из палаточного лагеря и вернуть домой двух человек, одного тяжелобольного и 16-летнего подростка. Одновременно с этим было заявлено, что остальным «ошибочно» депортированным будет также разрешено вернуться домой, но это произойдет позже [210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46].

К концу января 1993 г. еще несколько палестинцев получили разрешение на возвращение домой. Всего за полтора месяца 14 человек вернулись к своим семьям, а 5 палестинцев оказались в госпи-

тале. Таким образом, численность жителей палаточного лагеря сократилась до 396 человек. 28 января 1993 г. Верховный суд Израиля вновь вернулся к рассмотрению вопроса о депортации, отреагировав на апелляции со стороны лиц, подвергшихся этой принудительной мере наказания. Заключение Верховного суда Израиля носило двойственный характер. С одной стороны, он признал, что коллективное наказание этих людей является незаконным. В то же время делалась оговорка, что эта акция была предпринята в отношении лиц, выступавших против правопорядка. С другой стороны, Верховный суд постановил, что депортированные палестинцы имеют право на подачу апеллений по поводу предпринятых против них мер, но в индивидуальном порядке [210, 1993, т. 326, № 7796, с. 45]. Тем не менее, судьба большинства депортированных оставалась под вопросом. ООН грозила применением санкций, если Израиль откажется от выполнения резолюции № 799 Совета Безопасности ООН [210, 1992, т. 326, № 7794, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7796, с. 45]. Однако на пути принятия этих санкций всегда стояли США, которые не только спонсировали ближневосточный мирный процесс, оказывая давление то на палестинскую сторону, то на израильскую, но никогда не подвергали сомнению и тот факт, что Израиль является их основным стратегическим партнером в регионе.

В самом Израиле, по некоторым опросам, проведенным в конце января 1993 г., до 91% респондентов высказывались в поддержку жестких мер, предпринятых коалиционным правительством И.Рабина в отношении палестинских исламских экстремистов [210, 1993, т. 326, № 7796, с. 45]. Одним из факторов, способствовавших такому решительному настрою в израильском обществе, послужили заявления премьер-министра И.Рабина и бывшего в то время начальником Генерального штаба Эхуда Барака. В этих заявлениях утверждалось о якобы имевшем место снижении напряженности и насилия на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Однако многие независимые наблюдатели, в частности, представлявшие ООН и Государственный департамент США, не говоря уже о местных правозащитных организациях, отмечали обратное. Так, за первые шесть месяцев функционирования правительства И.Рабина (август 1992 – январь 1993 гг.) число палестинцев, погибших на оккупированных территориях, составило 76 человек. В то же время за последние полгода работы предыдущего правительства, возглавлявшегося Шамиром, список жертв с палестинской стороны включал 63 человека [210, 1993, т. 326, № 7798, с. 47]. В последующие четыре месяца (февраль-май 1993 г.) положение еще больше ухудшилось. За этот период времени только в секторе Газа погибли еще 67 палестинцев, в том числе за один месяц май израильские военные власти несут ответственность за гибель 29 человек. Примечательно, что в 98% случаев насильственной смерти палестинцев израильской стороной применялись

боевые патроны [151, с. 6]. Одновременно с этим только в марте 1993 г. на оккупированных территориях и в собственно Израиле палестинцами были убиты 15 израильских военнослужащих и поселенцев [210, 1993, т. 327, № 7805, с. 45]. Об осложнении ситуации в Израиле, в том числе в районах, прилегающих к израильским поселениям на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, может свидетельствовать также призыв начальника израильской полиции, обращенный ко всем гражданским лицам из числа израильских граждан, имеющим официальные разрешения на ношение оружия. Он сводился к тому, чтобы израильяне, выходя на улицу, всегда имели при себе личное оружие. Правительство И.Рабина подвергло критике этот призыв, но не дезавуировало его. Таким образом, по данным лондонского еженедельника «Экономист» мера могла означать не только признание ухудшения положения в вопросах безопасности, но и мобилизацию дополнительных сил (примерно около 300 тысяч человек) для противодействия деятельности исламских экстремистов [210, 1993, т. 326, № 7803, с. 45; 210, 1993, т. 327, № 7805, с. 45].

Столь же решительные настроения доминировали и в палестинском обществе. Жесткие карательные меры правительства И.Рабина и его неуступчивость на двусторонних переговорах с палестинцами вызывали упаднические настроения среди сторонников «мирного курса» Я.Арафата и воодушевляли его противников на активизацию своих действий. В частности, в первых числах января 1993 г. выборочный опрос палестинцев, проведенный на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, показал, что до 90% опрошенных не видели перспективы продолжения переговоров с Израилем [92, с. 140; 210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41]. Тем самым в палестинской среде, как впрочем, и в израильском обществе, наметилась устойчивая тенденция к разочарованию итогами многомесячного переговорного процесса. Более того, в этой атмосфере взаимного недоверия и роста насилия Израиль вольно или невольно способствовал усилению влияния движения ХАМАС на оккупированных территориях, особенно после декабрьской депортации сторонников ХАМАС и движения «Аль-Джихад» [40, с. 233; 92, с. 139-140; 102, с. 21; 108, с. 116; 210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41]. Однако было очевидным, что повышение авторитета ХАМАС имело относительный характер. Закрепление за этим движением образа решительного защитника национальных интересов палестинцев происходило в условиях отсутствия какого-либо прогресса в переговорном процессе, пропагандируемом Ясиром Арафатом и верными ему силами в ООП. Тем не менее, «тунисское» руководство ООП, терпевшее временные неудачи, было вынуждено менять свою тактику в отношениях с Израилем с тем, чтобы восстановить свои позиции на оккупированных территориях. Во второй половине декабря 1992 – январе 1993 г. руководство ООП в

Тунисе выступило с заявлением о том, что палестинская сторона (которая фактически контролировалась Я.Арафатом) не возобновит переговоры с израильтянами до тех пор, пока все депортированные палестинцы не будут возвращены в Палестину [102, с. 21; 210, 1993, т. 326, № 7796, с. 45; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41]. Одновременно с этим, находясь в Дакаре на встрече, организованной странами-участницами ОИК, председатель Исполкома ООП Я.Арафат вновь подтвердил свою «жесткую» позицию относительно отказа от продолжения палестино-израильского переговорного процесса до урегулирования проблемы депортации [210, 1993, т. 326, № 7794, с. 46].

Опыт предыдущих лет, который особенно четко проявился в период интифады, свидетельствовал о появлении устойчивой традиции в деятельности палестинских политических сил. Она проявлялась в том, что в кризисные моменты главные противоборствующие группы, выражающие интересы палестинского народа, оказывались способны проявить политический прагматизм и подняться над сиюминутными приоритетами. С начала 90-х годов на эти роли выдвинулись два палестинских движения – ХАМАС и ФАТХ, цементирующие все лояльные к председателю Исполкома ООП Я.Арафату силы на оккупированных территориях и в диаспоре. Однако этот прагматизм подразумевал не отказ от следования собственным интересам, а умение использовать складывающиеся условия и имеющиеся противоречия как в палестинской среде, так и на международном уровне путем формирования временных альянсов, преследующих тактические цели. Проблема депортации большой группы сторонников исламских движений и организаций в декабре 1992 г. породила такую кризисную ситуацию. И ХАМАС, и ФАТХ сразу же отреагировали на нее, стремясь извлечь из нее максимум выгод для себя и укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Основой для очередного союза двух противоборствующих и, казалось бы, непримиримых сил вновь стала политика Израиля, характеризовавшаяся отсутствием гибкости и стремлением к силовому решению вопросов в свою пользу [210, 1992, т. 323, № 7763, с. 45].

Уже в конце декабря 1992 г. в Тунисе прошла серия встреч между «тунисским» руководством ООП и доверенными лицами зарубежных лидеров ХАМАС во главе с руководителем политического крыла Движения исламского сопротивления Мусой Мухаммедом Абу Марзуком. Благодаря подготовительной работе, проведенной ими в течение нескольких дней, 4 января 1993 г. в Хартуме состоялась новая встреча между представителями «тунисского» руководства ООП и лидерами Движения исламского сопротивления. Этому не помешало даже то, что еще в декабре 1992 г. Я.Арафат публично обвинял руководство ХАМАС в раскольничестве, сравнивая деятельность этой организации с действиями зулусской группировки Инката в Южной Африке. На встрече в суданской столице лидеры Движения исламского сопротив-

ления вновь подтвердили свое мнение, отвергающее решение палестино-израильского конфликта путем сосуществования двух независимых государств в Палестине, а также признание Израиля и мирного процесса в регионе. Оспаривая у ООП право на исключительное право представлять интересы палестинского народа, ХАМАС в то же время демонстрировал свою «готовность» вступить в ее ряды. Однако выдвигал заранее неприемлемые для «тунисцев» требования, которые, в частности, включали предоставление сторонникам ХАМАС 40% мест в Национальном совете Палестины (НСП). ХАМАС попытался заставить сторонников переговорного процесса с Израилем отказаться от контактов с «сионистским агрессором». Не вызывает сомнения тот факт, что ведущая исламская организация Палестины стремилась воспользоваться общей атмосферой в палестинском обществе и настроениями населения на оккупированных территориях с тем, чтобы хотя бы на короткий отрезок времени опередить «соглашательское» руководство ООП, встав во главе общепалестинского движения сопротивления. Однако готовность лидеров ХАМАС, по крайней мере его политического крыла, к внутripалестинскому диалогу давало основания полагать, что они, несмотря на решительную риторику и постоянное обращение к общенациональным интересам палестинцам, не желали обрекать себя на изоляцию от «предательского» мирного процесса и стремились сохранить определенное пространство для политического маневра. В свою очередь «тунисцы» не могли согласиться с такими требованиями, которые могли бы быть расценены как признание ими поражения своего «мирного курса». Было очевидным, что представители Я.Арафата в очередной раз пытались использовать «сближение» с исламистами для оказания давления на израильское правительство с тем, чтобы подтолкнуть его к проявлению большей гибкости и, возможно, к началу прямого диалога с ООП. Вероятно, этим стремлением была обусловлена позиция руководства ООП, которая сводилась к тому, что палестинская делегация не намерена возвращаться в Вашингтон для продолжения переговоров с израильской стороной до решения проблемы депортированных палестинцев. Одновременно с этим нельзя исключать того обстоятельства, что, идя на союз с ХАМАС, Я.Арафат стремился таким образом подать знак арабским режимам, прежде всего на Аравийском полуострове, о том, что он готов к более широкому сотрудничеству с ними и в большей мере учитывать их интересы в ближневосточном мирном процессе. Такая вероятность была весьма высока, так как «тунисцы» опасались усиления влияния Сирии на оккупированных территориях, каналом для осуществления которого могло служить движение ХАМАС. В определенной степени это предположение подтверждается тем, что официальный Дамаск приложил некоторые усилия для развала тактической коалиции руководства ООП и лидеров ХАМАС. Так, именно Сирия распространяла информацию о тайной встрече американских и западных дипломатов с представителями Дви-

жения исламского сопротивления, которая, якобы, имела место в Аммане в начале марта 1993 года [102, с. 22; 210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41-42; 210, 1993, т. 326, № 7801, с. 48].

Тем не менее, было бы излишним преувеличением заявлять, что события, связанные с депортацией палестинцев с оккупированных территорий в Южный Ливан, создавали реальную угрозу прекращению мирного процесса на Ближнем Востоке. Это было бы невозможным в силу, как минимум, двух причин: во-первых, геополитических изменений в мире и, во-вторых, тотальной зависимости как возглавляемой Я.Арафатом ООП, так и Израиля от, по существу, единственного глобального центра силы, представленного США. Эти события даже не порождали кризис, а лишь завершали собой цепь ошибок и просчетов во внешнеполитических усилиях всех участвовавших в этом процессе сторон. В диалоге между палестинцами и Израилем накопился большой комплекс проблем, которые не могли быть урегулированы в прежнем формате переговоров. В этих условиях кризис декабря 1992 – весны 1993 гг. не может рассматриваться иначе как технический тайм-аут, взятый основными переговорщиками с целью корректировки своих подходов к мирному процессу вокруг Палестины.

Естественным продолжением подобной ситуации стало то, что главную роль «корректировщика» взял на себя официальный Вашингтон. США не только инициировали сам ближневосточный мирный процесс и затем контролировали его ход, но практически выработали и установили непреложные для ООП и Израиля жесткие правила «большой политической игры», затеянной в регионе. США провели серию консультаций с Израилем и «убедили» его пойти на уступки в вопросе о поэтапном возвращении депортированных палестинцев на оккупированные территории. Согласно американскому плану урегулирования возникшей проблемы, израильские власти соглашались на немедленный прием 100 высланных исламистов, часть из которых должна была быть отпущена по домам, а другая их часть, по сути, большинство, должна была оказаться в израильских тюрьмах и лагерях для интернированных до выяснения «их вины». Для остальных исламистов, подвергшихся коллективному наказанию в виде депортации, предполагалось сократить вдвое первоначально назначенные им сроки принудительного нахождения в изгнании. Как И.Рабин, так и Я.Арафат согласились с этой сделкой, что позволило США заявить о возобновлении палестино-израильских переговоров в апреле 1993 г. [210, 1993, т. 326, № 7797, с. 48; 210, 1993, т. 326, № 7799, с. 41; 210, 326, № 7801, с. 48; 210, 1993, т. 327, № 7808, с. 45].

Обращает на себя внимание еще один факт, касающийся нормализации отношений между переговорщиками. В то время как торг вокруг возвращения в Палестину первой партии высланных в декабре 1992 г. был в самом разгаре, Израиль пошел навстречу новому требованию ООП. Оно было связано с разрешением израильских вла-

стей палестинцам, депортированным после оккупации палестинских территорий в 1967 г. и вплоть до начала интифады в декабре 1987 г., вернуться на родину. Как правило, эти люди были связаны с ООП, но не с ХАМАС или «Аль-Джихад». Уже 28 апреля 1993 г. список из 30 фамилий был оглашен, и они получили реальную возможность вернуться в Палестину. Таким образом, израильское правительство намеренно попыталось, с одной стороны, поддержать требование, выдвинутое именно Я.Арафатом, а с другой, столкнуть ООП с движением ХАМАС [210, 1993, т. 327, № 7808, с. 45; 210, 1993, т. 327, № 7810, с. 41]. Более того, Израиль пошел на уступки, на которые не соглашалось предыдущее «правое» правительство Шамира. Кабинет министров, возглавляемый И.Рабином, разрешил включение известного палестинского общественного и политического деятеля Фейсала аль-Хусейни в состав палестинской делегации. Это обстоятельство важно в силу двух причин. Во-первых, Ф.аль-Хусейни являлся одним из советников председателя Исполкома ООП, отнесенной израильскими властями к числу «террористических организаций», и, во-вторых, он был жителем Восточного Иерусалима, по вопросу о статусе которого Израиль был непреклонен. Наконец, 3 мая 1993 г. израильтяне вступили в переговоры с представителями палестинской диаспоры, учеными Ахмедом Чалиди, проживавшим в Англии, и Камилем Мансуром, обосновавшимся во Франции. Тем самым, пусть косвенно, но израильтяне признали наличие проблемы возвращения палестинских беженцев на свою родину [210, 1993, т. 327, № 7810, с. 41].

Таким образом, весной 1993 г. стали четко просматриваться новые подходы палестинской и особенно израильской сторон к переговорному процессу. Главное, что появилось в политике Израиля, это гибкость в решении тех или иных спорных вопросов. Однако эта гибкость была хорошо просчитана и распространялась только в отношении Я.Арафата, на которого США и израильские власти сделали ставку.

2. Секретные договоренности в Осло: первые результаты тайной дипломатии

Уже в конце 1992 г. стало очевидным, что формат переговоров, который был принят на Мадридской мирной конференции, был ущербным. Это было обусловлено тем, что из них исключалась ООП, которая была признана международным сообществом «единственным законным представителем палестинского народа». Более того, роль ООП подкреплялась ее влиянием как на оккупированных территориях в Палестине, так и в диаспоре. Все это давало основание для того, чтобы подобный формат переговоров мог рассматриваться только в качестве прелюдии к прямому и полномасштабному диалогу между правитель-

ством Израиля и руководством ООП. Постепенно осознание этой реальности, а не только стремление воспользоваться пошатнувшимися позициями председателя Исполкома ООП Я. Арафата в мире, прежде всего в арабских странах, стало заметным в некоторых кругах израильского истеблишмента. Кроме того, включение «тунищцев» в переговорный процесс должно было ослабить влияние исламистов на оккупированных территориях и продемонстрировать палестинцам реальность достижения мира в Палестине не силовыми методами.

На фоне обострения положения на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в декабре 1992 г. – весной 1993 г. формировалась новая тенденция, направленная на создание необходимых условий для начала прямых переговоров между израильскими официальными лицами и представителями «тунищского» руководства ООП [210, 1992, т. 325, № 7790, с. 39]. В самом начале января 1993 г. в пользу необходимости непосредственных контактов с руководством ООП высказались политические союзники Ицхака Рабина, вошедшие в его коалиционное правительство. В частности, такую позицию заняли министры, которые представляли левоцентристский блок «Мерец», аргументируя ее тем, что этот шаг, вероятно, единственный способ ускорения ближневосточного мирного процесса [210, 1993, т. 326, № 7793, с. 46]. Спустя две недели, 19 января 1993 г., Кнессет снял законодательный запрет на контакты официальных лиц Израиля с считавшейся в стране террористической организацией ООП. Тем самым был дан «зеленый свет» началу прямых переговоров между представителями израильского правительства и ближайшими советниками Я.Арафата. Примечательно, что уже через несколько дней после этого решения израильского парламента состоялась первая двусторонняя встреча. Такая быстрота может свидетельствовать только о том, что к концу января 1993 г. практически сложились все условия, необходимые для прямых контактов, и, вероятно, уже тогда существовали устные договоренности между израильской и палестинской сторонами о новом формате переговоров. Палестинскую делегацию возглавил Ахмед Корей, более известный под именем Абу Аля, который был одним из ближайших советников Я.Арафата по экономическим вопросам и фактически являлся казначеем ООП [38, с. 248; 115, с. 160; 151, с. 7]. Как показали события первого полугодия 1993 года, политика тайной дипломатии была одним из неотъемлемых элементов ближневосточного мирного процесса. В известной степени она была оправдана, так как и в Израиле и в палестинской среде имелись могущественные силы, которые были способны сорвать любые палестино-израильские переговоры, развязав новый виток насилия на оккупированных территориях. В условиях строжайшей секретности в норвежской столице Осло прошла серия из 14 встреч, которые не только создали определенный уровень взаимного доверия между представителями И.Рабина и Я.Арафата, но и расчи-

стили путь к двусторонним договоренностям [38, с. 255; 115, с. 160; 168, с. 12; 151, с. 7].

Как бы это не казалось циничным, но осложнение ситуации в Палестине давало переговорщикам, отстаивавшим интересы «туниССкого» руководства ООП, дополнительные шансы на успех. Это объяснялось тем, что усиливавшееся давление сторонников жесткого курса в отношениях с Израилем в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан (ХАМАС, «Аль-Джихад», некоторые фракции ООП) выгодно подчеркивало мирный настрой «туниССцев» и подталкивало правительство И.Рабина к ускоренному поиску компромисса с Я.Арафатом и стоявшими за его спиной силами. Более того, многие палестинские политические деятели на оккупированных территориях, занимавшие умеренные позиции в вопросе палестино-израильского урегулирования, в том числе Хейдар Абд аш-Шафи, высказывали свое недовольство отсутствием конкретных результатов от начатого в Мадриде ближневосточного мирного процесса. Они призывали к прекращению контактов с Израилем в рамках этой акции. Важно отметить, что эта критика подчас сопровождалась требованием демократизации в самой ООП, что подразумевало замену авторитарного стиля руководства Я.Арафата этой организацией коллегиальным вариантом выработки и принятия решений [210, 1993, т. 328, № 7821, с. 41; 115, с. 160].

В пользу сохранения секретного характера палестино-израильских контактов говорили настроения, царившие на оккупированных территориях. Так, согласно выборочному социологическому опросу, проводившемуся на оккупированных территориях в конце июля 1993 г. и охватившего 1500 респондентов, большинство опрошенных высказалось против продолжения переговоров с Израилем, которые велись в формате, выработанном в испанской столице в октябре-ноябре 1992 г. [210, 1993, т. 328, № 7825, с. 33]. Весьма неблагоприятной для успеха палестино-израильских закулисных консультаций оставалась ситуация на Ближнем Востоке, прежде всего на юге Ливана. Здесь 25-31 июля 1993 г. израильская армия провела крупномасштабную военную операцию под кодовым названием «Расплата». Ее целью являлись позиции шиитской организации «Хизбалла». Операция привела к новым жертвам со стороны мирных жителей в Южном Ливане и вызвала волну критики Израиля в арабских странах и в мире [49, с. 263-264]. В этих условиях было крайне трудно ожидать каких-либо сдвигов в диалоге между палестинцами и израильтянами. Однако принципы общеарабской солидарности, учитывая весьма непростые взаимоотношения «туниССкого» руководства ООП и официальных властей Ливана, не были учтены палестинскими переговорщиками, целенаправлено следовавшими курсом на сепаратную сделку с Израилем.

В этих условиях придание гласности предварительных результатов секретных консультаций стало неизбежным. 20 августа 1993 г.

длившиеся девять месяцев тайные переговоры между представителями правительства Израиля и уполномоченными сотрудниками ООП стали фактом гласности. Это произошло на пресс-конференции, которая была устроена по итогам переговорного марафона в Осло руководителями израильской и палестинской делегаций. На ней было заявлено о достижении договоренностей между израильским правительством и руководством ООП относительно мирного урегулирования многолетнего конфликта в Палестине. В ходе пресс-конференции стало известно, что официальная церемония подписания документов, выработанных во время переговоров, состоится в Вашингтоне в присутствии И.Рабина и Я.Арафата. Прорыв во взаимоотношениях между официальными властями Израиля и «туниским» руководством ООП вдохнул новую жизнь в переговоры, которые шли в рамках гласного ближневосточного мирного процесса. Обозревателями отмечалось, что в новом раунде палестино-израильских переговоров палестинская делегация, состоящая из палестинцев сектора Газа и Западного берега реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, впервые будет де-факто представлять ООП [38, с. 255; 210, 1993, т. 328, № 7825, с. 33; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 115, с. 160; 168, с. 13; 131, с. 170; 151, с. 10-11]. Объявление результатов тайных контактов израильского правительства и руководства ООП резко изменило настроения палестинского населения на оккупированных территориях. Опрос общественного мнения, проведенный накануне встречи в Вашингтоне, показал, что 65% респондентов поддержали итоги палестино-израильского негласного диалога, а 74% высказали надежду на то, что они будут способствовать улучшению их экономического положения [92, с. 140-141].

Обязательным условием встречи в американской столице являлось взаимное признание Израилем и Организацией освобождения Палестины друг друга. Оно состоялось 9 сентября 1993 г. путем обмена соответствующими письмами. Ясир Арафат в своем письме, адресованном израильскому премьер-министру, официально признал Израиль в качестве государства, правомерно существующего на территории Палестины. Одновременно с этим Ицхак Рабин направил свое послание председателю Исполкома ООП, в котором он сообщил о признании этой палестинской структуры, выражающей интересы палестинского народа [22, с. 37; 49, с. 248, 273-274; 210, 1993, т. 328, № 7828, с. 37; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23; 168, с. 13; 151, с. 10-11; 20, с. 146]. Спустя несколько дней, 13 сентября 1993 г., на лужайке перед Белым домом состоялась историческая церемония подписания мирного соглашения между ООП и Израилем о предоставлении палестинцам ограниченной автономии в секторе Газа и городе Иерихон (Ариха) на Западном берегу реки Иордан. Этот документ включал Декларацию о принципах промежуточного соглашения о самоопределении и несколько приложений. Следует обратить внимание на ту осторожность, которую проявили как в «туниском» руководстве ООП,

так и в израильском кабинете министров, в отношении ответственности за последствия этой акции. С палестинской стороны документы подписал «министр иностранных дел» Махмуд Аббас, известный также под именем Абу Мазен, а с израильской – его визави Шимон Перес. Вероятно, выбор лиц, поставивших свои подписи под «историческими» документами, был осуществлен не только в соответствии с определенными протокольными условностями. Нельзя исключить, что ни Ясир Арафат, ни Ицхак Рабин не были до конца уверены в возможных последствиях этого события, и это обстоятельство побудило их «доверить» право подписи своим подчиненным [22, с. 37-38; 38, с. 257, 291; 49, с. 248, 269-270; 74, с. 515; 97, с. 4; 114, с. 24; 124, с. 296; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23, 47; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 190, с. 13, 16; 168, с. 13; 20, с. 146].

Тем не менее, ранее достигнутые договоренности, которые не могли бы состояться без самого действенного участия США, нашли свое практическое воплощение в конкретных юридических документах, подписанных на церемонии в Вашингтоне. Прежде всего, как уже отмечалось, было положено начало формированию палестинской государственности, хотя и в крайне ограниченных рамках. Это касалось как вопроса территории, так и правовых полномочий, обещанных руководству пока еще виртуальной Палестинской Национальной Автономии (ПНА). В американской столице было заявлено, что уже с декабря 1993 г. планировалось приступить к поэтапному выводу израильских войск из тех районов сектора Газа, в которых предполагалось создание ПНА. Кроме того, границы выделяемых под автономию палестинских территорий также не были четко оговорены в уже упоминавшемся палестино-израильском соглашении, более известном как соглашение «Газа – Иерихон – сначала» или «Осло-1». Вместе с тем, были выработаны некоторые основные принципы формирования ПНА. В частности, согласно Декларации о принципах промежуточного соглашения о самоопределении планировалось, что переходный период, в рамках которого будет функционировать автономия, рассчитан на пять лет и будет завершен к маю 1999 г. Следует учесть, что каждая из договаривающихся сторон имела свои представления о конечной цели пятилетнего переходного периода. Если палестинцы полагали, что за эти годы должна быть проведена практическая подготовка для провозглашения независимого палестинского государства, то израильтяне не были готовы идти на столь радикальные изменения. В этой связи в документах, подписанных в Вашингтоне, говорилось о том, что за этот период должны быть проведены и закончены переговоры об «окончательном статусе» ПНА. Эта расплывчатая формулировка позволяла не только уйти от неразрешимой в то время проблемы окончательного урегулирования палестино-израильского конфликта, включая вопросы о Восточном Иерусалиме и палестинских беженцах 1948 г., но и толковать достигнутые догово-

ренности в зависимости от целей и задач, которые ставил перед собой каждый из участников переговоров.

В то же время декларировался очень важный для обеих сторон принцип о поддержании правопорядка на территории ПНА. Отмечалось, что постепенно вопросы общественной безопасности на автономной территории будут переходить в ведение органов исполнительной власти ПНА. Важность этого принципа заключалась в том, что он давал палестинцам легальное право на формирование своих силовых структур. Речь шла о полиции, численность сотрудников которой первоначально оценивалась в 8 тысяч человек. Планировалось, что они будут вооружены легким стрелковым оружием. Кроме того, израильская сторона настаивала на том, и это являлось естественным требованием, так как ПНА создавалась как часть Государства Израиль, что полиция палестинской автономии в обязательном порядке должна работать в тесном контакте с израильскими силовыми структурами, включая армию, полицию и спецслужбы. Вероятно, израильтяне пытались таким образом изначально установить свой контроль над палестинской полицией, лояльность которой Израилю всегда ставилась под сомнение.

План создания ПНА предусматривал также, что органы исполнительной власти автономии, во главе которых встанет Я.Арафат, будут расположены в небольшом городке Иерихоне (Ариха). В их компетенцию должны быть переданы вопросы сбора налогов, социального обеспечения, здравоохранения, образования и туризма. Планировалось, что выборы в «законодательный» орган ПНА – Палестинский законодательный совет, лишенный законодательных полномочий, пройдут уже в июле 1994 г., хотя точная дата их проведения нигде не указывалась. Тем не менее, даже такой усеченный вариант автономии позволял сформировать некий каркас, который, несмотря на все недостатки, мог бы послужить основой для независимого палестинского государства [40, с. 235; 49, с. 278-282; 97, с. 4-5; 208, 1997, № 15, с. 24; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 328, № 7828, с. 37; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 24; 115, с. 161; 173, с. 9].

Признавая значение переговорного процесса, проведенного в Осло, и документов, подписанных в Вашингтоне 13 сентября 1993 г., следует отметить, что они послужили еще одним фактором раскола в палестинском обществе, как на территории сектора Газа и Западного берега реки Иордан, так и за пределами Палестины. Данное обстоятельство четко проявилось еще до проведения церемонии в американской столице в ходе обсуждения выносимых на подписание документов на заседании Исполкома Организации освобождения Палестины. Оно состоялось 3 сентября 1993 г. и на него прибыли 13 из 18 членов этого высшего исполнительного органа ООП. О степени разногласий, которые обнаружились во время дискуссии, могут свидетельствовать итоги голосования, в результате которого Декларация о

принципах промежуточного соглашения о самоопределении в секторе Газа и Иерихоне (Ариха) и приложения были одобрены большинством с перевесом в один голос. Одновременно с этим известный палестинский поэт Махмуд Дервиш, являвшийся членом Исполкома ООП и принимавший участие в обсуждении, демонстративно подал в отставку из состава этого органа и, резко критикуя позицию Я.Арафата, обвинил его в авантюризме. Его примеру последовал еще один член Исполкома ООП – Шафик аль-Хут.

Примечательным является и то, что среди членов Исполкома, выступивших против палестино-израильских договоренностей, находился такой влиятельный палестинский деятель как Фарук аль-Каддуми, отвечавший за внешнеполитические контакты ООП. Однако, по мнению многих исследователей, его оппозиционность во многом предопределялась личностными мотивами, которые заключались в том, что он оставался в неведении относительно проводившихся в Осло секретных переговоров и их итоги стали для него неприятной неожиданностью. Именно это обстоятельство обусловило тот факт, что одним из главных палестинских фигурантов на вашингтонской церемонии стал не Фарук аль-Каддуми, а Абу Мазен, который, тем не менее, в первые дни колебался в выборе позиции, испытывая сомнения в излишней уступчивости Я.Арафата требованиям Израиля. Полной противоположностью стала реакция на эти документы видных палестинских общественных деятелей, чья международная известность во многом была порождена Мадридской мирной конференцией и последовавшим за ней переговорным процессом. Среди ярких сторонников «мира по-норвежски» сразу же выделились Фейсал аль-Хусейни, Ханан Ашрави и Саеб Орейкат, которые, заявив о «необходимости сохранения единого палестинского фронта», активно включились в пропагандистскую кампанию в поддержку «Осло-1» [38, с. 256; 210, 1993, т. 329, № 7838, с. 46; 151, с. 14].

Процесс размежевания в палестинской среде все больше напоминал противостояние двух враждебных лагерей, готовых на время забыть о «сионистском агрессоре» ради сведения счетов с «внутренним врагом». Для одних, каковыми являлись те, кто входил в «тунисское» руководство ООП или в круг ближайших и доверенных лиц Я.Арафата, таким «врагом» были все, кто препятствовал «исторической» договоренности между ООП и Израилем о практической реализации нужд и чаяний палестинского народа. Председатель Исполкома ООП называл их «врагами мира» [38, с. 261]. Для других, представленных религиозными и светскими силами в Палестинском движении сопротивления и именуемых «отказниками» в силу их противодействия «мирному курсу» председателя Исполкома ООП, таким врагом являлись те, кто «предал» идеалы борьбы палестинского народа за свои законные права. О серьезности этого процесса весьма образно высказался один из ближайших советников Я.Арафата Набиль Шаат,

который сразу после протокольных мероприятий в Белом доме в середине сентября 1993 г. заявил, что «у Палестины появился уникальный шанс либо стать новым Сингапуром, либо – Сомали» [210, 1993, т. 328, № 7829, с. 48].

Особого внимания заслуживают те силы, которые выступили против тайного сепаратистского сговора с Израилем. Интерес к ним обусловлен тем, что конгломерат этих сил включал партии, движения и организации, которые зачастую по-разному смотрели на будущее Палестины и занимали неодинаковые позиции по вопросу об окончательном урегулировании ситуации в этом регионе. К числу наиболее умеренных критиков мирного плана, разработанного в Осло и предложенного в Вашингтоне, относились некоторые видные политические деятели среди самих «тунисцев», например, Фарук аль-Каддуми и Хани аль-Хасан, и отдельные сторонники Я.Арафата на оккупированных территориях, в том числе среди членов ФАТХ. В частности, Ф.аль-Каддуми сказал: «Соглашение («Осло-1» – прим. авторов) можно рассматривать как отход от основополагающего принципа ближневосточного мирного процесса – «мир в обмен на землю» [35, с. 26]. Подобные настроения у некоторых членов Движения палестинского национального освобождения (ФАТХ), прежде всего на оккупированных территориях, в известной мере были вызваны их естественным разочарованием итогами договоренностей в Осло, закрепленных в Вашингтоне. Создание палестинской автономии, которая охватила бы далеко не всю территорию сектора Газа и небольшой городок Иерихон (Ариха) на Западном берегу реки Иордан, с крайней усеченными правами разрушало их радужные надежды на быстрый процесс формирования палестинского государства. Кроме того, аргументация лидеров ФАТХ относительно того, что они работают на будущее, мирясь со сложностями переговорного процесса, далеко не всегда находила отклик даже у их последовательных сторонников [92, с. 143; 100, с. 241; 208, 1997, № 15, с. 26; 210, 1993, т. 327, № 7811, с. 47; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23].

Лагерь последовательных противников договоренностей, достигнутых в норвежской столице в августе 1993 г. и закрепленных в Вашингтоне в сентябре того же года, был значительно многочисленнее. Он объединял различные политические силы как светской, так и исламской направленности. Бесспорным лидером среди них являлось Движение исламского сопротивления (ХАМАС), которое на рубеже 80-90-х годов превратилось в основную угрозу не только для Израиля, но и для верных Я.Арафату фракций в ООП. Отвергнув палестинско-израильские договоренности и соглашение 1993 г., назвав их «капитулянтством» перед «сионистским заговором», ХАМАС бросил прямой вызов председателю Исполкома ООП и главному палестинскому идеологу мира с Израилем Я.Арафату. Сторонники ХАМАС открыто обвиняли Я.Арафата в «распродаже Палестины» и называли его «па-

палестинским Антуаном Лахадом» по имени ливанского генерала, долгие годы служившего интересам Израиля в Южном Ливане [38, с. 258; 208, 1997, № 15, с. 26; 92, с. 134, 140; 102, с. 20, 22; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23-24; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 115, с. 162; 131, с. 170; 63, с. 198]. Один из основателей и руководителей ХАМАС Абд аль-Азиз ар-Рантиси заявил незадолго до подписания Декларации о принципах промежуточного соглашения о палестинском самоопределении в Вашингтоне: «История не скажет им слов благодарности и борьба будет продолжена» [92, с. 146]. Более того, он заметил, что «никто не имеет права отдавать Палестину, а мусульмане никогда не признают это соглашение» [115, с. 162].

Подписание документов по мирному урегулированию в Вашингтоне наносило удар по ХАМАС, ослабляя его позиции в секторе Газа, где они традиционно были очень сильны. Согласно некоторым сведениям, сторонники Движения исламского сопротивления контролировали около половины из 420 мечетей, расположенных в лагерях беженцев, деревнях и на городских окраинах в секторе Газа [115, с. 160, 162]. В известной степени этот расчет «тунисцев» оправдался. Выборочный опрос палестинского населения на оккупированных территориях, проведенный в октябре 1993 г., показал, что 45% респондентов в случае, если бы выборы в Законодательный совет ПНА проходили на момент опроса, отдали бы свои голоса кандидатам от ФАТХ и только 13% опрошенных поддержали бы выдвиженцев ХАМАС [92, с. 141]. Тем не менее, лидеры Движения понимали, что эйфория, вызванная планами создания ПНА, будет кратковременной и неминуемо развеется как только «голуби мира» как в ООП, так и в Израиле столкнутся с трудностями переговорного процесса, призванного не декларировать общие лозунги, но решать конкретные проблемы устройства палестинской автономии. Это, по мнению руководства ХАМАС, вновь создаст условия востребованности Движения в палестинском обществе [210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49].

В то же время было бы неверным упрощенно трактовать позицию ХАМАС. Движение исламского сопротивления как бы раскололось на две части. Группа «ястребов», выражая настроения боевого крыла Движения – «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема», выступала за решительные действия против «предателей», последовавших за Я.Арафатом, и против «унизительных уступок» Израилю. В свою очередь «голуби», которые олицетворялись руководством политического бюро ХАМАС, выступали с прагматичной критикой «Осло-1». Сторонники жесткого курса в Движении исламского сопротивления призывали к продолжению интифады. Они заявляли о том, что израильские военные и гражданские цели по-прежнему остаются главными мишенями для вооруженных атак боевиков ХАМАС. Ими было продолжено применение тактики насилия. Уже 26 сентября 1993 г., т.е. спустя две недели после торжественных мероприятий в американской столице, мо-

лодой палестинец, причислявший себя к ХАМАС, совершил очередной террористический акт, взорвав свой начиненный взрывчаткой автомобиль. В октябре 1993 г. один из представителей Движения исламского сопротивления в Иордании Мухаммед Наззаль заявил, что ХАМАС готовится к борьбе в новой эре «гармонии» между ООП и Израилем. Он предостерег от опасности, которая, по его мнению, поджидала палестинцев на оккупированных территориях. М.Наззаль считал, что продолжение «капитулянтской» политики «тунисского» руководства способно привести в будущем к вооруженным столкновениям между сторонниками и противниками «мирного курса» Я.Арафата с одной стороны и израильской армией и палестинской полицией ПНА в случае ее создания – с другой [92, с. 142, 149; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 115, с. 162-163].

Во избежание нового витка насилия в регионе сторонники политического прагматизма в ХАМАС настаивали на учете новых условий, возникших после 13 сентября 1993 г. Лидеры политического бюро Движения даже подвергли критике заявления Мухаммеда Наззала, выдержанные в жестком тоне по отношению к структурам ФАТХ на оккупированных территориях. Неожиданно взвешенную позицию занял еще один представитель ХАМАС в Иордании Ибрагим Гоша, который отметил: «Мы в движении ХАМАС исходим из принципиальной исламской и национальной позиции, которая заключается в том, что мы полны решимости спасти каждую каплю палестинской крови» [92, с. 146]. Вполне вероятно, что эта «взвешенность» была продиктована содержанием открытого письма духовного лидера Движения исламского сопротивления шейха Ахмеда Ясина, которое он написал в израильской тюрьме в ноябре 1993 г. и переправил на волю. В нем он отмечал, что мирное решение палестинской проблемы будет сложным, так как «возможности не равны, когда твой враг занимает более сильную чем ты позицию». В то же время он не исключил вероятность перемирия с Израилем на 10-20 лет, если израильские войска уйдут с оккупированных территорий. В качестве примера он привел опыт политической деятельности Исламского движения в Израиле, включая участие в муниципальных выборах в арабских районах страны. Еще более гибко повел себя шейх Хамид аль-Бейтави, связанный с ХАМАС и возглавлявший подконтрольный этому Движению Высший мусульманский совет (ВМС). Вскоре после церемонии в Вашингтоне шейх

Х.аль-Бейтави, депортированный с сотнями других палестинцев в палаточный лагерь «Мардж аз-зухур» в декабре 1992 г., получил разрешение израильских властей на возвращение в Палестину. Вероятно, тайна этого беспрецедентного великодушия Израила по отношению к одному из видных деятелей ХАМАС в какой-то степени объясняется заявлением самого шейха Хамида аль-Бейтави: «Мы заинтересованы в диалоге, но не в конфликте» [92, с. 146-147; 102, с. 23].

Прагматизм лидеров политического бюро ХАМАС был вполне оправдан. В условиях, когда Движение палестинского национального освобождения пошло на признание «Осло-1», ХАМАС естественным образом оказалось ведущей оппозиционной антиизраильской силой в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Таким образом, сторонников политического действия в ХАМАС вполне устраивала политика поэтапного урегулирования. Новая ситуация на оккупированных территориях вполне отвечала их интересам: не прибегая к радикальным шагам, сохранять популярность и влияние в массах [92, с. 145; 102, с. 22; 131, с. 171]. Закономерным итогом политики «гибкой оппозиции» стало подписание в середине сентября 1993 г. местными лидерами ФАТХ и ХАМАС на оккупированных территориях очередного «пакта чести». Документ имел целью предотвращение межпалестинского насилия и реорганизацию политической жизни в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Однако, как и ожидалось, его постигла та же участь, что и все предыдущие договоренности политических оппонентов. Всего лишь за неделю действия «пакта чести» были обнаружены тела семерых палестинских «коллаборационистов», убийство которых приписывали боевикам ХАМАС [92, с. 146; 210, 1993, т. 328, № 7830, с. 58; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 131, с. 171]. Тем не менее, было бы ошибочным принижать роль политической составляющей в деятельности Движения исламского сопротивления. Его активисты организовывали семинары, встречи, фестивали и лекции, на которых велась кампания критики «капитулянтских» соглашений. Очень часто эти мероприятия проводились в тесном контакте с другими оппозиционными по отношению к Я.Арафату силами [92, с. 148].

Одной из таких сил являлось движение «Священная война» («Аль-Джихад»), которое также резко выступало против сепаратной сделки руководства ООП с израильским правительством, назвав ее «шагом к катастрофе» и полностью исключив любую возможность договоренности с оккупантами. В октябре 1993 г. лидер «Аль-Джихад» Фатхи Шикаки заявил: «Мирный договор, заключенный палестинским лидером Ясиром Арафатом, не принесет мира ни палестинцам, ни Израилю» [92, с. 132; 208, 1997, № 15, с. 26; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23; 115, с. 163]. В совместной листовке руководителей «Аль-Джихада» Фатхи Шикаки и шейха Абд аль-Азиза Ауда, выпущенной сразу после завершения официальных мероприятий в Вашингтоне по случаю подписания «мирного соглашения», говорилось, что их движение «полностью отвергает его и энергично выступает за его срыв» [115, с. 163]. Руководство движения «Аль-Джихад», и до этого не отличавшееся миролюбием, вновь подтвердило свою ставшую уже традиционной ставку на террор в отношении израильтян, как военнослужащих, так и гражданских лиц. В то же время сторонники «Аль-Джихада» на оккупированных территориях не отказывались от проведения мир-

ных акций (выпуск листовок, проведение семинаров и организация маршей протеста). В частности, этим занимались некоторые последователи местных руководителей Движения Хани Абдо (Hani Abed) и шейха Абдаллы Шами, находившихся в секторе Газа. Однако политические действия по-прежнему оставались только небольшой частью деятельности движения «Аль-Джихад», изначально отдавшего свой приоритет силовому давлению на Израиль [92, с. 132; 115, с. 163].

Примечательной явилась реакция группировки, которую возглавил шейх Асад Бауд ат-Тамими. Она откололась от движения «Аль-Джихад» из-за расхождения взглядов относительно мирных переговоров с Израилем. Эта группировка, получившая название «движение «Священная война-Дом Пророка», была немногочисленной и даже в известном смысле слова декоративной. За неполный год, прошедший с Мадридской мирной конференции, неравноправные и унижительные для палестинцев договоренности, достигнутые в ходе тайных переговоров в норвежской столице, изменили позицию шейха Асада Бауда ат-Тамими и его последователей. Сразу же после 13 сентября 1993 г. глава движения «Священная война-Дом Пророка» шейх А.Б. ат-Тамими предпринял демарш, заявив о выходе своей группировки из ООП и отозвав своих сторонников из состава Центрального совета ООП и Национального совета Палестины (НСП). Более того, сын шейха Асада Бауда ат-Тамими шейх Надир ат-Тамими, являвшийся муфтием Армии освобождения Палестины (The Palestinian Liberation Army) и представителем движения «Священная война-Дом Пророка» в НСП, опубликовал фетву, в которой говорилось следующее: «Любой отказ даже от фута палестинской земли может рассматриваться как неверие, безбожие и вероломное предательство в силу того, что земля Палестины является сколь священной, столь и благословенной» [92, с. 134]. Тем самым Я.Арафат и лояльные ему силы в ООП утратили поддержку последней сколько-нибудь влиятельной организации исламской направленности, которая могла бы свидетельствовать о том, что «мирный курс» руководства ООП отражает настроения мусульманской уммы Палестины.

Еще одной палестинской исламской организацией, входившей в лагерь противников «Осло-1», являлась Исламская партия освобождения (ИПО). Ее позиция относительно палестино-израильских договоренностей, зафиксированных в Вашингтоне, заслуживает внимания в связи с тем, что партия возникла задолго до появления на политической арене в Палестине вышеназванных исламских движений. Несмотря на то, что ИПО во многом утратила свое влияние в палестинском обществе, она по-прежнему могла претендовать на выражение настроений определенной части палестинского населения Западного берега реки Иордан. В отличие от ХАМАС и движения «Аль-Джихад» ИПО не представляла собой реальной опасности ни для Израиля, ни для «туниского» руководства ООП и лояльных Я.Арафату сил, вклю-

чая ФАТХ, так как не обладала разветвленной организационной структурой, в том числе военной. Тем не менее, пропагандистская деятельность активистов ИПО содействовала постепенному формированию негативного отношения к договоренностям между ООП и израильским правительством [115, с. 162].

Таким образом, можно заключить, что все четыре наиболее активные исламские группировки, действующие на территории Палестины, несмотря на соперничество и идеологические расхождения, заняли единую позицию непризнания тех документов, которые были подписаны в Вашингтоне высокопоставленными представителями «туниского» руководства ООП и израильского правительства. Более того, их позиция характеризовалась высокой степенью радикализма и полным отказом от сепаратных сделок с Израилем. Однако такое единодушие и радикализм не означали, что все лидеры этих исламских группировок и их сторонники выступали в качестве приверженцев исключительно силовых методов отстаивания своих взглядов. Для них было свойственно постепенное осознание целесообразности мирных политических действий и устойчивая тенденция к проявлению прагматизма в политике. Кроме того, очень часто критика этими исламскими движениями, организациями и партиями «миротворчества» Я.Арафата и его ближайшего окружения осуществлялась на фоне их острого соперничества и расхождений в тактике действий.

Помимо группировок исламской направленности лагерь решительных противников «Осло-1» объединял ряд организаций и фронтов, придерживавшихся светской доктрины борьбы и входивших в состав Организации освобождения Палестины. В целом они были представлены все теми же силами, которые выступали и против Мадридской мирной конференции и предложенного ею формата палестино-израильских переговоров. Как правило, они отражали левый фланг политического спектра в Палестине, который в начале 90-х годов все больше воспринимал идеологию палестинского национализма вне зависимости от конфессиональной принадлежности – и мусульмане, и христиане. Наиболее влиятельными среди них являлись Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), возглавляемый Жоржем Хабашем, и Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) под руководством Наифа Хаватме. Весьма резкую позицию к договоренностям, достигнутым в норвежской столице, занял генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины – Главного командования (НФОП-ГК) Ахмед Джебриль, который не удержался от угрозы физической расправы по отношению к «творцам» мирного соглашения [38, с. 258, 261; 90, с. 92; 100, с. 241; 208, 1997, № 15, с. 26; 208, 1997, № 24, с. 22; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23; 210, 1993, т. 329, № 7834, с. 55; 115, с. 161].

Таким образом, тайный сговор Я.Арафата с израильским правительством относительно «мирного урегулирования» в Палестине спо-

собствовал некоторому сплочению антиарафатовских сил, объединивших около 30 различных политических движений, партий и организаций, включая ХАМАС, «Аль-Джихад», НФОП, ДФОП и более мелкие группировки [38, с. 258]. Дополнительную силу палестинской оппозиции, выступавшей против «Осло-1», придавала поддержка как на оккупированных территориях, так и в диаспоре. Это объяснялось тем, что далеко не все в Газе были готовы пренебречь принципом национальной солидарности ради призрачных перспектив создания Палестинской Национальной Автономии. Кроме того, палестинское население на Западном берегу реки Иордан, оставляемое за границами планировавшейся автономии, также считало себя незаслуженно обделенным и рассматривало такой план «урегулирования» как грубейшее ущемление своих законных прав и интересов. У жителей Западного берега реки Иордан еще оставались надежды на то, что в ходе дальнейшего переговорного процесса их интересы в какой-то степени будут учтены и территория их проживания будет включена в состав ПНА. Однако этой надежды были лишены палестинские беженцы, разбросанные по всему миру, в том числе по арабским странам. Наиболее массовые акции протеста против игнорирования «тунисским» руководством ООП мнения палестинской диаспоры имели место в лагерях беженцев в Сирии и Ливане. В условиях полного выполнения принципов мирного урегулирования, документально зафиксированных на вашингтонской церемонии 13 сентября 1993 г., палестинцы лишались последних действенных рычагов воздействия на Израиль. Фактически они были обязаны прекратить интифаду и признать существование Государства Израиль, получив взамен только расплывчатые обещания относительно проведения переговоров об «окончательном статусе палестинских территорий» [38, с. 264; 40, с. 239; 210, 1993, т. 328, № 7828, с. 37; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 23].

Палестино-израильские договоренности вызвали неоднозначную реакцию в мире, особенно мусульманском, включая арабские страны. Прежде всего следует отметить позицию Сирии, которая в 90-е годы XX века превратилась в оплот палестинских сил, выступающих против председателя Исполкома ООП Я.Арафата и его ближайшего окружения, осевших в Тунисе. 18 апреля 1993 г. после продолжительного периода отказа официального Дамаска от любых контактов с Я.Арафатом и его многочисленных безуспешных попыток встретиться с Хафезом Асадом глава ООП, наконец, был принят сирийским президентом в его летней резиденции в Латакии. В ходе пятичасовой беседы Х.Асад указал на то, что Сирия не желает препятствовать решению палестинской проблемы, но в то же время не видит его вне рамок координации общеарабских усилий по урегулированию ближневосточного конфликта в целом. Тем самым, руководитель Сирии предупредил председателя Исполкома ООП от поспешных шагов в направлении сепаратной сделки с Израилем и забвения общеараб-

ских интересов в регионе. Однако эти слова не были услышаны Я.Арафатом, а точнее сказать, он предпочел конкретные дивиденды для себя и приближенных к нему лиц от мира с Израилем принципам солидарности с остальным арабским миром. Такой шаг Я.Арафата был вполне понятен и объясним, особенно если учесть, что в предыдущие десятилетия палестинская проблема очень часто использовалась арабскими режимами лишь в узко корыстных целях для получения политических выгод от отстаивания интересов «братского палестинского народа». Тем не менее, реакция Сирии на договоренности в Осло была сколь резкой, столь и решительной. Хафез Асад заявил, что от этой сделки «никто, кроме Израиля, не выиграл». В то же время официальный Дамаск поступил по-восточному мудро, выдвинув в авангард борьбы с «капитулянтством» руководства ООП палестинские группировки, которые разместились в Сирии и Ливане и деятельность которых без его разнообразной помощи была бы проблематичной. В этой связи немаловажным будет отметить, что прежде всего это относилось к светским палестинским группировкам. Зависимость палестинских исламских движений и организаций, особенно «Аль-Джихада» и ХАМАС от Дамаска была менее выражена из-за того, что они активно спонсировались из богатых аравийских монархий и, что стало заметным в самом начале 90-х годов, из Ирана [152, с. 9; 210, 1993, т. 327, № 7808, с. 45; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 25; 210, 1993, т. 329, № 7834, с. 54-55; 48, с. 166-167].

Иордания также была недовольна «самостоятельностью» Я.Арафата в отношениях с Израилем. Монарх Хашимитского Королевства король Хусейн даже потребовал немедленного созыва саммита глав государств и правительств Ближнего Востока. Однако в отличие от Дамаска раздражение Аммана было обусловлено иными причинами. Во-первых, прямая договоренность между ООП и Израилем практически ликвидировала «особый статус» Иордании в решении судьбы палестинского народа и лишала ее какой-либо перспективы в отношении создания иордано-палестинской федерации. Во-вторых, Иордания, большинство населения которой, по некоторым данным, составляют палестинцы, опасалась роста сепаратизма в их среде в связи с возможным возникновением самостоятельного палестинского государства на Западном берегу реки Иордан. В-третьих, сепаратная сделка Я.Арафата с Израилем создавала угрозу упрочению посреднической роли официального Аммана в ближневосточном урегулировании. Наконец, в-четвертых, согласно документам, подписанным в Вашингтоне, будущая полиция ПНА должна была готовиться в Египте и Иордании, что неминуемо сталкивало два этих государства в борьбе за влияние в палестинской автономии. И это соперничество было не на пользу официальному Амману, если учесть тот факт, что в качестве основы для создания ПНА был выбран сектор

Газа, в котором традиционно доминировал Египет. Король Хусейн не был готов добровольно уступить Палестину какой-либо иной арабской стороне и попытался использовать гибкую политику в отношении палестинцев. С одной стороны, он обещал оказать экономическую помощь будущей палестинской автономии, но, с другой стороны, не препятствовал деятельности на территории своей страны оппозиционных ООП исламских движений ХАМАС и «Аль-Джихад» [38, с. 263, 265; 124, с. 296; 144, с. 52; 210, 1993, т. 328, № 7827, с. 43; 210, 1993, т. 328, № 7828, с. 37; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 25, 47].

Не без помощи арабских соседей раскол в палестинской среде все больше превращался в противостояние двух враждебных лагерей. Однако как сторонники мирного соглашения с Израилем, так и его противники понимали опасность силового межпалестинского противостояния. С целью его недопущения была выдвинута идея об организации встречи представителей всех палестинских группировок, вне зависимости от их отношения к достигнутым договоренностям между ООП и израильским правительством. Одной из задач этой встречи должно было стать обсуждение сложившейся ситуации в регионе и выработка каких-либо общих подходов к решению накопившихся в палестинском обществе проблем. Местом ее проведения была выбрана йеменская столица Сана. Несмотря на то, что большинство палестинских движений, организаций и партий поддержали эту идею, было очевидно, что она обречена на провал. Об этом свидетельствовала взаимная непримиримость позиций участников встречи. Яркой иллюстрацией этого может служить Движение исламского сопротивления, которое поддержало идею консультаций в Сане. Но одновременно с этой поддержкой лидеры ХАМАС выдвинули ряд неприемлемых и даже унижительных для «тунищцев» условий. В частности, было заявлено, что лидеры Движения прибудут в Йемен, но они исключают саму возможность не только обсуждения каких-либо проблем с Я.Арафатом или Абу Мазеном, «запятнавших» себя сговором с Израилем, но даже встречаться с ними. Представитель ХАМАС по связям с общественностью так прокомментировал это условие: «Человек (Я.Арафат – прим. авторов), который поставил свою подпись под признанием существования Израиля на палестинской земле, а затем обнимался с Рабином, недостоин того, чтобы мы пожимали ему руку, встречались с ним или беседовали с ним» [92, с. 148; 210, 1993, т. 328, № 7830, с. 58; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49].

Как и ожидалось, идея чрезвычайного созыва общепалестинской встречи в Сане не принесла каких-то положительных изменений, а только была использована для констатации уже существовавших разногласий. Позиции последовательных противников неравноправного мира с Израилем были в значительной степени уязвимы в силу их организационной разобщенности. Одной из попыток их консолидации можно было рассматривать усилия по воссозданию Объединен-

ного национального руководства (ОНР) восстания. Деятельность ОНР была фактически прекращена в связи с тем, что местные руководители ФАТХ и лояльных им палестинских структур на оккупированных территориях в большинстве своем признали подписанные в Вашингтоне палестино-израильские документы. Более того, они заявили о своем строгом соблюдении договоренности об отказе от насилия по отношению к Израилю. Несмотря на то, что силы, стремившиеся к воссозданию ОНР, придерживались схожих по решимости позиций относительно продолжения вооруженного сопротивления израильской оккупации Палестины, например, ХАМАС, «Аль-Джихад» или НФОП-ГК, они предпочитали не связывать себя общими обязательствами и намеревались действовать самостоятельно, о чем свидетельствовали их расхождения в тактике ведения борьбы [92, с. 133].

Параллельно с этим сразу после церемонии подписания палестино-израильских соглашений в Вашингтоне началась реализация нового плана консолидации оппозиционных Я.Арафату сил, инициатором и главным вдохновителем которого являлся официальный Дамаск. Осенью – в начале зимы 1993 г. в Сирии прошла серия встреч представителей наиболее влиятельных палестинских группировок, выступавших за срыв сепаратного сговора между Я.Арафатом и И.Рабином под эгидой США. В числе их участников, в частности, фигурировали Движение исламского сопротивления, движение «Аль-Джихад», НФОП и ДФОП. Итогом этих консультаций стало образование в январе 1994 г. Национального исламского демократического фронта (НИДФ – The National Islamic Democratic Front), в состав которого вошло движение ХАМАС, а также девять организаций, пользовавшихся прямой поддержкой Дамаска и разместившихся в Сирии и Ливане, включая НФОП, ДФОП и еще семь других светских палестинских группировок. Несколько позже НИДФ был переименован в Союз палестинских сил (СПС – The Palestinian Forces Alliance). По числу организаций-участниц НИДФ, позже СПС, еще называли «Дамасской десяткой», хотя следует отметить, что фактически их было 11. Это обусловлено тем, что движение «Аль-Джихад», формально не вошедшее в состав НИДФ-СПС, полностью разделяло его цели, хотя и предпочитало действовать максимально самостоятельно. Среди целей этой просирийской коалиции палестинских сил можно выделить, как минимум, три, а именно: отказ от признания договоренностей, достигнутых в Осло, и срыв их реализации; смещение Я.Арафата с поста председателя Исполкома ООП; и, наконец, реорганизация руководства ООП на демократических началах. Однако этот союз «отказников» носил формальный характер и был аморфной структурой, в которой каждая из организаций преследовала свои собственные интересы. Кроме того, после объединения между ними продолжали сохраняться принципиальные разногласия как в идеологии, так и в политике. ХАМАС, традиционно отстаивавший свою исключитель-

ность и реально оценивавший свои силы как вторая после ФАТХ по влиянию палестинская группировка на оккупированных территориях, пошел на этот союз в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, ХАМАС, прежде всего лидеров его политического бюро, изначально выделял политический прагматизм, который оставлял Движение открытым для диалога и даже иногда подталкивал к непринципиальным уступкам своим контрпартнерам по переговорам. Во-вторых, ХАМАС уделял большое внимание своему имиджу движения, стремившегося к объединению всех «здоровых» сил в палестинском обществе [38, с. 263; 92, с. 132, 150; 210, 1993, т. 328, № 7830, с. 58; 210, 1993, т. 329, № 7834, с. 55; 115, с. 162-163; 131, с. 171].

Как попытку консолидации следует рассматривать и Народную исламскую арабскую конференцию (НИАК), вторая сессия которой прошла в начале декабря 1993 г. в суданской столице Хартуме. Эта конференция была инициирована и учреждена суданскими властями при активном содействии йеменцев сразу после событий 1990-1991 гг. в Персидском заливе с целью «предотвращения раскола в арабском и мусульманском мире». Для участия в работе второй сессии НИАК в эту арабскую страну прибыло около 500 делегатов, представлявших различные исламские организации. Палестинцы на этой конференции были представлены не только исламскими движениями ХАМАС и «Аль-Джихад», но также НФОП, ДФОП и другими светскими группировками. Вновь ООП и председатель ее Исполкома Я.Арафат, отказавшийся от приглашения участвовать во второй сессии НИАК, подверглись резкой критике со стороны участников конференции за «предательство» интересов мусульманской уммы на территории Палестины. Однако этот форум также не положил начало координации практических действий палестинских «отказников» [114, с. 140; 210, 1993, т. 329, № 7841, с. 48].

Несколько более эффективным было сотрудничество различных палестинских группировок на двустороннем уровне. Вероятно, это объяснялось тем, что такие контакты не преследовали каких-либо далеко идущих целей, а предполагали решение конкретных задач. Так, в ноябре 1993 г. прошли выборы в студенческий совет университета в Бир-Зейте. Кандидаты, выдвинутые сторонниками Движения исламского сопротивления и Народного фронта освобождения Палестины, образовали единый блок, консолидировано выступивший против кандидатов от Движения палестинского национального освобождения. Примечательно, что на лозунг «Иерусалим и Государство», под которым проводил выборы ФАТХ, представители НФОП отреагировали выдвижением своего лозунга «Сначала Иерусалим», который помимо прочего резко контрастировал и с палестино-израильским соглашением «Газа-Иерихон – сначала». В итоге блок исламистов и светских оппозиционеров из ООП одержал убедительную победу на выборах в студсовет крупнейшего на оккупированных территориях университета. Это до-

стижение в известной степени отражало настроения среди палестинского студенчества и молодежи [38, с. 264; 115, с. 162].

Тем не менее, творцы мирного процесса на Ближнем Востоке прилагали усилия по закреплению тех результатов, которые были достигнуты в Осло и закреплены в американской столице. Наиболее наглядно это прослеживалось в деятельности США. Прежде всего, официальный Вашингтон, лояльность которому настойчиво демонстрировали «тунисты» и от которого ожидалась финансовая поддержка «тяги ООП к миру», оказал давление на умеренные арабские режимы. Под американским нажимом еще в апреле 1993 г. Эр-Рияд согласился выделить 20 млн. долларов в Палестинский фонд. Одновременно с этим Лига арабских государств (ЛАГ) рекомендовала странам, входящим в ее состав, разморозить палестинские счета, размещенные в их национальных банках. В основном это касалось счетов ООП и лояльных ей структур, заблокированных в результате солидарности Я.Арафата с кувейтской авантюрой Саддама Хусейна в 1990 году. Чуть позже, в последней декаде сентября 1993 г., на встрече министров иностранных дел стран-участниц ЛАГ было принято очень осторожное заявление. В нем отмечалось, что, несмотря на возникшие в ходе обсуждения положения вокруг палестино-израильского конфликта разногласия, ЛАГ все-таки признает договоренности, достигнутые в Осло и формально закрепленные в Вашингтоне, в качестве важного первого шага в ближневосточном мирном урегулировании в целом [210, 1993, т. 327, № 7808, с. 45; 210, 1993, т. 328, № 7821, с. 41; 210, 1993, т. 328, № 7830, с. 58].

Со своей стороны «тунистское» руководство ООП также предпринимало энергичные меры по приданию легитимности подписанным с Израилем документам. Я.Арафат не решился созывать сессию Национального совета Палестины (НСП), считавшегося высшим органом палестинской национальной власти, так как он не был уверен в итогах голосования по вопросу о мирном соглашении с Израилем. В связи с этим председатель Исполкома ООП пригласил в Тунис несколько десятков верных себе представителей бизнеса и палестинской традиционной элиты, некоторых лидеров лояльных к нему группировок с оккупированных территорий и журналистов, которые, как и ожидалось, с энтузиазмом одобрили мирный курс Я.Арафата и его сделку с Израилем [38, с. 264]. В октябре 1993 г. Я.Арафат и его ближайшее окружение смогли достичь крупного успеха, добившись одобрения своей линии на сепаратный сговор с израильским правительством во время заседания Центрального совета Палестины (ЦСП). В результате голосования 68 членов ЦСП поддержали мирное соглашение с Израилем и только 8 участников заседания проголосовали «против». Правда, следует указать на то, что в число этих несогласных вошли такие известные ветераны Палестинского движения сопротивления как Фарук аль-Каддуми, Хани аль-Хасан и Аббас Заки. Работу засе-

дания ЦСП бойкотировали 25 его членов, представлявших «отказников» из НФОП, ДФОП и других палестинских группировок. Таким образом «тунисцам» удалось обозначить легитимность подписанных ими с Израилем документов, учитывая тот факт, что Центральный совет Палестины, хоть и выполнял консультативные функции, но замещал Национальный совет Палестины в промежутках между его сессиями [151, с. 14]. Тем самым руководство ООП в Тунисе расчистило себе путь для дальнейших контактов с Израилем.

3. Каирское соглашение и создание Палестинской Национальной Автономии

Подписанные в Вашингтоне документы безусловно имели важное стратегическое значение. Однако они нуждались в более детальной доработке, которая бы предусматривала устранение существовавших между палестинской и израильской сторонами разногласий или даже отнесение поиска путей их преодоления на более поздний срок. Менее чем через месяц после торжеств в американской столице, 6 октября 1993 г., в Каире состоялась рабочая встреча израильского премьер-министра Ицхака Рабина и председателя Исполкома ООП Ясира Арафата. Спустя еще несколько дней, 13 октября, в египетской столице состоялось заседание совместного палестино-израильского комитета, в который вошли министры израильского правительства и высокопоставленные сотрудники «тунисского» руководства ООП. Этот комитет был призван координировать выработку окончательного проекта соглашения по созданию Палестинской Национальной Автономии в секторе Газа и в городе Иерихон (Ариха). В то же время следует отметить, что работа над проектом создания ПНА как бы разделилась на две составляющие части. Так, конкретная деятельность по работе над соглашением «Газа – Иерихон – сначала» началась в курортном египетском городке Таба на побережье Красного моря. Одновременно с этим в Вашингтоне шли переговоры по согласованию тех прав и полномочий, которыми должны были быть наделены власти автономии [210, 1993, т. 329, № 7832, с. 46]. При этом важно подчеркнуть, что США сохранили за собой роль двигателя всего процесса палестино-израильского мирного урегулирования. Вместе с тем, подтвердилось то влияние, которое приобрел Египет в начале 90-х годов в диалоге между Израилем и ООП. Вероятно, выбор египетской территории в качестве места встреч и переговоров определялся не только географической близостью от сектора Газа, хотя было бы неверным принижать значение этого фактора, особенно для палестинской стороны. Помимо всего прочего США, Израиль и ООП были заинтересованы в повышении региональной роли Египта в противовес жесткой линии Сирии в отношении ближневосточного

мирного процесса, и даже Саудовской Аравии и других монархий Аравийского полуострова, которые не только проявляли подчеркнутую недоброжелательность к Я.Арафату, но и дистанцировались от «мирного урегулирования» в Палестине. Более того, выбор в пользу Египта можно было рассматривать и как предупреждение Иордании, в которой в начале 90-х годов среди части населения наблюдались сильные происламские настроения.

Запрограммированность палестино-израильских переговоров на создание палестинской автономии на части оккупированных территорий была столь очевидной, что было сложно представить какую-либо проблему, которая могла бы кардинально повлиять на «мирный» настрой переговорщиков. Не стал таким препятствием и скандал, который разгорелся в тунисской штаб-квартире ООП. Так, 2 ноября 1993 г., то есть менее чем через два месяца после рекламных улыбок на лужайке перед Белым домом в Вашингтоне, был изобличен агент израильских спецслужб, действовавший в самом сердце ООП. Им оказался палестинец Аднан Ясин. Шпион являлся одним из ближайших помощников Хакама Балави, который стал курировать вопросы безопасности в штаб-квартире ООП после гибели 17 января 1991 г. Салаха Халафа, более известного под именем Абу Аяда. Выяснилось, что с конца 80-х годов А.Ясин собирал информацию обо всех внешнеполитических действиях руководства ООП, включая сведения о консультациях, проводившихся в Тунисе в период тайных переговоров в норвежской столице и подписания соответствующих документов в Вашингтоне, и передавал ее израильской «Моссад». Аднан Ясин был задержан властями Туниса, которые незамедлительно передали его в руки сотрудников ООП. Однако в штаб-квартире ООП посчитали за благо не раздувать этот скандал, который был невыгоден ни для Израиля, ни для ближайшего окружения Я.Арафата [38, с. 261; 106, с. 14].

Еще одним испытанием для проверки жизнеспособности «Осло-1» стало кровавое преступление, совершенное в конце февраля в Хевроне. Так, 25 февраля 1994 г. в этом городе, расположенном на Западном берегу реки Иордан, произошли события, которые красноречиво свидетельствовали о том, что проблема насилия касается не одного только палестинского сообщества на оккупированных территориях. Она в не меньшей степени отражала настроения значительной части еврейского общества в Израиле, прежде всего израильских поселенцев как на Западном берегу реки Иордан, так и в секторе Газа. В тот день было устроено побоище мусульман, молившихся в мечети Ибрагимии в Хевроне. Его организатором и исполнителем стал израильский поселенец Барух Гольдштейн. Вооружившись автоматическим оружием, он проник в мечеть и открыл огонь по собравшимся там палестинцам, убив 29 человек. Его биография в общем-то характерна для сотен тысяч израильтян. Родился в Нью-Йорке. Врач по образованию, офицер-резервист. Вряд ли что-нибудь в его биогра-

фии могло предвещать столь печальные изменения в судьбе самого этого жителя израильского поселения Кирьят Арба (Kiryat Arba) в Хевроне, не говоря уже о трагических последствиях для жертв совершенного им террористического акта. Правда, существует одно обстоятельство, которое в какой-то степени способно объяснить мотивы его поступка, но не оправдать его. Согласно сообщениям лондонского еженедельника «Экономист» [1994, т. 330, № 7853, с. 42], Б.Гольдштейн придерживался радикальных и даже расистских воззрений, которые отчетливо проявились еще в 1982 г., когда он, представитель одной из самых гуманных профессий на Земле, отказался оказывать медицинскую помощь друзьям, служившим в израильской армии. Массовое убийство мусульман в Хевроне послужило сигналом для новой волны выступлений на оккупированных территориях, которые сразу же переросли в столкновения между палестинцами и израильской армией, охватившие населенные пункты сектора Газа и Западного берега реки Иордан, включая Хеврон, Иерусалим, Наблус, Рамаллах. Израильские военнослужащие в очередной раз применили боевое оружие для разгона демонстрантов. За последующие восемь дней число жертв Хевронской трагедии, по некоторым данным, возросло до 50 человек (все – палестинцы), хотя израильские власти называли меньшую цифру – «35 террористов». Сотни человек получили ранения. [38, с. 269-271; 102, с. 23; 108, с. 118; 210, с. 1994, т. 330, № 7850, с. 42; 115, с. 166; 151, с. 20; 48, с. 174; 117, с. 69].

События в Хевроне получили широкую международную огласку и вызвали шквал протестов мирового сообщества в отношении политики Израиля на оккупированных территориях. Так, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 904, в которой не только резко осудил инцидент в Хевроне, но и предложил направить в этот палестинский город 160 невооруженных международных наблюдателей для осуществления контроля над ситуацией и недопущения подобных фактов впредь [38, с. 271; 151, с. 22; 38, с. 271]. Следует отметить, что еврейские экстремистские организации, действовавшие в Израиле, также прилагали усилия по срыву палестино-израильского диалога, используя террористические акции для выражения своего несогласия с политикой правительства Ицхака Рабина и действий международного сообщества. Так, 24 октября 1993 г. около здания посольства Франции в Тель-Авиве были взорваны две маломощные бомбы, которые не привели ни к человеческим жертвам, ни к каким-либо разрушениям. Вероятно, еврейские экстремисты стремились только продемонстрировать свое осуждение политики официального Парижа, принявшего с визитом председателя Исполкома ООП Я.Арафата и подписавшего с ним ряд соглашений по итогам проведенных переговоров [60, с. 89]. Большую обеспокоенность у израильских властей могла вызывать и лояльность представителей мусульманской общины страны, включая депутатов Кнессета. В начале февраля 1994 г. Сирию посетила многочис-

ленная делегация израильских мусульман, в состав которой вошли 57 человек, включая тогдашнего депутата израильского парламента и лидера Арабской демократической партии (АДП) Абд аль-Ваххаба Дарауши. Поводом для посещения Дамаска стала гибель в автокатастрофе в январе 1994 г. Басиля Асада, старшего сына президента Сирийской Арабской Республики (САР). Однако не только стремление выразить соболезнования Хафезу Асаду привело членов этой делегации в Сирию. Вероятнее всего, этот визит носил политический характер и был призван продемонстрировать несогласие мусульманской уммы Израиля с политикой правительства И.Рабина в деле ближневосточного мирного урегулирования. Во время пребывания делегации в Дамаске ее члены были приняты сирийским президентом. Более того, уже упоминавшийся Абд аль-Ваххаб Дарауши публично осудил «израильский колониализм» на Голанских высотах и выразил несогласие с сепаратной сделкой между руководством ООП и правительством Израиля [210, 1994, т. 330, № 7854, с. 59-60].

Значительно большей опасности мирный диалог между «тунисским» руководством ООП и правительством Израиля подвергался в результате действий израильских спецслужб и армии на оккупированных территориях. Примечательно, что сторонники ФАТХ как на Западном берегу реки Иордан, так и в секторе Газа, а также их многочисленные союзники из числа организаций, поддержавших курс Я.Арафата на переговоры с Израилем, выступили с одобрением договоренностей, достигнутых в Осло и Вашингтоне, или, по крайней мере, не противодействовали им. Почти сразу после завершения торжественных церемоний в американской столице местные руководители ФАТХ в Палестине, а также находившиеся под их влиянием боевики организаций «Ястребы ФАТХ» в секторе Газа и «Черные пантеры» на Западном берегу реки Иордан заявили о своем согласии прекратить вооруженные акции против оккупации палестинских земель. В качестве условия своего «шага навстречу» они потребовали от израильских властей, прежде всего военных, гарантий предоставления им амнистии и вычеркивания фамилий членов этих организаций из списка разыскиваемых ими лиц. Важно отметить, что боевики ХАМАС, движения «Аль-Джихад», НФОП, ДФОП и другие «отказники» по-прежнему не освобождались от преследования со стороны Израиля и продолжали считаться в розыске [151, с. 16].

Тем не менее, даже в рядах ФАТХ сохранялась определенная оппозиция «мирному курсу» Я.Арафата. Наиболее отчетливо она наблюдалась в среде тех лидеров на оккупированных территориях, взлет политической карьеры которых был непосредственно связан с деятельностью в период интифады. Поразительным может показаться тот факт, что и после подписания документов в Вашингтоне оппоненты Я.Арафата из лояльных ему структур в Палестине, включая Движение палестинского национального освобождения, продолжали

погибать в результате таинственных террористических актов. Уже через неделю после торжеств в американской столице по случаю «прорыва в палестино-израильских отношениях», 21 сентября 1993 г., в Газе был убит молодой адвокат Мухаммед Абу Шабан. Он был известен своими близкими связями с местными руководителями ФАТХ в секторе Газа и неодобрительными высказываниями относительно договоренностей, достигнутых в Осло. В своем заявлении ФАТХ указало на то, что это преступление совершено «непалестинцами». В свою очередь лидеры ХАМАС осудили убийц Мухаммеда Абу Шабана, возложив всю ответственность на Израиль [210, 1993, т. 328, № 7830, с. 58; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49].

Еще через месяц, 28 ноября 1993 г., в секторе Газа был убит другой видный активист ФАТХ. Новой жертвой стал Ахмед Абу Риш. И вновь обвинения в его убийстве были адресованы израильтянам. Предполагалось, что Ахмед Абу Риш был застрелен военнослужащими одного из израильских специальных подразделений, которые «прославились» физической ликвидацией палестинских активистов интифады на оккупированных территориях в конце 80-х – начале 90-х годов. Этот случай вызвал особое осуждение сторонников мирного диалога с Израилем, так как за неделю до убийства Ахмед Абу Риш был официально амнистирован израильскими властями [151, с. 16; 38, с. 264]. И вновь исполнители и заказчики преступления остались неизвестными.

Нельзя исключать возможности того, что эти активисты ФАТХ оказались жертвами междоусобной войны за власть в Движении палестинского национального освобождения на оккупированных территориях. Вероятность такого объяснения упомянутых преступлений высока и связана с противостоянием между местными руководителями ФАТХ, не желавшими откаться от опыта интифады, и «тунисцами», которые пытались поставить во главе местных отделений Движения палестинского национального освобождения полностью лояльных и подконтрольных им людей. В известной степени это противостояние отражало разрыв интересов местных функционеров ФАТХ и деятелей, в силу различных причин оказавшихся вне Палестины и долгое время проживших в изгнании. Данное предположение может быть также подкреплено тем обстоятельством, что осенью 1993 г. Я.Арафат назначил Фейсала аль-Хусейни и Закарию Ага, принадлежавших к традиционной палестинской элите и «положительно» зарекомендовавших себя в ходе палестино-израильских переговоров, «единственными» руководителями отделений ФАТХ на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа соответственно. Эти назначения, результатом которых стало также отстранение от дел главы офиса ООП в секторе Газа Сами Самахандана, еще больше обострили ситуацию в структурах ФАТХ на оккупированных территориях. Однако следует признать, что такая трактовка событий и поиск «следов» убийц в палестинской среде является не более чем одной из версий.

Фактом же является то, что в результате убийства Мухаммеда Абу Шабана и Ахмеда Абу Риша ряд руководителей «Ястребов ФАТХ» заявили о прекращении ранее объявленного перемирия с Израилем. Столь же жесткой позиции придерживался и один из лидеров ФАТХ на оккупированных территориях Марван аль-Баргути, признавший, что «Осло положило конец сионистской мечте о Великом Израиле и ничего более». Однако было бы ошибочным полагать, что «Ястребы ФАТХ» полностью перешли в оппозицию мирному процессу. Скорее можно говорить об углублении раскола в этой боевой организации. Уже в ноябре 1993 г. один из руководителей «Ястребов ФАТХ» Рафат Абд отмечал: «Мы временно прекратили вооруженную борьбу. Я сейчас играю роль полицейского, надзирающего за полицией». Данным словам вторил и другой руководитель этой организации Сами Абу Шамалла: «Сейчас мы концентрируемся на внутренних вопросах, на создании системы безопасности» [151, с. 16-18, 21].

Несмотря на то, что большинство сторонников ФАТХ на оккупированных территориях остались верны Я.Арафату и даже попытались взять под свой полный контроль положение в Палестине, они по-прежнему становились мишенью для израильской армии. 28 марта 1994 г. в результате «успешно» проведенной операции одному из израильских спецподразделений, скрыто действовавшему в секторе Газа и призванному ликвидировать палестинских сторонников вооруженного сопротивления, удалось расстрелять шесть молодых палестинцев в лагере беженцев Джабалия в Газе. Первоначально израильское армейское командование объявило о том, что в ходе короткого боя были уничтожены разыскиваемые боевики из организации «Ястребы ФАТХ», тем самым подтверждая тот факт, что они по-прежнему рассматриваются в качестве цели для карательной системы Израиля. Однако несколько позже выяснилось, что все шесть молодых палестинцев были членами ФАТХ и отвечали за поддержание порядка в лагере, включая противодействие проведению акций протеста противниками мирного диалога с Израилем. В конечном итоге, израильская сторона признала свою ошибку и принесла извинения руководству ООП в ходе переговоров, проводившихся в то время в Каире. Более того, после этой «случайности» израильские власти пошли на некоторые уступки «тунисам», разрешив возвращение на Западный берег реки Иордан 49 палестинцам, ранее высланным с оккупированных территорий. В их число преимущественно входили молодые активисты ФАТХ, включая Марвана аль-Баргути и Джамалю Загута, ранее входившего в состав Объединенного национального руководства (ОНР) интифады в секторе Газа [210, 1994, т. 331, № 7857, с. 50; 151, с. 22-23].

Однако наиболее последовательно и жестко израильскими властями преследовались активисты и сторонники радикальных движений ХАМАС и «Аль-Джихад», которые хотя и выступили резко против

скрепленной в Вашингтоне «сделки Арафат – Рабин», но снизили накал вооруженного сопротивления израильской оккупации осенью 1993 года. К числу наиболее крупных терактов, совершенных боевиками движения «Аль-Джихад» в этот период, можно отнести два случая. Так, 12 сентября 1993 г. в Газе молодой палестинец пытался подорвать начиненный взрывчаткой автомобиль, направив его на автобус, перевозивший израильских солдат. Этот террористический акт не удался и его единственной жертвой стал сам водитель автомобиля. В другой раз члены «Аль-Джихада» более удачно повторили теракт по схожему сценарию, взорвав автомобиль около рейсового автобуса 24 октября 1993 г. Результатом этой акции стало ранение тридцати израильтян [60, с. 89]. Боевики вооруженного крыла ХАМАС также совершили ряд вооруженных акций устрашения в отношении израильтян. Наиболее крупной из них, как и в случаях с «Аль-Джихадом», был подрыв автомобиля со взрывчаткой 26 сентября 1993 г. [92, с. 142, 149; 115, с. 162-163]. В октябре 1993 г. боевики «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» совершили новые «атаки» на израильские цели. Сначала, 4 октября 1993 г. водитель-смертник взорвал свой начиненный взрывчаткой автомобиль около автобуса вблизи с израильским поселением Бейт Эль (Beit El). Ранения различной степени тяжести получили 32 пассажира автобуса. 24 октября 1993 г. боевики ХАМАС обстреляли израильский военный патруль и убили двух военнослужащих армии обороны Израиля. Спустя пять дней, 29 октября, в секторе Газа боевиками военного крыла ХАМАС был застрелен один израильский поселенец [48, с. 173].

Армия и спецслужбы Израиля продолжали наносить удары по этим двум исламским организациям, действовавшим на оккупированных территориях. Сначала, 24 ноября 1993 г. израильтянами был убит руководитель одной из ячеек военного крыла Движения исламского сопротивления Имад Акль, прославившийся организацией нападений на израильские военные и гражданские цели вблизи Хеврона. Спустя два дня, 26 ноября 1993 г., сотрудники израильского спецподразделения, специализировавшегося на уничтожении лиц, подозреваемых в подготовке и совершении терактов или в участии в вооруженном сопротивлении на оккупированных территориях, застрелили еще одного руководителя ячейки «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» Халеда Зера [151, с. 24; 48, с. 174; 60, с. 18; 117, с. 66, 106].

Тем не менее, последовательное давление израильских властей на активистов и сторонников ХАМАС и «Аль-Джихада» на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа не лишило их решимости продолжать бороться с оккупацией. К весне 1994 г. ситуация на этих территориях стала приобретать взрывоопасный характер из-за непрекращавшихся актов взаимного насилия между палестинцами и израильтянами, как военными, так и гражданскими. Лидеры двух вышеупомянутых исламских движений, оказавшихся в авангарде вооруженного сопротивления Израилю,

очень точно почувствовали изменение политического климата в Палестине и резко активизировали свои вылазки против израильской армии и еврейских поселенцев. Кроме того, следовало бы указать, как минимум, еще на четыре фактора, которые способствовали переходу ХАМАС и «Аль-Джихада» к решительным силовым действиям. Во-первых, в нарушение ранее достигнутых договоренностей между «туниским» руководством ООП и правительством И.Рабина Израиль так и не приступил к поэтапному выводу своих войск, который должен был начаться с 13 декабря 1993 г., с территории, выделяемой для создания палестинской автономии. Во-вторых, в конце 1993 – начале 1994 г. наметилось некоторое сближение между отдельными местными руководителями ФАТХ и активистами Движения исламского сопротивления. Несмотря на то, что это сближение не приобрело тогда какого-либо формального вида, необходимо отметить определенные параллели в их деятельности. Одним из примеров этого «сближения» могут служить совпадающие по времени факты преследования палестинских «коллорационистов». Так, в одном только секторе Газа в сентябре 1993 г. были зафиксированы казни 12 «предателей», которые якобы сотрудничали с израильскими властями. Ответственность за большинство этих убийств взяли на себя боевики ХАМАС. Однако, как минимум, трое казненных палестинцев стали жертвами «суда» ФАТХ. В октябре 1993 г. были казнены еще четыре палестинских «коллорациониста». В-третьих, наметились серьезные разногласия внутри так называемой «Дамасской десятки», включавшей ряд светских палестинских организаций и движений и ХАМАС. Наличие этих разногласий стало очевидным, когда в апреле 1994 г. один из лидеров НФОП Абу Али Мустафа публично заявил об отсутствии какой-либо координации действий между «отказниками», отвергавшими сделку руководства ООП в Тунисе с Израилем [151, с. 18-19, 50; 48, с. 173]. В-четвертых, несмотря на то, что решение по созданию палестинской автономии в секторе Газа и Иерихоне не получило окончательного оформления, уже в конце 1993 г. стало очевидно, что «тунисты» приступили подспудно к формированию органов власти будущей ПНА. Таким образом, и ХАМАС и «Аль-Джихад», оттесняемые на обочину политического процесса в будущей «независимой» Палестине, оказались в роли стороннего наблюдателя, лишённого даже права совещательного голоса [115, с. 175].

Вспышка активности исламистов сразу же принесла результаты. В декабре 1993 г. представители ХАМАС заявили о том, что боевикам Движения удалось уничтожить израильского полковника Минца, который якобы координировал деятельность печально известных спецподразделений в секторе Газа. В феврале 1994 г. стало известно о гибели на Западном берегу реки Иордан оперативного сотрудника израильской Службы общей безопасности (Шин-Бет) Ноама Козна, который был убит собственным информатором из числа палестинцев [151, с. 26]. Однако особого размаха вооруженное сопротивление Израилю на оккупирован-

ных территориях со стороны сторонников ХАМАС и «Аль-Джихада» достигло весной 1994 года. Как и прежде мишенью для нападения палестинцев стали гражданские цели. В апреле 1994 г. произошло сразу несколько громких террористических актов. Первый из них имел место в городе Афула (Afula) на севере Израиля 6 апреля 1994 г. Как и в предыдущих случаях, бомбу, заложенную в автомобиль, привел в действие вблизи автобусной остановки водитель-самоубийца. Им оказался 19-летний палестинский юноша Рияд Заркана, проживавший в деревне Габатия (Gabatia) на Западном берегу реки Иордан. Итогом этого теракта стала гибель 9 израильтян и ранение еще 45 человек. Взятшее ответственность за него Движение исламского сопротивления в распространенном заявлении объявило о том, что этот взрыв является первым в серии из пяти подобных «атак», которые осуществляют боевики ХАМАС на территории Государства Израиль «в знак мщения за убийство мусульман в мечети Ибрагими в Хевроне и последовавшие за ним события». С этим заявлением сразу после совершения этой акции выступил представитель ХАМАС в Иордании Ибрагим Гоша, подтвердивший причастность к ней «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема». Израильские власти немедленно приняли решение о закрытии границы, отделяющей Израиль от оккупированных территорий. Однако это решение, как, впрочем, и другие меры безопасности израильских военных и гражданских объектов, включая массовые аресты палестинцев, подозреваемых в террористической деятельности, не смогли воспрепятствовать проникновению «террористических элементов» на территорию Израиля [102, с. 23; 210, 1994, т. 331, № 7858, с. 47; 210, 1994, т. 331, 7859, с. 55; 115, с. 166; 131, с. 189; 151, с. 26; 60, с. 10, 89; 117, с. 73].

Следующая «атака», совершенная ХАМАС против израильской цели, последовала через неделю, 13 апреля 1994 г. Палестинский юноша-смертник взорвал бомбу в салоне автобуса в городе Хадера (Hadera), расположенном в центральной части Израиля. Исполнителем этого теракта стал 22-летний палестинец Аммар Армана, который проживал в деревне Ябад (Yabad) под Дженином на Западном берегу реки Иордан. В результате этой атаки погибли пять израильтян. В заявлении, сделанном представителем ХАМАС сразу после теракта, говорилось, что это акция была совершена Движением исламского сопротивления. Более того, в ней содержалась угроза превратить день 14 апреля 1994 г. в «ад для Израиля». Тем самым становилось очевидным, что предпринимаемые израильскими властями меры безопасности не были столь эффективными, как это предполагалось, и не могли гарантировано защитить граждан страны от палестинских нападений [102, с. 23; 210, 1994, т. 331, № 7859, с. 55; 115, с. 166; 131, с. 189; 60, с. 10, 89; 117, с. 73]. Уже 16 апреля 1994 г. сторонники ХАМАС предприняли новую вылазку, взорвав автомобиль около придорожной лавки в Мехоле (Mehola), расположенном в долине реки Иордан. Жертвой этого взрыва стал один человек. Девять израильтян получили ранения. Вес-

ной 1994 г. активизировались также боевики движения «Аль-Джихад», взорвав бомбу на автобусной остановке в портовом городе Ашдод на побережье Средиземного моря. В результате этого теракта погибли два израильтянина [60, с. 19, 89].

В связи с серией террористических актов, совершенных в Израиле за пределами зоны оккупации, будет интересным привести мнение одного из лидеров ХАМАС Мухаммеда Назалья. В своем интервью, данном американской телекомпании CNN в середине апреля 1994 г., М.Назаль заявил, что вооруженные акции против гражданских целей на территории Израиля признаются руководством Движения исламского сопротивления ненормальным явлением. «Однако, – добавил он, – такие нападения будут продолжаться и впредь до тех пор, пока не будут отомщены все жертвы трагедии в Хевроне и Израиль не прекратит оккупацию Палестины». В то же время М.Назаль предположил, что «чрезвычайная политика» ХАМАС относительно ударов по израильским гражданским целям может быть прекращена в случае, если премьер-министр Израиля И.Рабин публично объявит о прекращении силовых действий в отношении палестинского гражданского населения в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан [210, 1994, т. 331, № 7860, с. 45]. Всего, по данным лондонского еженедельника «Экономист» [1994, т. 331, № 7859, с. 55], в результате волны насилия на оккупированных территориях и в собственно Израиле с 13 сентября 1993 г., даты подписания Декларации о принципах промежуточного соглашения о самоопределении в Вашингтоне, по 16 апреля 1994 г. включительно погибло около 150 палестинцев и 45 израильтян [см. также: 115, с. 166].

Ответом Израиля на усиление вооруженного противостояния в Палестине весной 1994 г. стали массовые аресты среди палестинцев, подозревавшихся в совершении террористических актов или в связях с террористами. Только за один день 17 апреля 1994 г. израильские власти арестовали около 200 палестинцев в секторе Газа и примерно 100 человек на Западном берегу реки Иордан, прежде всего в Хевроне [210, 1994, т. 331, № 7860, с. 45; 115, с. 169]. Одновременно с этим Израиль оказал давление на Иорданию, принуждая власти Хашимитского Королевства запретить деятельность представительств Движения исламского сопротивления на его территории. Тем самым предполагалось максимально затруднить контакты между лидерами ХАМАС, оказавшимися в изгнании, и местными руководителями Движения на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. В конечном итоге Израилу удалось добиться своей цели. Уже в середине апреля 1994 г. власти Иордании заявили представителям ХАМАС, имевшим свой официальный офис в Аммане, прежде всего Мухаммеду Назалю и Ибрагиму Гоша, что палестинское Движение исламского сопротивления не имеет легального статуса на территории Королевства. В связи с этим их предупредили о необходимости прекращения

всяческой деятельности, связанной с представительством ХАМАС. В противном случае они могли быть лишены иорданских паспортов и подвергнуться юридическому преследованию. Для понимания изменения позиции официального Аммана следует принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, Иордания была заинтересована в дальнейшем развитии отношений с Израилем. Это могло усилить позиции Королевства в регионе, что было принципиально важно для Аммана в условиях, когда «тунисское» руководство ООП во главе с Я.Арафатом практически стало проводить самостоятельную политику, которая не учитывала интересы Иордании. Во-вторых, для официального Аммана важной была не столько проблема нормализации иордано-израильских взаимоотношений, хотя отрицание ее значимости для Королевства было бы нелогичным, сколько использование этих двусторонних связей для поиска новых точек соприкосновения со странами Запада, прежде всего США. Это обстоятельство было тем более актуальным для Иордании в связи с тем, что из Вашингтона и ряда западноевропейских столиц неоднократно раздавались угрозы в адрес тех государств, которые поддерживали исламистов и, тем самым, срывали мирный процесс на Ближнем Востоке. Особое опасение в этих условиях вызывала у официального Аммана угроза наложения международных экономических санкций, включая возобновление досмотра иностранных судов заходивших в иорданский порт Акаба или выходивших из него, как это делали американские, британские и французские военные корабли в период иракско-кувейтской кризиса [210, 1994, т. 331, № 7860, с. 45].

На фоне развития ситуации в Палестине и вокруг нее весьма примечательной выглядит переговорная тактика находившегося в Тунисе руководства ООП в отношении Израиля. Было бы неверным называть эту тактику новой, так как она активно использовалась Я.Арафатом и его ближайшим окружением еще в период интифады. Суть ее сводилась к тому, чтобы использовать любое обострение ситуации в регионе и прежде всего на оккупированных территориях для того, чтобы оказывать давление на своего контрапартнера по переговорному процессу. В конце 1993 – начале 1994 г. «тунисцы» вновь прибегли к своей излюбленной практике. Одной из острых тем в палестино-израильском диалоге являлся вопрос о палестинских заключенных, находившихся в израильских тюрьмах. Согласно различным источникам, в конце 1993 – начале 1994 г. в израильских тюрьмах находилось 11-17 тыс. палестинцев [210, 1993, т. 328, № 7829, с. 25; 210, 1994, т. 331, № 7860, с. 45; 151, с. 6]. Еще в период подготовки Мадридской мирной конференции в августе 1992 г. руководство ООП обратилось к Израилю с требованием освободить 800 палестинских политических заключенных в качестве «жеста доброй воли» [210, 1992, т. 324, № 7774, с. 36]. К весне 1994 г. эта цифра возросла до нескольких тысяч человек. «Тунисцы» активно использо-

вали эту тему для того, чтобы поддерживать свой имидж «заступника палестинского народа», активно отстаивающего его права. Однако на деле это требование выхолащивалось до обычного политического лозунга, который не нуждался в практической реализации. Со своей стороны Израиль охотно включился в этот «политический спектакль», заявив о своей готовности выпустить из тюрем пять тысяч палестинцев после подписания соглашения по сектору Газа и Иерихону. Вместе с тем израильские власти отметили, что в этот список не будут включены лица, которые были арестованы по подозрению в связях с «террористами», как именовались сторонники Движения исламского сопротивления и движения «Аль-Джихад». Со своей стороны «миротворцы» из ООП не высказали какого-либо неудовлетворения этим, так как они в не меньшей степени чем Израиль не были заинтересованы в освобождении членов ХАМАС и усилении позиций этого Движения накануне подписания соглашения о создании Палестинской Национальной Автономии [210, 1994, т. 331, № 7859, с. 56; 210, 1994, т. 331, № 7860, с. 45].

Вне зависимости от хода обсуждения существовавших разногласий и противоречий Я.Арафат и его ближайшие советники были решительно настроены на заключение сепаратной сделки с Израилем. Отказ от продолжения ими переговорного процесса по политическому урегулированию положения в Палестине означал бы для них полный финансовый крах и «политическую смерть». Подтверждением этого может служить крайне неудачная поездка Я.Арафата в Саудовскую Аравию, которая стала его первым визитом в государство Персидского залива, не считая Оман, с момента возникновения ирако-кувейтского кризиса. В ходе этой поездки, состоявшейся в январе 1994 г., Я.Арафат был принят королем Фахдом, который фактически отказал лидеру ООП в какой-либо поддержке и обвинил руководящие структуры этой Организации в коррупции и предательстве интересов арабского мира [38, с. 266]. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что 9 февраля 1994 г. в Каире Я.Арафат согласился со всеми условиями по вопросам безопасности, которые выдвинул И.Рабин. Спустя два месяца, 4 апреля 1994 г., представители ООП подписали соглашение с Израилем по вопросу обеспечения безопасности в районе Хеврона, которое прежде всего касалось еврейских поселенцев в этом городе [151, с. 19-20, 22]. Одновременно с этим шли активные переговоры по экономическим вопросам, которые проходили в Париже. Палестинскую делегацию на них возглавлял Ахмед Корей, более известный под именем Абу Аля [210, 1994, т. 331, № 7859, с. 56]. Было очевидно, что согласование деталей соглашения о создании ПНА и его заключение – это не предмет принципиального спора, но лишь вопрос времени.

К концу апреля соглашение по сектору Газа и Иерихону было практически согласовано. Торжественная церемония его подписания, и это свидетельствует о новом шаге в направлении укрепления пози-

ции Египта по сепаратному урегулированию палестино-израильской проблемы, состоялась в Каире 4 мая 1994 г. В соответствии с этим соглашением большая часть сектора Газа и небольшая зона вокруг Иерихона (Ариха), включая сам город, на Западном берегу реки Иордан должны были постепенно передаваться под полный палестинский контроль. Исключение составляли израильские поселения на этой территории и связывавшие их друг с другом дороги, которые оставались под охраной израильской армии. Общая численность населения будущей автономии должна была составить чуть более 800 тысяч человек, из которых примерно 15 тысяч палестинцев проживали в Иерихоне [38, с. 273, 291; 41, с. 142; 49, с. 283; 142, с. 5; 102, с. 22; 173, с. 9; 177, с. 101; 201, с. 147; 131, с. 175; 151, с. 23].

Согласно Каирскому соглашению 1994 г. Израиль приступил к постепенному выводу своих войск с территории создаваемой ПНА. Сначала 13 мая 1994 г. под контроль палестинцев перешел город Иерихон и ограниченная полоса земли вокруг него. Спустя пять дней, 18 мая, палестинцы официально получили власть на большей части сектора Газа. Взамен ушедших израильских армейских подразделений стали прибывать первые палестинские полицейские [38, с. 281; 49, с. 283; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 46; 115, с. 166; 151, с. 61; 117, с. 68]. Однако процесс передачи части оккупированных территорий под палестинский контроль и создание на ней формальной автономии проходил не гладко. Еще накануне подписания Каирского соглашения 22 апреля 1994 г. был заключен очередной договор, или «пакт чести», между Движением исламского сопротивления (по другим сведениям, непосредственно «Бригадами Изз ад-Дина аль-Касема») и организацией «Ястребы ФАТХ». Этот межпалестинский договор включал в себя шесть пунктов. Один из них предусматривал введение месячного моратория на убийство «коллорабационистов» не только в границах ПНА, но и на всех оккупированных территориях. Это делалось для того, чтобы дать «предателям» возможность порвать свои связи с израильтянами. Кроме того, в соглашении предусматривалось создание совместных комиссий для урегулирования существовавших разногласий между двумя этими структурами, а также предлагались меры по регулированию забастовочного движения в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Однако главный смысл этого документа заключался в попытке обеспечения национального единства на этапе формирования властных органов ПНА. В известной степени в нем могла таиться угроза для «тунисцев», так как оно создавало основу, хотя и шаткую, для противодействия засилью близких к Я.Арафату представителей диаспоры в органах власти будущей автономии за счет сокращения вакансий для местных функционеров [102, с. 24; 48, с. 174; 117, с. 68, 104].

Подписание Каирского соглашения, вывод израильских войск с территории, выделенной для ПНА, и замена их на палестинскую по-

лицию не остановили волну взаимного насилия между палестинцами и израильтянами. Так, 16 мая 1994 г. в Хевроне молодой еврейский поселенец, которого попытались забросать камнями, открыл огонь из автоматического оружия по толпе палестинцев, ранив 18 человек. В завязавшейся стычке активное участие принял израильский патруль, призванный «поддерживать безопасность» в городе. На следующий день, 17 мая, в том же Хевроне исламские боевики обстреляли автомобиль с еврейскими поселенцами, убив двух израильтян и ранив одного. Наконец, в середине мая 1994 г. разгорелся скандал, который был вызван одним из заявлений главы ПНА Я.Арафата. Посещая мусульманскую мечеть во время своего визита в ЮАР, Я.Арафат призвал к джихаду за освобождение мусульманского Иерусалима. Эти слова вызвали бурю возмущения в Израиле, прежде всего у сторонников правых партий. Премьер-министр страны И.Рабин потребовал объяснений у руководителя палестинской автономии. В телефонной беседе с израильским министром иностранных дел Шимоном Пересом Я.Арафат дезавуировал свое заявление, отметив, что он использовал термин «джихад» («священная война») только как символ, но не как призыв к возобновлению вооруженной борьбы с Израилем [210, 1994, т. 331, № 7864, с. 46-47].

Тем не менее, уже ничто не могло остановить процесс создания Палестинской Национальной Автономии, которую Фейсал аль-Хусейни на встрече в Иерихоне с представителем Государственного департамента США назвал «шагом к нашему будущему государству» [210, 1994, т. 331, № 7864, с. 46-47]. В середине июня, а точнее 12 июня 1994 г., в ПНА прибыл один из ближайших советников Я.Арафата Набиль Шаат, который не только возглавил подготовку к торжественной церемонии прибытия главы исполнительной власти автономии, но и начал процесс формирования новых органов власти на ее территории [210, 1994, т. 331, № 7868, с. 50]. 1 июля 1994 г. в секторе Газа впервые после 27 лет изгнания председатель Исполкома ООП и глава исполнительной власти ПНА Ясир Арафат вступил на палестинскую землю. Спустя четыре дня, 5 июля, Я.Арафат в сопровождении усиленной охраны и многочисленной свиты прибыл в «столицу» автономии город Иерихон, где его восторженно встречало почти все население города [49, с. 283; 210, 1994, т. 331, № 7864, с. 46; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 151, с. 29, 61; 117, с. 2, 103]. Таким образом, в истории палестинского народа наступил новый этап, который, как многие считали, должен привести к быстрому обретению палестинцами своей государственности. Однако этот процесс не только затянулся во времени, но и породил колоссальные проблемы в формировании у палестинцев понимания государственной власти.

ГЛАВА II ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПАЛЕСТИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

1. Подходы к созданию исполнительной власти в Палестине

Создание Палестинской Национальной Автономии (ПНА) естественным образом предполагало формирование органов исполнительной власти на всей подконтрольной ей территории. Первоначально предусматривалось, что израильские власти, военные и гражданские, приступят к постепенной передаче дел в секторе Газа и районе города Иерихон (Ариха) палестинским представителям, назначенным руководством ООП, уже в первых числах октября 1993 г. [210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49]. Более того, Израиль выступал за обязательное проведение выборов в органы исполнительной власти в автономии. Главным образом это требование касалось формирования так называемого «исполнительного совета» или «правительства» ПНА. Состав исполнительного совета ПНА должен был включать 24 члена, или «министра», которым поручалось управление той или иной сферой деятельности автономии. Израиль увязывал выполнение этого требования палестинской стороной со сроками начала вывода своих войск из сектора Газа и района города Иерихон (Ариха). В частности, Израиль жестко настаивал на том, что без учета этого требования не могло быть и речи о начале эвакуации израильских войск с палестинских территорий. Вместе с тем признавалось, что этот вопрос может быть урегулирован путем двусторонних переговоров [210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38]. Реально процедура выработки палестино-израильского соглашения относительно создания ПНА, согласования сроков вывода Израилем своих войск с части оккупированных территорий и передачи их в ведение палестинской администрации затянулась более чем на полгода и завершилась только в начале мая 1994 г.

Еще до подписания Каирского соглашения 4 мая 1994 г. председатель Исполкома ООП Я.Арафат приступил к подбору кадров на руководящие должности в органах исполнительной власти будущей автономии. При этом он делал ставку на усиление своих позиций в территориальных отделениях Движения палестинского национального освобождения. Учитывая тот факт, что ФАТХ являлся главной опорой влияния Я.Арафата в палестинском национальном движении, было очевидно, что именно функционеры Движения палестинского национального освобождения составят основу «государственной бю-

рократии» ПНА. Вместе с тем такой выбор требовал определенных организационных усилий со стороны «тунисского» руководства ООП по упрочению своих позиций как в секторе Газа, так и на Западном берегу реки Иордан. Как уже отмечалось, на рубеже 1993-1994 гг. Я.Арафат предпринял попытку решения проблемы оппозиции его «мирному курсу» со стороны некоторых руководящих кадров ФАТХ на оккупированных территориях. В основном она была направлена против местных молодых функционеров, сделавших политическую карьеру на волне интифады. Молодежь в рядах ФАТХ, недовольная авторитарным стилем руководства Я.Арафата Движением палестинского национального освобождения, не только резко критиковала его, но и требовала проведения демократических реформ в Движении с тем, чтобы «избежать катастрофы палестинского народа». В этих условиях вполне естественной стала реакция председателя Исполкома ООП, который начал проводить по отношению к ним такую кадровую политику, которая искусственно принижала роль нового поколения политиков ФАТХ во всех процессах, проходивших в оккупированной Палестине [210, 1993, т. 329, № 7838, с. 46].

Одним из проявлений этой политики стали назначения Фейсала аль-Хусейни и Закарии Ага руководителями территориальных отделений Движения палестинского национального движения на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа соответственно. По своей сути, эти назначения были призваны решить более глобальную проблему, чем противостояние амбициям народившегося поколения молодых функционеров ФАТХ. Они были нацелены на обеспечение лояльности всего Движения палестинского национального освобождения лично Ясиру Арафату. Важно отметить, что ни Фейсал аль-Хусейни, ни Закария Ага не смогли преодолеть разногласий внутри территориальных отделений ФАТХ. В Высшем комитете ФАТХ на Западном берегу реки Иордан, который возглавлял и координировал всю деятельность Движения в этой части оккупированной Палестины и включал в свой состав около 40 человек, наметилось противостояние нового формального лидера Фейсала аль-Хусейни и одного из самых известных и активных представителей молодого поколения фатховцев Марвана аль-Баргути. В секторе Газа ситуация была более драматичной. Закария Ага практически никак не проявил себя в период интифады. С его приходом на пост руководителя Высшего комитета ФАТХ в секторе Газа, насчитывавшего около десяти человек, сразу несколько его членов демонстративно подали в отставку, выказывая свое несогласие с этим назначением. Среди тех, кто выступил против Закарии Ага, был местный функционер Движения палестинского национального освобождения Закария Талмас, который заявил: «Руководство отстраняет людей, которые боролись и жертвовали во имя идеи. Мы отказываемся принимать лидеров, которые жили в пятизвездочных отелях, поедая рыбу и шоколад, пока наш народ умирал от голода.

Настоящие лидеры те, кто был на поле боя, а не в гостиницах, те, кто получал образование в тюрьмах» [38, с. 278, 296; 106, с. 11, 14, 17; 210, 1993, т. 329, № 7838, с. 46; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 46; 131, с. 177, 179-180]. Несмотря на все сложности, которые существовали в Движении палестинского национального освобождения, под сомнение не ставился сам факт того, что выдвиженцы ФАТХ должны были составить основу новой исполнительной власти в автономии. Это обстоятельство вызывало у части местного населения, проживающего на территории автономии, определенные опасения. Они были обусловлены слухами о коррумпированности ближайшего окружения Я.Арафата, которые заставляли задуматься о том, не будут ли разворовываться финансовые средства, которые обещало выделить мировое сообщество на становление ПНА. Одновременно с этим столь явный крен в сторону одной политической силы создавал угрозу для превращения ФАТХ в «государство внутри государства». Движению палестинского национального освобождения была уготована роль «партии власти», которая получала под свой контроль наиболее важные министерские посты в системе исполнительной власти ПНА – министров экономики и безопасности [38, с. 296; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43-44; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 189, с. 34; 331, с. 95; 131, с. 179; 117, с. 110].

Второй опорой лидерства Я.Арафата в структурах исполнительной власти ПНА, прежде всего в ее «правительстве», стала проверенная годами на лояльность председателю Исполкома ООП старая бюрократия из штаб-квартиры ООП в Тунисе. В середине июня 1994 г. стало известно, что Я.Арафат планирует перевести из Туниса в Иерихон почти 1200 сотрудников из числа «бюрократии ООП» [210, 1994, т. 331, № 7868, с. 50]. Большинство из тех, кто прибыл вместе с Я.Арафатом в Газу и Иерихон и влился в структуры исполнительной власти, долгие годы жили в отрыве от реалий Палестины и говорили с сильным ливанским, сирийским и другими акцентами. Вряд ли можно утверждать, что они были серьезно озабочены положением в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, так как их общая доминирующая характеристика сводилась к несложной фразе – «лично преданные Арафату люди». Однако они, как впрочем, и функционеры ФАТХ, были призваны сформировать истеблишмент ПНА, который должен был стать прообразом новой политической элиты будущего палестинского государства [38, с. 275; 50, с. 278; 100, с. 241; 131, с. 180-181].

Наконец, третья опора власти Я.Арафата на территории автономии – это традиционные местные знатные семьи. Однако их позиции оказались значительно ослаблены в годы интифады. Особенно это ощущалось в лагерях беженцев на оккупированных территориях. Проживавшие на них люди в значительной мере утратили традиционные связи, характеризующиеся принципом «патрон – клиент». По этой причине знатные палестинские семьи были готовы на восстановление

своих позиций при помощи главы ПНА. Однако этот союз не был односторонним. Он являлся обоюдовыгодным, как для Я.Арафата, так и для представителей местной землевладельческой и торговой знати. В свою очередь Я.Арафат не только использовал пусть и ослабшее, но сохранявшееся влияние известных семей из числа местной знати на палестинское население в ПНА и на оккупированных территориях. Главе ПНА поддержка местной знати была важна также для отражения возможных претензий Иордании на свою «особую роль» на Западном берегу реки Иордан. Кроме того, представители местной знати в Палестине обладали значительными финансовыми ресурсами, в которых остро нуждался Я.Арафат. В числе ярких примеров, которые подтверждали эту тенденцию, можно указать на уже упоминавшееся назначение Фейсала аль-Хусейни. Он представлял известное и уважаемое в Иерусалиме семейство аль-Хусейни. Другой назначенец – Закария Ага – являлся выходцем из знатной землевладельческой семьи из Хан Юниса. К их числу можно также отнести Мухаммеда Зухди ан-Нашашиби, олицетворявшего древний палестинский клан землевладельцев, и некоторых других традиционных палестинских лидеров [38, с. 275, 278, 296; 106, с. 11; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 131, с. 177-180].

В результате была сформирована некая коалиция сил, которая была призвана обеспечить стабильность политической системы ПНА во главе с Я.Арафатом. Однако процесс формирования исполнительной власти на территории автономии затягивался. Кандидаты на министерские посты в администрации палестинской автономии впервые собрались вместе на массовом митинге, который был организован в Газе по случаю прибытия в Палестину главы ПНА Я.Арафата. Это мероприятие должно было символизировать начало формирования гражданского правительства на освобожденных территориях. Примечательно, что прибывший на митинг Я.Арафат – председатель Исполкома ООП и руководитель исполнительной власти ПНА был одет в военную униформу. Он пообещал сменить ее на гражданскую одежду только после полного освобождения палестинских территорий. Спустя четыре дня, 5 июля 1994 г., в первый день своего пребывания в Иерихоне, Я.Арафат привел к присяге 12 членов «исполнительного совета» ПНА. Остальные 12 вакансий пока оставались свободными [38, с. 276; 71, с. 57; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 44].

На территориях палестинской автономии ежедневно устраивались митинги и шествия. Организовывались пышные церемонии встречи Я.Арафата и его ближайшего окружения. Воодушевление и восторг палестинского населения, освободившегося от израильской оккупации, в этот период были вполне объяснимы. Эмоции превалировали над разумом. При этом более чем странным казалось поведение первых лиц ПНА, которые взяли на себя ответственность за положение на ее территории и за жизнь почти 850-тысячного населения

автономии. «Купаясь» в лучах славы, руководители исполнительной власти автономии как-то «забыли» о колоссальных социально-экономических проблемах в секторе Газа и в Иерихоне. В «переходный период» передачи дел от израильских властей палестинской администрации, растянувшийся на несколько месяцев и больше похожий на период анархии и безвластия, эти проблемы лишь усугубились. Многие в секторе Газа и районе Иерихона прекратили уплату налогов. Счета за электричество и пользование телефоном, выставляемые израильскими компаниями, также оставались неоплаченными. На этих территориях создавалась обстановка правового вакуума [210, 1994, т. 329, № 7831, с. 49; 210, 1994, т. 33, № 7865, с. 46-48; 210, 1994, т. 332, 7871, с. 43]. При этом не следует забывать, что согласно Каирскому соглашению от 4 мая 1994 г., на органы исполнительной власти ПНА возлагались функции управления такими сферами деятельности как туризм, образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение и налогообложение, не говоря уже о регулировании экономической жизни и обеспечении безопасности в зоне их ответственности [210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 173, с. 9].

Процесс формирования органов исполнительной власти палестинской автономии сопровождался острой борьбой. Ее отражением стало обострение противоречий между местными функционерами и активистами различных политических движений, организаций и группировок, действующих на территории Палестины, и представителями диаспоры, установившими свой контроль во всех сферах деятельности ПНА. Среди первых назначенцев правительства автономии, занявших ключевые посты, следует указать таких известных представителей диаспоры как Ахмед Корей, Набил Шаат и некоторых других. Ахмед Корей, больше известный под именем Абу Аля, входил в ближайшее окружение председателя Исполкома ООП и возглавлял палестинскую делегацию на переговорах с Израилем по экономическим вопросам. Ему прочили пост министра финансов в правительстве ПНА, но назначили министром экономики и промышленности. В свою очередь, Набил Шаат, который получил образование в США, а затем долгое время жил в Египте, в начале 90-х годов превратился в одного из доверенных советников Я.Арафата и наиболее влиятельных сотрудников аппарата «туниского» руководства ООП. В «исполнительном совете» автономии первого состава он возглавил Министерство планирования и международного сотрудничества. Кроме того, в правительстве ПНА вошли еще ряд видных представителей палестинской диаспоры – вдова Абу Аяда Интисар аль-Вазир, отвечавшая за социальную сферу, Ясир Абд Раббо, возглавивший Министерство информации, и Махир аль-Масри, ставший министром торговли. Фигура последнего является особо примечательной. Считается, что в период трагических событий 1970 г. в Иордании Махир аль-Масри спас председателя Исполкома ООП Я.Арафата от гибели. Одноре-

менно с этим он был известен как один из сторонников тогдашнего короля Иордании Хусейна и даже входил в состав правительства Королевства [38, с. 278, 280, 314; 71, с. 61; 106, с. 13; 208, 1997, № 24, с. 24; 210, 1993, т. 328, № 7829, с. 48; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 48; 210, 1995, т. 334, № 7898, с. 47; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145-146; 131, с. 187; 151, с. 73].

В то же самое время следует указать и на то, что Я.Арафат активно привлекал к работе в исполнительных структурах автономии многих представителей из состава местных знатных кланов, прежде всего землевладельческих. Они заняли более половины министерских постов в исполнительной власти ПНА. В числе наиболее показательных примеров следует обратить внимание на Фейсала аль-Хусейни и некоторых других членов правительства автономии. Так, Фейсалу аль-Хусейни в силу его происхождения была уготована должность министра без портфеля, ответственного за проблемы Иерусалима. Еще один потомок древнего землевладельческого клана – Мухаммед Зухди ан-Нашашиби был назначен министром финансов [38, с. 278; 71, с. 61; 208, 1997, № 15, с. 24; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1995, т. 335, № 7913, с. 47; 210, 1995, т. 336, № 7930, с. 36; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145-146].

По информации лондонского еженедельника «Экономист» [1994, т. 331, № 7865, с. 46] изначально существовали планы распределения министерских портфелей между представителями «туниского» руководства ООП из состава диаспоры и видными деятелями с оккупированных территорий (как местных партийных функционеров, так и выходцев из традиционной местной знати) в пропорции 9 к 15. В целом это соотношение было выдержано, хотя оно и носило формальный характер, так как важность вопроса заключалась не в количестве министерских постов, а в их значимости. Кроме того, стало очевидным, что состав первого правительства ПНА практически закреплял преобладание сторонников ФАТХ в структурах исполнительной власти. Об этом можно судить из неполного списка руководящих функционеров Движения палестинского национального освобождения в «исполнительном совете» автономии: Набил Шаат; Саеб Орейкат; Фейсал аль-Хусейни; Махир аль-Масри; Интисар аль-Вазир; министр здравоохранения Рияд аз-Заанун; министр юстиции Абу Медейн Фрейх; министр общественных работ Аззам аль-Ахмад; министр жилищного строительства Абд ар-Рахман Хамад; министр транспорта Али аль-Кавасми. Хотя на руководящие посты в исполнительной власти ПНА были введены и независимые палестинские деятели, но их число и политический вес были незначительными. В частности, бывший мэром Вифлеема Ильяс Фрейдж был назначен министром туризма [38, с. 278; 71, с. 61; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 48; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 210, 1997, т. 343, № 8008, с. 43; 210, 1996, т. 338, № 7952, с. 45; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145-146; 179, с. 97]. Кроме того,

стало очевидно, что правительство автономии являлось не технократическим органом власти, но средством политической борьбы на ее территории и удовлетворения амбиций различных сил, вовлеченных в процесс создания ПНА [210, 1993, т. 329, № 7838, с. 46].

Принципы формирования исполнительной власти в ПНА вызвали недовольство у части палестинских деятелей с оккупированных территорий, которые некогда стояли у истоков мирного диалога между ООП и Израилем. Показательным примером в этой связи может служить позиция Хейдара Абд аш-Шафи, который не только отказался от предложения Я.Арафата войти в состав правительства автономии, но заявил о своем нежелании сотрудничать с ним. Более того, им была организована кампания петиций против методов отбора кандидатов в структуры исполнительной власти автономии. Его примеру последовали многие другие независимые палестинские политики, в том числе известный палестинский экономист Самир Абдалла. Одно время в эту группу входила и Ханан Ашрави. Она, в частности, выразила сомнение относительно способности этого правительства служить на благо палестинского народа. Однако ее сомнения развеялись, как только ей был предложен пост министра высшего образования ПНА [38, с. 268, 277; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 46; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145; 131, с. 179, 181].

Еще одной проблемой формирования исполнительной власти в ПНА стала угроза усиления трайбалистских тенденций. Несмотря на то, что в период интифады на первый план выдвинулись новые лидеры, было бы ошибочным полагать, что внутриплеменные связи в палестинском обществе были ослаблены и преданы забвению. Ситуация в Палестине свидетельствует о том, что племенная самоидентификация палестинцев весьма живуча и играет важную социальную роль в лагерях беженцев. По мнению некоторых исследователей, членство во многих фракциях ООП и даже в исламских движениях несет на себе сильный отпечаток принадлежности к тому или иному племени. После завершения интифады начался процесс восстановления влияния внутриплеменных отношений. Этому способствовала практика назначений, задуманная Я.Арафатом и его ближайшими советниками как некая альтернативная выборности система «сдержек и противовесов», которая могла бы ограничить влияние новых лидеров, завоеванное ими в ходе восстания [71, с. 63; 137, с. 164-165].

Помимо этого руководство автономии в лице Я.Арафата и его ближайших советников стремилось закрепить свое доминирование и на муниципальном уровне. Почти сразу, в июле 1994 г., Я.Арафат своими распоряжениями распустил муниципальные советы в Газе и Наблусе, хотя тот еще не входил в состав ПНА, и назначил новые органы власти без согласования с политическими партиями, движениями и организациями на этих территориях. Более того, он отверг идею проведения выборов в муниципальные советы, с которой вы-

ступали практически все оппоненты его авторитарного стиля управления. Так, в Газе глава ПНА распустил муниципальный совет, который пользовался поддержкой всех местных партий и организаций, включая исламские. Особое неудовольствие общественного мнения вызвала отставка компетентного и популярного в Газе руководителя совета Мансура Шава, проявлявшего повышенную самостоятельность в своих действиях на этом посту. Новый состав совета отличался преобладанием в нем лиц, непосредственно зависевших от Я.Арафата. Свои действия, нарушавшие его прежние договоренности с другими политическими силами в Палестине, в том числе с ХАМАС, Я.Арафат объяснял тем, что муниципальные советы не являются органами политической власти, а призваны выполнять рутинные функции по обеспечению жизнедеятельности городов и услуг их населению. Муниципальные советы этих городов возглавили представители традиционных местных элит. Спустя почти полтора месяца, 28 августа 1994 г., глава ПНА своей властью распустил муниципальный совет Иерихона (Ариха), состоявший из девяти человек, и назначил в него новых членов, в том числе одного активиста Движения исламского сопротивления, без каких-либо согласований с другими палестинскими политическими силами [38, с. 277-278; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 210, 1994, т. 332, № 7879, с. 43-44; 210, 1994, т. 335, № 7908; 131, с. 178-179; 48, с. 176]. По мере расширения границ ПНА Я.Арафат продолжал проводить ту же политику, единолично назначая главами районов лояльных ему лиц. Так, губернатором Дженина в северной части Западного берега реки Иордан после вывода из этого города израильских войск был назначен видный функционер ФАТХ Хикмат аль-Кейлани [71, с. 61].

Все эти проблемы, которые стали очевидными в ходе формирования исполнительной власти в ПНА, неминуемо создавали благоприятные условия для обострения внутривнутриполитической борьбы, прежде всего в рядах Движения палестинского национального освобождения. Предыдущие попытки Я.Арафата и его ближайших соратников установить свой тотальный контроль над территориальными отделениями ФАТХ в Палестине не увенчались успехом. Молодые функционеры ФАТХ, почувствовавшие вкус власти, не собирались сдавать свои позиции ни в секторе Газа, ни на Западном берегу реки Иордан. Они пытались противодействовать практике назначений руководителей территориальных отделений Движения палестинского национального освобождения, настаивая на демократизации жизни ФАТХ, в том числе на проведении выборов его руководящих органов. Особенно явным это противостояние внутри ФАТХ стало в конце осени 1994 года. В преддверии новых назначений молодые лидеры Движения палестинского национального освобождения на Западном берегу реки Иордан, которые были представлены преимущественно бывшими узниками израильских тюрем и активистами интифады, в

том числе высланными с оккупированных территорий, перешли в наступление. Они организовали предварительные рейтинговые выборы руководителя отделения ФАТХ в Рамаллахе, которые состоялись 4 ноября 1994 г. Их результаты были неутешительны ни для главы ПНА и руководителя ФАТХ Я.Арафата, ни для остального руководства Движения палестинского национального освобождения, которое в основном состояло из политических деятелей поколения Я.Арафата. Уже 10 ноября 1994 г. руководство ФАТХ выступило с осуждением «раскола» внутри Движения и приостановило проведение новых выборов в своих территориальных отделениях на Западном берегу реки Иордан до тех пор, пока не будут укреплены устои палестинской автономии. Это решение было полностью поддержано Я.Арафатом, который назвал эти выборы «детскими играми» [71, с. 61; 106, с. 17– 18; 210, 1994, т. 333, № 7890, с. 54; 131, с. 79].

Необходимо отметить, что инициатором выборов оказался секретарь Высшего комитета ФАТХ на Западном берегу реки Иордан Марван аль-Баргути. Его биография во многом типична для нового поколения функционеров и активистов Движения палестинского национального освобождения, чье появление на политической арене в Палестине было прямо связано с участием в интифаде. В конце 70-х годов он был активистом ФАТХ и создавал боевые ячейки Движения на оккупированных территориях. Неоднократно подвергался арестам. В начале 80-х годов он стал одним из основателей молодежной организации ФАТХ, получившей название «Аш-Шабиба» («Молодежь»), на Западном берегу реки Иордан. Марван аль-Баргути возглавлял студенческую фракцию этой организации в университете в Бир-Зейте, являясь одновременно руководителем студенческого совета в этом же университете. В первые месяцы интифады он был в очередной раз арестован и выслан за пределы Палестины. В августе 1989 г. Марван аль-Баргути был кооптирован в состав Революционного совета, являвшегося наряду с Центральным советом одним из руководящих органов ФАТХ. После оглашения палестино-израильских договоренностей в Осло в августе 1993 г. он выступил с резкой критикой деятельности «туниского» руководства ООП и узурпации власти председателем ее Исполкома Я.Арафатом. В конце 1993 – 1994 гг. Марван аль-Баргути осудил недемократичную практику назначения ничем не зарекомендовавших себя палестинских деятелей на руководящие посты в территориальных отделениях Движения палестинского национального освобождения и в органах исполнительной власти автономии, а также усиление как в ФАТХ, так и в ПНА клановых тенденций. Наиболее последовательными сторонниками курса Марвана аль-Баргути на демократизацию организационной и политической жизни внутри ФАТХ и ПНА проявили себя функционер Движения палестинского национального освобождения в секторе Газа Суфьян Абу Зейда и член Революционного совета ФАТХ, представ-

лявший палестинскую диаспору, Набиль Амр. Последний после создания автономии стал редактором официальной газеты ПНА «Аль-Хайят аль-джадида» («Новая жизнь»), выступал за внедрение практики выборов по примеру Рамаллаха в организационную деятельность других территориальных отделений ФАТХ.

Со своей стороны руководители Движения палестинского национального освобождения и ПНА, прежде всего Я.Арафат, активизировали попытки расколоть существовавшую оппозицию. В частности, можно указать на пример одного из активных сторонников идеи выборности руководящих органов в ФАТХ Наифа Сувейтата, который подобно Марвану аль-Баргути участвовал в создании организации «Аш-Шабиба» и в середине 80-х годов являлся президентом студенческого совета университета «Ан-Наджах». После включения города Дженин в состав палестинской автономии Наиф Сувейтат был назначен главным политическим советником губернатора Дженина. Кроме того, Марван аль-Баргути и Суфьян Абу Зейда решительно выступали против оппортунизма и фракционизма в рядах ФАТХ. Они заявляли, что не стремятся к расколу Движения, видя свою цель только в его трансформации в политическую партию парламентского типа и выработке системы более демократической практики принятия решений. Несмотря на все принимавшиеся Я.Арафатом меры, оппозиция во главе с Марваном аль-Баргути продолжала открыто действовать внутри ФАТХ. Сразу после событий в Рамаллахе, 14 ноября 1994 г., Марван аль-Баргути обещал провести очередные выборы в ФАТХ в Тулкарме и Иерусалиме в течение одной-двух недель. Он заявил: «В прошлом ФАТХ завоевал свое право возглавлять национальное движение мужеством своих бойцов и кровью своих павших героев. Сейчас мы имеем ПНА на палестинской земле и обязаны завоевать свою легитимность через демократический выбор народа». Тем не менее, следующие выборы руководящих органов территориальных отделений Движения палестинского национального освобождения были проведены только в 1998 г. [71, с. 61-63; 106, с. 17-18; 210, 1994, т. 333, № 7880, с. 54].

Не менее сложно складывались отношения руководства ПНА и Движения палестинского национального освобождения, являвшегося одной из основ автономии, с оппозиционными палестино-израильской сделке движениями и организациями. Прежде всего это касалось Движения исламского сопротивления (ХАМАС). Первоначально Я.Арафат пытался нейтрализовать резкую оппозиционность ХАМАС по отношению к палестино-израильским соглашениям, предложив его руководству включиться в процесс формирования органов исполнительной власти ПНА. Лидеры ХАМАС, выступавшие в роли главных оппонентов «голубей мира» из ООП и постоянно стремившиеся подчеркнуть свою самостоятельность и несгибаемую решимость бороться до полного освобождения Палестины от сионистов, сразу же отвергли это предложение. Им было очевидно, что Движению исламского сопротивления

отводится роль статиста или в лучшем случае «актера второго плана» в политической драме, разворачивавшейся в Палестине. Лидеры ХАМАС, постоянно подтверждавшие свою решимость на продолжение вооруженной борьбы с Израилем, осознавали, что их Движение было не в состоянии оспорить власть у ФАТХ и других сил, выступавших как союзники Я.Арафата. В этих условиях один из руководителей ХАМАС в секторе Газа Махмуд Захар заявил, что его Движение «не примет участия в формировании органов власти автономии или в чем-либо еще, связанном с соглашением в Осло». Однако, критикуя палестино-израильские соглашения и отказываясь от сотрудничества с официальными структурами автономии, лидеры ХАМАС все же подчеркнули свое нежелание идти на конфронтацию с властями ПНА. В частности, один из известных функционеров Движения исламского сопротивления в секторе Газа Мохсен Абу Аита отметил, что ХАМАС выступает за «спокойные дебаты» с ПНА при гарантиях свободы слова и уважении других, отличных от мнения официальных властей автономии точек зрения. Уже в июле 1994 г., то есть спустя несколько дней после приезда Я.Арафата в сектор Газа, у него состоялась встреча с некоторыми руководителями политического крыла ХАМАС. Ее итогом стало обоюдное согласие прекратить насилие на территории автономии. Тем не менее, оно носило больше декларативный, чем директивный характер [49, с. 288; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 44; 210, 1994, т. 332, № 7879, с. 43-44; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 48; 193, с. 117; 60, с. 5].

Попытки вовлечь ХАМАС в процесс создания органов исполнительной власти автономии предпринимались тем или иным способом. В конце августа 1994 г. глава ПНА, назначая новый состав муниципального совета Иерихона – столицы автономии, включил в него двух активистов Движения исламского сопротивления. Однако, как оказалось, это назначение не было согласовано с руководством ХАМАС. Более того, почти тут же Набиль Шаат, являвшийся знаковой фигурой в «правительстве» ПНА, заявил, что Я.Арафат «открыт для диалога с нашими братьями (из ХАМАС – авт.)», пока он строится на «мирных соглашениях, которые мы подписали» [210, 1994, т. 332, 7879, с. 44]. Со своей стороны в начале сентября 1994 г. Движение исламского сопротивления распространило заявление, в котором вновь отмечалась готовность его лидеров к «спокойному, серьезному и конструктивному диалогу с властями ПНА». Ответным жестом стало подписание Я.Арафатом официальной лицензии на издание еще одной газеты исламистов на территории автономии. В тот же день он принял в своей резиденции известных преподавателей Исламского университета в Газе и обсудил с ними ситуацию на территории ПНА. Тем не менее, было очевидным, что данное сближение носило больше дипломатический характер и было обусловлено конкретным положением на оккупированных территориях. В частности, намечавшийся диалог с главой автономии был во многом вынужденным шагом для

ХАМАС. Согласно опросам, проводившимся в конце августа 1994 г. в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, наибольшей поддержкой палестинского населения пользовался ФАТХ – около 40% опрошенных. Движение «Аль-Джихад аль-ислами» получило всего лишь 3% поддержки, а ХАМАС – 13%. В секторе Газа социальная база Движения исламского сопротивления была несколько шире, в его пользу высказались 25% жителей Газы, участвовавших в опросе, но и она не позволяла его руководству идти на конфронтацию с «предателем» Арафатом [210, 1994, т. 332, № 7881, с. 45].

Подобная дипломатическая игра, не удовлетворявшая интересы ни одной из участвовавших в ней сторон, не могла продолжаться вечно. Уже в ноябре 1994 г. отношения между властями автономии и сторонниками ХАМАС резко обострились. Так, 18 ноября 1994 г. в Газе произошли столкновения между полицией ПНА и активистами Движения исламского сопротивления, которые поставили палестинцев на грань гражданской войны. В результате возникшей перестрелки были убиты 16 человек и более 200 палестинцев получили ранения. Так и осталось тайной, кто первым открыл огонь по своим оппонентам. Однако нельзя исключать версии, что обострение напряженности было необходимо для преодоления разногласий, которые возникли в Движении палестинского национального освобождения. В пользу этого предположения говорит хотя бы тот факт, что Я.Арафат попытался представить эту вооруженную стычку как борьбу за власть между сторонниками ФАТХ и ХАМАС. Тем самым он стремился заставить членов ФАТХ преодолеть свои внутренние противоречия и консолидироваться. Одновременно Я.Арафат пытался вывести из-под критики и града обвинений властные структуры автономии. На следующий день, 19 ноября 1994 г., местная ежедневная газета «Ан-Нахар» вышла с заголовком на первой странице «Нет гражданской войне!». В тот же день была создана посредническая комиссия, которая была призвана урегулировать трения между властями ПНА и сторонниками ХАМАС. Ее организатором стал Хейдар Абд аш-Шафи, который призвал палестинцев к «спокойствию и единству», а обе стороны – избегать провокаций. На какое-то время эти призывы возымели действие и похоронные процессии по улицам города прошли без столкновений. Полиция автономии была отведена в казармы. Однако уже 20 ноября 1994 г. местные функционеры ФАТХ в секторе Газа распространили заявление о том, что среди погибших – восемь членов Движения палестинского национального освобождения, убитые боевиками ХАМАС и движения «Аль-Джихад». В ответном заявлении лидеры Движения исламского сопротивления возложили всю ответственность за гибель людей на Я.Арафата, назвав его «диктатором».

Далее последовали маневры властей автономии и функционеров ХАМАС. Официальные лица ПНА обещали тщательно расследовать происшествие и назначить с этой целью специальную комиссию,

оставив за собой право составления списка ее членов. ХАМАС потребовал формирования независимой комиссии с представительством в ней всех палестинских движений и организаций, мотивируя это необходимостью рассмотреть «проблемы, существующие между ПНА и всей нацией, а не только ХАМАС». В свою очередь представитель исполнительных властей ПНА Набиль Абу Рдейна резко отреагировал на эти слова фразой о том, что «ПНА не нуждается в чьем-либо признании. Когда пройдут выборы, народ сможет принять решение. До тех пор мы уполномочены (на управление – авт.)». Более того, 21 ноября 1994 г. на улицах Газы состоялся организованный функционерами ФАТХ марш, в котором участвовали до 10 тысяч сторонников этого Движения, включая его вооруженных членов. Этот марш был демонстрацией силы, но не призывом к единению всех палестинцев. Выступая перед ними, Я.Арафат обвинял ХАМАС и «Аль-Джихад аль-исламий» в заговоре против национальных интересов. Более того, он кричал толпе: «Мы не позволим подпольщикам, которые получают приказы из-за рубежа (т.е. обвинения в адрес ХАМАС и «Аль-Джихад» относительно их поддержки со стороны Ирана и Иордании – авт.), разрушить нашу мечту о Родине: ФАТХ всегда находится на страже безопасности». Руководители Движения исламского сопротивления осудили эту «обескураживающую демонстрацию силы» и призвали своих сторонников провести свой марш по улицам Газы 25 ноября 1994 г. Тем не менее, постепенно страсти улеглись. Как ФАТХ, так и ХАМАС убрали вооруженных людей с улиц города [50, с. 278; 210, 1994, т. 333, № 7890, с. 54; 210, 1994, т. 333, № 7891, с. 54].

В последующие годы обострения отношений между властями автономии и сторонниками ХАМАС стали частым явлением. Иногда они перерастали в акции силового давления друг на друга, в том числе с применением огнестрельного оружия. С переменным успехом шло их соперничество в политической сфере. Так, Движению исламского сопротивления подчас удавалось перетянуть на свою сторону некоторых молодых функционеров ФАТХ, особенно на Западном берегу реки Иордан, склонных к решительным действиям в отношении израильтян. Одновременно с этим руководство ПНА и ФАТХ сумело внести разногласия в ряды сторонников ХАМАС. Примером этого может служить включение в состав правительства автономии двух активистов Движения исламского сопротивления. Сначала портфель министра связи и почты в первом составе «исполнительного совета» ПНА получил Имад аль-Фалуджи, известный своими связями с ХАМАС в секторе Газа. Во втором составе правительства автономии, сформированном в августе 1998 г., к нему присоединился еще один активный деятель ХАМАС из Хеврона Таляль ас-Садр, ставший министром по делам молодежи и спорта. Были и менее значимые «победы» властей ПНА. Однако следует признать, что «отступничество» в Движе-

нии исламского сопротивления не стало массовым явлением, а сами «отступники» оказывались в полной изоляции со стороны своих прежних коллег [208, 1997, № 24, с. 24; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145; 190, с. 70; 118, с. 31].

Власти палестинской автономии сталкивались и с более сложными проблемами при формировании исполнительной власти на подконтрольной ей территории. Одной из них являлось стремление руководителей ПНА получить в свои руки рычаги управления финансовыми потоками в ее границах. С одной стороны, это должно было обеспечить практически беспрепятственное и бесконтрольное расходование финансовых средств, выделяемых на функционирование органов исполнительной власти автономии, а, с другой стороны, давало возможность поставить преграду на пути материальной помощи, адресованной прежде всего оппозиционным Я.Арафату силам, включая ХАМАС, «Аль-Джихад» и другим палестинским движениям и организациям. Одним из первых шагов в этом направлении было переподчинение «Палестинского экономического совета развития и реконструкции», сокращенно ПЕКДАР («The Palestinian Economic Council for Development and Reconstruction»; другие источники называют его «Агентство экономического развития и реконструкции Палестины», сокращенно ПЕДРА – «Palestine Economic Development and Reconstruction Agency»). Он начал создаваться как неправительственный орган для предоставления финансовой помощи ПНА международными донорами ближневосточного мирного процесса осенью 1993 г. Предполагалось, что ПЕКДАР будет действовать самостоятельно и под контролем международных финансовых институтов, включая Всемирный банк. В функции этого Совета входило финансирование различных экономических и социальных проектов на территории ПНА, а также мер по созданию государственных институтов автономии. Однако будущий глава ПНА Я.Арафат лично вмешался в процесс формирования ПЕКДАР. В ноябре 1993 г. своим распоряжением Я.Арафат нарушил все ранее достигнутые договоренности с международным сообществом, переподчинив Совет лично себе и заявив о том, что он сам возглавит его правление. В этой связи представляется естественным, что палестинский экономист Юсеф Сайех, написавший экономический план развития ПНА и планировавшийся в качестве управляющего директора ПЕКДАР, выступил с резким заявлением, в котором он отказался от этого поста до тех пор, пока Совет не станет независимым финансовым институтом, прежде всего от органов исполнительной власти ПНА, включая ее главу.

Скандал с формированием Палестинского экономического совета экономического развития и реконструкции явился шоком и для международных финансовых институтов и государств-доноров. Так, представитель Всемирного банка заявил о необходимости создания «самостоятельного финансового органа, пользующегося доверием».

В поддержку этой позиции выступил Государственный департамент США и Европейский Союз. Тем не менее Я.Арафат не изменил своего мнения. Более того, в августе 1994 г. глава ПНА Я.Арафат совместно со своим министром финансов Мухаммедом Зухди ан-Нашашиби расценили эти заявления как попытку подорвать самостоятельность ПНА в принятии принципиально важных решений. В конце июля 1994 г. Ясир Арафат своим указом закрепил подчиненность ПЕКДАР Министерству финансов автономии. Тем самым он ввел свой полный контроль над деятельностью этого канала получения финансовой помощи из-за рубежа. Более того, он фактически узурпировал право утверждения всех решений, принимаемых правлением ПЕКДАР. Реакция доноров была решительной и наступательной. Они на какое-то время прекратили предоставление помощи ПНА через Совет, который утратил их доверие. Этот конфликт между властями ПНА, прежде всего в лице главы ее исполнительной власти Я.Арафата, и международным сообществом в лице стран-доноров и мировых финансовых институтов привел к постоянным задержкам финансирования разнообразных проектов на территории автономии [38, с. 279; 49, с. 285; 269, 1993, т. 329, № 7838, с. 46; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 171, с. 93; 131, с. 186; 151, с. 62-63].

Параллельно с этим органы исполнительной власти ПНА повели атаку на деятельность международных и палестинских неправительственных благотворительных организаций. Примечательным является то обстоятельство, что они достаточно свободно действовали на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа даже в условиях израильской оккупации. Так, функционеры Движения палестинского национального освобождения еще в 70-80-е годы активно использовали возможности этих благотворительных организаций, как местных, так и зарубежных, регулируя распределение иностранной материальной помощи через подконтрольные им структуры. По той же схеме действовали и другие палестинские светские и исламские движения и группировки. На момент создания палестинской автономии на оккупированных территориях функционировало около 1200 неправительственных организаций, оказывавших благотворительную медицинскую, социальную и иные виды помощи [38, с. 278; 71, с. 64; 131, с. 184; 21, с. 42-46]. О серьезности этого вопроса можно судить на примере деятельности неправительственной организации «Палестинские комитеты медицинской помощи» («The Palestinian Medical Relief Committees»), президентом которой был Мустафа аль-Баргути, и других подобных структур. Согласно некоторым данным, осенью 1993 г. эти организации оказывали около 60% всего объема первичной медицинской помощи, предоставлявшейся на оккупированных территориях, практически 100% услуг для детей дошкольного возраста (детские сады и пр.) и 30% – в сфере образования [151, с. 46]. Тем не менее, еще до создания ПНА неправительственные благотворитель-

ные организации, прежде всего палестинские, столкнулись с серьезными трудностями в проведении своей деятельности. В частности, западноевропейские государства и США, а также действовавшие на их территории благотворительные фонды и ассоциации отказывали в оказании помощи тем неправительственным организациям на оккупированных территориях, которые сотрудничали с оппозиционными «туниССкому» руководству ООП движениями и группировками. Однако наибольшая угроза для их деятельности исходила все-таки со стороны ФАТХ, а после создания ПНА – официальных властей автономии. Уже в начале осени 1993 г. неправительственные благотворительные организации почувствовали на себе внимание ФАТХ и будущего руководства автономии. В октябре 1993 г. представители около двадцати неправительственных организаций провели встречу в Рамаллахе, которая была посвящена проблемам взаимоотношений между ними и органами власти ПНА. Итогом этой встречи стало заявление о принципах взаимодействия неправительственных благотворительных организаций и властей палестинской автономии, под которым поставили свои подписи руководители примерно шестидесяти подобных организаций [190, с. 47-48; 131, с. 183-184; 151, с. 47].

Осенью 1994 г. произошел острый конфликт в отношениях органов исполнительной власти ПНА и неправительственных благотворительных организаций. Конфликт в основном касался двух вопросов: во-первых, политики финансирования, проводимой этими организациями, и, во-вторых, спора вокруг проблемы их регистрации или лицензирования их деятельности на территории автономии. Власти ПНА обусловили получение этими организациями финансовой поддержки как со стороны официальных структур автономии, так и от зарубежных спонсоров выполнением двух основных требований. Во-первых, такая поддержка должна быть одобрена компетентными органами ПНА. Во-вторых, распределение получаемой помощи не могло быть осуществлено без участия соответствующих структур автономии. В частности, официальные лица ПНА предложили использование Палестинского экономического совета развития и реконструкции в качестве основного канала не только для поступления иностранной помощи для неправительственных благотворительных организаций, но и для ее расходования. Более того, власти ПНА настойчиво предлагали включить их представителей в попечительные советы этих организаций. Эти позиции были зафиксированы в законопроекте о деятельности неправительственных благотворительных организаций на территории автономии [71, с. 63; 131, с. 184; 151, с. 47, 49]. 24 сентября 1994 г. Министерство юстиции ПНА выступило с заявлением, в котором оно предложило всем неправительственным благотворительным организациям, как местным, так и зарубежным, действующим на территории юрисдикции автономии, зарегистрироваться в палестинских органах власти. Предполагалось, что они тем самым

попадут под полный контроль ПНА, подразумевающий сложную процедуру согласования их деятельности и их подчинение в виде обязательной отчетности. Следует отметить, что процедура регистрации предусматривалась в форме получения лицензии на данный вид деятельности на территории автономии. В качестве крайнего срока регистрации неправительственных благотворительных организаций была назначена дата 2 ноября 1994 г. Столь жесткие условия и сроки прохождения регистрации были, прежде всего, обусловлены опасениями властей ПНА того, что эти организации могут быть превращены некоторыми арабскими режимами в канал поддержки оппозиционных курсу Я.Арафата на дальнейший диалог с Израилем движений и группировок (ХАМАС, «Аль-Джихад» и др.), и тем самым влиять на развитие политической ситуации в автономии. Однако уже в октябре 1994 г. эти организации объединились в коалицию по защите своих прав, в том числе против навязываемой процедуры регистрации. Они настаивали на отмене разрешительной системы регистрации [71, с. 64; 190, с. 47-48; 151, с. 47-48].

Усилиями этой коалиции в течение нескольких месяцев проводилось сравнительное исследование относительно практики регистрации неправительственных благотворительных организаций в шести странах мира – США, Дании, Египте, Иордании, Израиле и Индии. В мае 1995 г. результат этого исследования были обнародованы. Выяснилось, что только в Иордании действует система лицензирования гуманитарной деятельности неправительственных организаций, а самая сложная система регистрации применяется в Египте. Однако ни одна из этих стран не регулирует вопросы международной помощи [102, с. 64]. Тем не менее власти ПНА продолжали практику жесткого давления на неправительственные благотворительные организации. Особенно сильно в связи с этим пострадали исламские благотворительные фонды и ассоциации. Только в секторе Газа за первые три года существования ПНА было закрыто 16 подобных учреждений, которые обеспечивали различными услугами около 14 тысяч палестинских семей [161, с. 144]. В результате этого конфликта, по данным на 1995 год, 62 неправительственные благотворительные организации осуществляли свою деятельность на территории ПНА и только 16 из них базировались в секторе Газа [38, с. 279; 71, с. 65].

Столь же жесткий прессинг со стороны властей автономии почувствовали на себе профессиональные союзы, объединявшие более 250 тысяч человек, и женские организации на территории ПНА. В частности, правительству автономии удалось достичь договоренности с Израилем относительно того, что все налоги, собираемые с палестинцев-членов профсоюзов, которые работают в Израиле, будут передаваться в распоряжение ПНА. Одновременно с этим Я.Арафату удалось поставить под свой контроль часть женских организаций,

выступавших против мирного соглашения с Израилем. В частности, он добился замены руководства некоторых из этих организаций на лояльных ему людей. Эта практика также была использована в отношении ассоциаций врачей, адвокатов и инженеров, в которых произошла смена демократически избранных лидеров на назначенцев исполнительной власти автономии [38, с. 279; 151, с. 46].

Не менее важной задачей руководство ПНА считало установление своего доминирования в сфере пропаганды. Соглашение по созданию палестинской автономии разрешало создание и функционирование собственного телевидения и радио ПНА. Палестинское радио первоначально размещалось на территории Газы. Его вещание началось в день прибытия главы автономии Я.Арафата в сектор Газа, 1 июля 1994 г. Директором контролировавшейся властями автономии радиостанции стал Радван Абу Аяш, представлявший последовательных сторонников Я.Арафата на оккупированных территориях. Спустя шесть месяцев была введена в строй телестудия ПНА. В результате ее объединения с радиостанцией была создана Палестинская телерадиовещательная корпорация (ПТРВК), во главе которой встал все тот же Радван Абу Аяш. Следует обратить внимание на то, что пропагандистский орган палестинской автономии явился не только результатом усилий властей ПНА, но и активного финансово-технического содействия Израиля и Германии. В частности, Израиль помог с введением в строй новой палестинской радиостанции «Голос Палестины» в Рамаллахе, предоставив властям автономии техническое оборудование радиостанции, которая до 1967 года принадлежала Иордании. Кроме этого, израильская сторона оказала техническую помощь в ее программном обеспечении. В свою очередь Германия предоставила ПНА финансовые ресурсы на создание ПТРВК и специальные телерадиопередающие устройства.

Мощности ПТРВК использовались не только для пропагандистской обработки населения автономии, что, в общем-то, является обычным явлением в деятельности любого государственного СМИ, но и на противодействие информационным усилиям зарубежным палестинским кругам, выступавшим за прекращение переговоров с Израилем. Так, официальная радиостанция автономии «Голос Палестины» вещала на той же частоте, на которой выпускала в эфир свои передачи радиостанция «Радио Аль-Кудс» из Дамаска, которая управлялась палестинскими «отказниками» и контролировалась сирийскими властями [38, с. 277, 282; 190, с. 46; 38, с. 282; 60, с. 50]. Помимо этого, руководство ПНА и лично ее глава Я.Арафат проводили встречи с редакторами местных газет, на которых отмечалось, что гражданский долг каждого патриота заключается в полной поддержке действий властей автономии и не акцентировании внимания на ее возможных ошибках. Главным лейтмотивом этих «дружеских бесед» являлся тезис руководителей ПНА о том, что в условиях формирования палестинской государ-

ственности «не время для самокритики». Одновременно с этим власти автономии настойчиво рекомендовали редакторам местных СМИ чаще публиковать материалы официального Палестинского информационного агентства «ВАФА», которое также перебралось в сектор Газа [38, с. 283]. Агентство было основано еще в 1972 г. и имело бюро почти во всех странах, но основные – в Тунисе и на Кипре.

Главной сложностью формирования системы исполнительной власти ПНА стал выбор модели устройства автономии, который делался под определенного человека – председателя Исполкома ООП Я.Арафата. В результате она почти точно копировала авторитарный стиль руководства, который был характерен для деятельности «тунисской» штаб-квартиры ООП. Став главой исполнительной власти автономии, или как называют его палестинские источники «Президентом ПНА», Я.Арафат практически узурпировал ее. Он возглавил правительство автономии, долгое время подменял собой законодательную власть в ПНА, подчинил себе силовой блок «исполнительного совета». Полномочия Президента ПНА включают выдвижение, назначение и снятие судей. Следовательно, Я.Арафат объединил в своих руках все три ветви власти ПНА – исполнительную, законодательную и судебную. Была создана система абсолютной и бесконтрольной власти одного человека, главы автономии, которая подкреплялась доминированием одной партии во всех сферах деятельности ПНА. Лидер этой партии и был главой автономии [38, с. 276; 50, с. 277; 210, 1993, т. 329, № 7838, с. 46; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 179, с. 95; 151, с. 45]. В какой-то степени об амбициозности главы палестинской автономии может свидетельствовать следующий пример. Сразу после прибытия Я.Арафата в сектор Газа он официально уведомил израильского премьер-министра И.Рабина о том, что местом размещения властных структур ПНА, как и предписано Декларацией о принципах промежуточного соглашения о самоопределении, был избран город Иерихон (Ариха). Однако по мере расширения территории автономии ее глава избрал в качестве своей резиденции дом в Газе, который больше известен как Меншн Хаус (Mansion House), и ранее его занимал британский губернатор. Этот выбор нельзя не признать символическим [38, с. 276; 208, 1997, № 20, с. 22; 210, 1994, т. 331, № 7868, с. 53].

Закономерным результатом этого процесса стал «культ Арафата», который получил широкое распространение в автономии. Граффити с восхвалением Президента ПНА испещряли стены городов на территории автономии. Его портреты развешивались в официальных учреждениях и в торговых лавках. Так, в ноябре 1995 г. за одну ночь все стены на улицах Рамаллаха были обклеены портретами Я.Арафата. Подобное повторилось накануне рождества в 1995 г. в Вифлееме. Более того, близость к «человеку № 1» в ПНА стала неременным условием успешного бизнеса. Это явление порой принимало курьезные случаи,

как, например, «охота» за фотографиями с личным автографом главы ПНА, на которых ее «счастливый» обладатель находился рядом с Президентом автономии. Такая фотография являлась не только рекламным трюком различных бизнесменов и лавочников, но, зачастую, обеспечивала их обладателям успех при разрешении различных конфликтных ситуаций [38, с. 280; 71, с. 58; 131, с. 186].

Юридическим закреплением сложившегося положения стали выборы Президента ПНА, которые состоялись 20 января 1996 г. Легитимность власти Президента ПНА определяется несколькими основаниями. Первым основанием легитимности полномочий главы палестинской автономии стала «Декларация о принципах промежуточного урегулирования», подписанная между ООП и правительством Израиля 13 сентября 1993 г. Декларация предусматривала введение ограниченного самоуправления палестинцев в секторе Газа и районе Иерихон (Западный берег реки Иордан) и создание Палестинской промежуточной администрации самоуправления, которая должна была представлять палестинский народ на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа в течение переходного периода продолжительностью не более 5 лет до окончательного урегулирования палестинской проблемы на основании резолюций 242 и 338 СБ ООН. Пятилетний период начался с подписания 4 мая 1994 г. палестино-израильского соглашения о практической реализации договора «Газа-Иерихон – сначала» и ухода израильских войск из сектора Газа и района города Иерихон. Высшим органом палестинского самоуправления (до проведения выборов на территории автономии) являлась Палестинская национальная администрация, которая обладала как исполнительными, так и законодательными правами. Помимо этого следует отметить, что в октябре 1993 г. Центральный совет ООП уполномочил Исполком этой Организации сформировать «исполнительный совет» ПНА на переходный период и до проведения выборов пост главы автономии должен возглавлять Я.Арафат как председатель этого Исполкома.

Вторым основанием легитимности власти Президента ПНА стало палестино-израильское соглашение о распространении палестинской автономии на Западный берег реки Иордан от 24 сентября 1995 г. По этому соглашению после проведения выборов высшим законодательным органом палестинского самоуправления стал Палестинский законодательный совет в составе 88 членов. Из состава членов палестинского законодательного совета сформировано правительство ПНА в качестве высшего административного органа во главе с председателем. Главой государства является Президент ПНА. Указанное соглашение 1995 г. заложило основные принципы его избрания. Предусматривалось, что срок действия его полномочий ограничивается пятилетним переходным периодом, отсчет истечения которого начался с 4 мая 1994 г. и за который должен быть согласован оконча-

тельный статус палестинских территорий [49, с. 283; 106, с. 7-8; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41].

В соответствии с Избирательным законом ПНА кандидатом в Президенты автономии может выдвигаться любой палестинец, который удовлетворяет нескольким базовым требованиям. Во-первых, на день голосования ему должно быть полных 35 лет. Во-вторых, он должен обладать правом голоса на этих выборах. В-третьих, он обязан быть резидентом автономии, то есть проживать по адресу на территории, находящейся под юрисдикцией ПНА. Наконец, вчетвертых, кандидат в Президенты ПНА, выдвигаемый какой-либо партией или как независимый кандидат, должен собрать пять тысяч подписей в поддержку своего выдвижения [74, с. 518; 106, с. 8].

Первые в истории Палестины выборы главы ПНА прошли безальтернативно, хотя формально на этот пост был выдвинут еще один кандидат. Соперником Я.Арафата стал независимый кандидат 72-летняя Самиха Халиль, которая являлась жительницей палестинского городка Аль-Бира (Al-Bira) недалеко от Иерусалима на Западном берегу реки Иордан и в течение нескольких лет возглавляла одну из благотворительных организаций. Она была известна как активистка женского движения на территории Палестины с 60-х годов. Однако она вряд ли могла соперничать с действующим к тому времени главой автономии, выдвинутому в качестве кандидата от ФАТХ. Естественным результатом этих выборов стала более чем убедительная победа Ясира Арафата, который получил почти 87,1% голосов, отданных ему избирателями. Самиха Халиль скромно ограничилась 12,9% голосов избирателей, участвовавших в выборах. Эти результаты свидетельствовали также о том, что несмотря на все недостатки и ошибки, совершенные Ясиром Арафатом в 80-90-е годы, он продолжал оставаться для палестинцев живым символом борьбы народа за независимость своей родины. В этой связи было бы нелепым сводить все к административному ресурсу действующего главы автономии и его команды, который был задействован накануне проведения выборов. В этом контексте фразу, брошенную С.Халиль о том, что «палестинцы не любят голосовать, находясь под оккупацией», можно считать истинной лишь отчасти. Однако было бы еще более неверным заявлять о том, что проводимая Я.Арафатом политика по отношению к Израилю пользуется почти единодушной поддержкой населения на территории ПНА, не говоря уже о жителях районов Западного берега реки Иордан, остающихся под израильской оккупацией, и, тем более, о палестинской диаспоре, оказавшейся вне рамок мирного урегулирования в регионе [49, с. 291; 74, с. 519, 526; 106, с. 8, 15; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 115, с. 176; 131, с. 197]. Мнение диаспоры о проведенных выборах Президента ПНА в какой-то степени выразил Фарук аль-Каддуми, известный своей оппозиционностью к палестино-израильской сепаратной сделке. Он, в частности, заявил: «Исполком ООП уже назначил в 1989 г. Я.Арафата Президентом Государства Пале-

стина. Таким образом, его статус не претерпел, с нашей точки зрения, каких-либо изменений» [15, с. 26].

Тем не менее, в последующий период практика формирования органов исполнительной власти ПНА свидетельствует о том, что за все эти годы так и не удалось создать функционально эффективную систему, которая могла бы послужить основой для палестинской государственности в будущем. Единственным «достижением» в этом процессе стало возникновение огромной армии государственной бюрократии. Последняя является непосильным бременем для экономически слабой автономии и угрожает превратиться в главный тормоз каких-либо серьезных социально-экономических или политических преобразований в случае создания независимого палестинского государства на территории, занимаемой ныне Палестинской Национальной Автономией [38, с. 279; 71, с. 58; 208, 1997, № 24, с. 23; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49].

2. Процесс становления законодательной власти ПНА

Проблема формирования законодательной власти Палестинской Национальной Автономии изначально была не только темой острых споров между делегациями «туниССского» руководства ООП и правительства Израиля, но и причиной жестких дебатов внутри палестинского общества. Даже после создания ПНА в середине 1994 г. она продолжала оставаться неурегулированной. Прежде всего это было связано с постоянно менявшимися сроками проведения выборов в Палестинский законодательный совет (ПЗС) автономии. Согласно положениям Каирского соглашения, подписанного 4 мая 1994 г., выборы депутатов ПЗС должны были состояться не позже чем через девять месяцев после его вступления в силу. Примечательно, что в Декларацию о принципах промежуточного урегулирования было заложено это же положение. Их проведение первоначально планировалось в июле 1994 г. Тем не менее палестинцы, оказавшиеся в границах автономии, не говоря уже о тех, кто продолжал проживать в условиях израильской оккупации вне ПНА, а также палестинской диаспоре, которые наблюдали за событиями на родине как бы со стороны, высказывали обоснованные сомнения относительно предполагаемого срока проведения выборов ПЗС. Раздавались утверждения о том, что эти выборы состоятся не менее чем через год. Достаточно скоро эти опасения были подтверждены. Уже в начале августа 1994 г. члены созданной Избирательной комиссии ПНА объявили, что проведение выборов депутатов ПЗС откладывается до середины декабря. В качестве ориентировочной даты будущего волеизъявления было названо 15 декабря 1994 г. [74, с. 515; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38].

При всей важности вопроса о сроках проведения выборов депутатов ПЗС нельзя не признать того обстоятельства, что он носил формальный характер. Это было обусловлено тем, что урегулирование данного вопроса имело большее значение для противостояния различных политических сил внутри палестинского общества, нежели для решения кардинальных проблем, связанных с формированием и становлением автономии или ее взаимоотношениями с внешним миром. В связи с этим следует обратить внимание на функции, которыми должен быть наделен высший «законодательный» орган ПНА. В соответствии с палестино-израильскими соглашениями, которые регулировали создание палестинской автономии и формирование ее властных органов, «парламент ПНА был лишен главной своей функции – законодательной. Она сохранялась за израильской стороной, которая обладала правом контролировать любую деятельность ПЗС автономии и налагать свое вето на любое его решение. С этой целью была создана совместная палестино-израильская комиссия, которая была призвана координировать законодательную деятельность обеих сторон, связанную с функционированием палестинской администрации, но фактически превратившаяся в цензора законодательной практики в автономии. Среди немногочисленных полномочий ПЗС можно указать только на выработку конституции ПНА, которая рассматривается палестинцами как Основной закон их будущего государства, и на формальное право депутатов ПЗС участвовать в формировании высшего органа исполнительной власти автономии – «исполнительного совета» [38, с. 277; 210, 1994, т. 332, № 7876, с. 38; 210, 1995, т. 335, № 7920, с. 46; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 183, с. 15].

Проблема выборов в ПЗС вызвала широкую дискуссию в палестинском обществе не только на территории национальной автономии, но и за ее пределами. В нее включились практически все палестинские политические движения, организации и группировки. Наиболее последовательными сторонниками проведения выборов с целью формирования высшего законодательного органа ПНА выступили члены Движения палестинского национального освобождения, ведомые своим руководителем Ясиром Арафатом. Причины такой позиции были очевидными. Проведение выборов должно было подтвердить претензии ФАТХ на лидерство в ПНА и придать легитимность его власти. Помимо этого предусматривалось подтверждение законности всех палестино-израильских соглашений, начиная с тех, которые были достигнуты в норвежской столице в августе 1993 г. Одновременно с этим Я.Арафат стремился использовать выборы для того, чтобы ослабить оппозицию своей власти в автономии, как со стороны светских «отказников», обосновавшихся в Дамаске, так и со стороны радикальных исламских движений ХАМАС и «Аль-Джихад». Президент ПНА справедливо полагал, что ему удастся расколоть оппозицию в ходе дискуссии вокруг вопроса о выборах ПЗС и привлечь на свою сторону некоторых колеб-

лющихся ее деятелей, в том числе путем включения их в различные официальные структуры автономии. Следует признать, что внутри ФАТХ также велись споры относительно проведения выборов. Вместе с тем было бы неверным заявлять о серьезных разногласиях по этому поводу. Вопрос о выборах стал инструментом политической борьбы молодых функционеров Движения палестинского национального освобождения с его руководством, составленным в основном из числа «старой гвардии» ФАТХ. Именно это обстоятельство стало поводом резкого заявления, сделанного Высшим советом ФАТХ на Западном берегу Иордан в начале лета 1995 г. В нем содержалась предупреждение о том, что многие члены Движения будут бойкотировать выборы ПЗС. Несмотря на то, что в качестве условия снятия этого предупреждения являлось немедленное освобождение палестинских заключенных из израильских тюрем, было очевидно, что молодые и решительные функционеры ФАТХ тем самым пытались оказать давление на руководство Движения палестинского национального освобождения и ПНА с целью добиться учета их политических интересов [84, с. 85; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48; 210, 1995, т. 335, № 7920, с. 46].

В то же время в палестинском обществе существовала мощная оппозиция, выступавшая против проведения каких-либо выборов на территории национальной автономии. Это было обусловлено многими причинами, среди которых можно выделить несколько основных. Проведение выборов ПЗС, по мнению оппозиционеров, означало бы признание палестино-израильской сделки и узаконило бы все ранее подписанные между двумя сторонами сепаратные соглашения. В случае если бы они состоялись, Я.Арафат подтвердил бы свою легитимность как глава ПНА. Кроме того, следует учитывать, что выборы ПЗС закрепляли раскол палестинского народа, выводя диаспору, насчитывавшую к концу 1995 г. около 3 млн. человек, и население остававшихся под израильской оккупацией территорий Западного берега реки Иордан за рамки переговорного процесса. В случае торжества принципов мирного урегулирования, провозглашенных осенью 1993 г. в Вашингтоне, некоторые лидеры оппозиции рисковали остаться вне процесса возможного формирования будущего палестинского государства. Более того, частью оппозиции проведение выборов ПЗС рассматривалось как возможность создания легальной оппозиции жесткому авторитарному режиму правления Я.Арафата и всесилии ФАТХ в ПНА [84, с. 85; 210, 1995, т. 334, № 7905, с. 45; 61, с. 5].

В числе наиболее жестких последователей идеи бойкота выборов выступали, прежде всего, светские оппозиционные Я.Арафату фракции ООП, находившиеся под влиянием официального Дамаска, основные базы которых располагались в Сирии и Ливане. Их оппозиционность являлась следствием двух основных причин. Во-первых, эти организации находились в полной зависимости, в том числе финансово-

материальной, от сирийских властей, которые занимали резко негативную позицию по отношению к палестино-израильскому диалогу и категорически отвергали сепаратную сделку между Израилем и «туниским» руководством ООП. Во-вторых, светские «отказники» из состава ООП в значительной степени утратили свое влияние в Палестине и не могли составить серьезную конкуренцию «арафатовцам» на выборах ПЗС. Их согласие пойти на эти выборы означало бы их полный крах как политической силы [74, с. 515; 92, с. 150]. Лагерь противников выборов ПЗС также включал Движение исламского сопротивления и движение «Аль-Джихад», которые составляли жесткую религиозную оппозицию руководству автономии во главе с Я.Арафатом. Однако именно в рядах ХАМАС развернулись наиболее острые споры относительно участия или неучастия его сторонников в постоянно откладывавшихся выборах ПЗС. Острота дискуссии по данному вопросу в недрах Движения исламского сопротивления определялась, как минимум, двумя обстоятельствами: противоборством политического и военного крыла внутри ХАМАС и степенью влияния Движения на палестинское население автономии, достаточного для того, чтобы составить сильную конкуренцию ФАТХ в борьбе за депутатские места в ПЗС и легализовать свое положение как законной оппозиции властям ПНА [210, 1995, т. 355, № 7914, с. 48; 210, 1995, т. 337, № 7939, с. 58].

Спустя месяц после подписания первого палестино-израильского соглашения, в октябре 1993 г., духовный лидер Движения исламского сопротивления шейх Ахмед Ясин, находившийся в то время в израильской тюрьме, обратился к своим последователям с посланием. В нем шейх не исключил возможность участия сторонников ХАМАС в предстоявших выборах Палестинского законодательного совета, так как Движение исламского сопротивления «хочет иметь возможность влияния на повседневную жизнь палестинцев на оккупированных территориях». С этой целью он призвал проводить так называемую тактику «внутренней оппозиции». Эта тактика предусматривала не только демонстрацию решительного несогласия руководства ХАМАС с курсом «туниского» руководства ООП на мирное урегулирование с Израилем путем «предательства национальных интересов палестинцев». Она также включала использование Движением легальных возможностей для отстаивания своих принципов через работу внутри автономии, включая обусловленное и ограниченное участие его сторонников во властных структурах ПНА. Шейх А.Ясин аргументировал такую позицию тем, что активное участие ХАМАС в выборных кампаниях в профессиональных союзах, студенческих и муниципальных советах в начале 90-х годов позволило Движению значительно укрепить свои позиции на оккупированных территориях и создало основу для участия в выборах ПЗС. Вместе с тем духовный лидер ХАМАС жестко увязал свою позицию с рядом обязательных условий, выполнение которых должно взять на себя руководство ПНА, не говоря уже об условиях в отношении Из-

раиля. Так, шейх А.Ясин настаивал на необходимости прекращения огня на территории автономии на основе договоренности с «сионистским врагом». Подчеркивалось, что прекращение огня будет носить временный характер, рамки которого строго определены. Тем самым «воинам ислама» будет предоставлена возможность беспрепятственного участия в выборах и прямого контакта с населением на территории, переданной под контроль ПНА. Однако, считал шейх, временное прекращение огня не означало начало диалога или переговоров с Израилем, а после истечения его сроков члены ХАМАС должны возобновить свою вооруженную борьбу за освобождение Родины [92, с. 102; 150, с. 23; 210, 1995, т. 337, № 7939, с. 57; 115, с. 163-164; 151, с. 29].

Высказанная шейхом А.Ясином идея возможного участия сторонников Движения исламского сопротивления вызвала противоречивые отклики у его последователей. В дискуссию включились практически все значимые фигуры ХАМАС. Предметом обсуждения был не только вопрос об участии или бойкоте будущих выборов Палестинского законодательного совета, но и другие проблемы: возможность сотрудничества с органами автономии; формы представительства народа; целесообразность создания Движением исламского сопротивления собственной политической партии специально для участия в выборах ПЗС. В частности, один из руководителей ХАМАС в секторе Газа Махмуд Захар, скептически оценивавший возможность прямого участия своего Движения в выборах высшего законодательного органа ПНА, тем не менее, заявил 8 сентября 1994 г. о том, что сторонники ХАМАС сформируют свою политическую партию, которая будет действовать «на платформе подчеркнуто исламских ценностей». Еще один функционер Движения исламского сопротивления Фикри Абд аль-Латыф, выражая настроения прагматиков в рядах ХАМАС, заявил о том, что они учитывают новые реалии, которые сложились на территории, переданной под контроль ПНА, которые связаны с выводом с нее израильских войск [210, 1994, т. 332, № 7881, с. 45; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 115, с. 163-164].

В конечном счете большинство функционеров и сторонников Движения исламского сопротивления выступило за бойкот предстоящих выборов. Тот же Махмуд Захар поставил под вопрос возможность участия в выборах, «рожденных Декларацией о принципах промежуточного урегулирования» и не отражавших, по его мнению, «интересы палестинского народа». Более того, М.Захар отметил, что призывы главы ПНА Я.Арафата в пользу выборов ПЗС и их поддержка со стороны ФАТХ означают слабость властей автономии. Многие руководители ХАМАС с Западного берега реки Иордан были настроены еще более решительно. Так, один из них Бассам Джаррар, получивший особую известность в результате попытки его депортации в составе многочисленной группы функционеров и сторонников палестинских исламских движений в декабре 1992 г., категорически отверг

возможность участия Движения исламского сопротивления в выборах законодательного органа ПНА, так как это «придаст легитимность мирному процессу» [115, с. 164; 151, с. 29]. Дополнительным аргументом отказа ХАМАС от поддержки выборов ПЗС стал тезис о том, что в результате предлагавшейся формулы их проведения неизбежно будут нарушены права значительной части палестинского народа, прежде всего диаспоры и остававшихся под израильским контролем районов Западного берега реки Иордан. Кроме того, по мнению сторонников радикальных действий в Движении исламского сопротивления, подлинные выборы должны стать воплощением принципа суверенитета палестинского народа над своей землей – Палестиной. Наконец, ХАМАС не может согласиться с жестким ограничением полномочий Палестинского законодательного совета, установленным палестино-израильскими соглашениями. Следовательно, проведение выборов становится возможным только после освобождения всей Палестины и при участии в них всех палестинцев, невзирая на место их проживания, а также при условии превращения ПЗС в полноправный законодательный орган независимого палестинского государства [183, с. 9, 11, 15; 131, с. 194; 118, с. 9].

К середине 1995 г. дискуссия внутри ХАМАС относительно вопросов его участия в выборах ПЗС и создания политической партии, призванной выражать интересы Движения исламского сопротивления, в целом была завершена. Несмотря на значительное число функционеров-прагматиков в рядах ХАМАС, прежде всего среди руководителей его политического крыла, в частности в секторе Газа, выступавших за диалог с властями автономии и допускавших возможность участия своих сторонников в выборах высшего законодательного органа ПНА, многие в Движении исламского сопротивления столкнулись с дилеммой, которую они так и не смогли разрешить. Ее суть охарактеризовал один из активистов ХАМАС в секторе Газа Мухаммед Хинди. Он поставил вопрос: «Может ли быть продолжен «джихад» в условиях, когда существует исламская политическая партия и в то же время основные права палестинцев игнорируются их собственными представителями, и никто не уверен в неизменности правил игры?». В начале октября 1995 г. прагматики из политического крыла Движения исламского сопротивления предприняли одну из последних попыток убедить радикалов в ХАМАС в возможности участия в выборах ПЗС. 4 октября 1995 г. в Хартуме состоялась встреча нескольких умеренных лидеров ХАМАС из сектора Газа с представителями зарубежного руководства Движения, проповедовавшими жесткую линию в отношениях с властями ПНА и Израилем. Переговоры, прошедшие в суданской столице, не привели к договоренности между двумя фракциями в руководстве ХАМАС. Тем не менее, боязнь углубления раскола и противоречий между различными течениями внутри ХАМАС и риск его полного краха вынудили оппонентов в рядах Движения консолидированно выступить по некото-

рым важнейшим вопросам своей политики. Результатом этого стало решение ХАМАС, принятое в ноябре 1995 г., о бойкоте готовившихся выборов в Палестинское законодательное собрание [102, с. 27; 115, с. 164-165; 117, с. 132]. В силу особенностей организационного построения движения «Аль-Джихад» как немногочисленной боевой организации, отдававшей явный приоритет вооруженным методам борьбы с Израилем, в его рядах не наблюдалось широкой дискуссии относительно участия или бойкота будущих выборов ПЗС. Руководители твердо придерживались позиции о своем неучастии в любых органах власти, возникших в результате сепаратной сделки «туниССского» руководства ООП, и процессе их формирования, включая выборы высшего законодательного органа автономии. Это во многом объясняет неизменность критики сторонниками «Аль-Джихада» призывов к участию в выборной кампании, которые раздавались со стороны руководителей ПНА и некоторых лидеров Движения исламского сопротивления [210, 1995, т. 337, № 7939, с. 58].

Несмотря на эти трудности, процесс подготовки к проведению выборов в Палестинский законодательный совет шел планомерно, хотя и не такими быстрыми, как ожидалось, темпами. Ситуация усугублялась тем, что власти автономии не могли самостоятельно принять решение по данному вопросу. Они всецело зависели от позиции Израиля и его готовности идти на компромиссы. Таким образом, стремление руководства ПНА как можно дольше оттягивать сроки проведения выборов в ПЗС, обусловленное желанием максимально долго сохранять статус-кво своего бесконтрольного и абсолютного (в рамках своих полномочий, предоставленных Израилем) контроля на территории автономии не было единственной причиной постоянного откладывания этих выборов. Во многом, если не в определяющей степени, решение этого вопроса зависело от Израиля, даже несмотря на то, что соответствующий пункт о прямых и свободных выборах на территории палестинской автономии под международным контролем был зафиксирован в статье 2 Декларации о принципах промежуточного урегулирования. Переговорный процесс, касавшийся темы выборов высшего законодательного органа ПНА, развивался сложно. Он затрагивал многие трудные проблемы, прежде всего относительно участия в них палестинского населения Восточного Иерусалима, а также некоторые технические вопросы. В конечном итоге двум договаривавшимся сторонам при содействии международных посредников, включая главного спонсора ближневосточного мирного процесса США, а также Европейского Союза, Египта и Иордании (последняя все больше утрачивала свое влияние на ход развития этого процесса), удалось достичь соглашения. Оно было зафиксировано 24 сентября 1995 г. в египетском курортном городе Таба. Спустя еще четыре дня, 28 сентября, это соглашение, получившее по аналогии с предыдущим название «Осло-2», было официально подписано в Вашингтоне. В соответствии с новым Вашингтон-

ским соглашением о распространении палестинской национальной автономии на Западный берег реки Иордан выборы ПЗС должны были состояться в январе 1996 г. Одновременно с этим данное соглашение предусматривало отдельные выборы президента ПНА. Оно закрепило право палестинцев, проживавших в Восточном Иерусалиме принять участие в этих сдвоенных выборах. В целом статьи соглашения от 28 сентября 1995 г. заложили основу для выработки Избирательного закона, согласно которому и должны были проводиться выборы президента ПНА и Палестинского законодательного совета автономии [38, с. 291; 49, с. 283, 288-289, 307-310; 71, с. 66; 74, с. 515-516; 81, с. 41-42; 100, с. 238; 102, с. 27; 208, 1997, № 15, с. 21; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 196, с. 71; 118, с. 34].

Для практической реализации этого соглашения потребовалось несколько месяцев, в течение которых было необходимо выработать соответствующий закон о выборах в автономии. В нем должны были быть прописаны все правовые детали будущих выборов. Следует обратить внимание на то, что в этот процесс законотворчества активно вторгался Израиль. Его вмешательство преследовало конкретные политические цели, а именно: создание альтернативы Национальному совету Палестины (НСП) в виде Палестинского законодательного совета; лишение руководства ООП пространства для дипломатического маневра; усиление раскола в палестинском обществе и лишение палестинской диаспоры какого бы то ни было права на участие в решении судьбы своей родины, ограничив палестино-израильские переговоры неким «диалогом» с населением Западного берега реки Иордан и сектора Газа [74, с. 515; 183, с. 9]. В течение одного месяца базовые положения, касавшиеся системы выборов Палестинского законодательного совета, были доработаны при активном участии чиновников ПНА, функционеров ФАТХ и израильских экспертов и нашли свое воплощение в Законе о выборах палестинской автономии. Остальные политические силы Палестины, включая оппозиционные Я.Арафату движения и организации, были лишены возможности работы над ним. Впервые проект Закона о выборах был обнародован в октябре 1995 г., а 7 декабря этого же года он был утвержден главой ПНА и правительством автономии [74, с. 516; 106, с. 8; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 177, с. 100].

Утвержденный Закон о выборах палестинской автономии закрепил принцип разделения выборов президента ПНА и депутатов ПЗС, запретив в пункте 2 статьи 11 совмещение постов президента ПНА и спикера ПЗС. В нем также был решен вопрос о системе избрания депутатов в Палестинский законодательный совет. Израиль настаивал на принятии пропорциональной системы представительства, согласно которой распределение мандатов между партиями, участвовавшими в выборах в представительный орган, производится в соответствии с количеством полученных их кандидатами голосов. На практике такая система представительства в ПЗС могла привести к

тому, что в его составе сформировалась бы сильная оппозиция, выступающая против дальнейших уступок Израилю. Осознание такой опасности как для исполнительной власти автономии, так и для Израиля привело к тому, что в палестинском Законе о выборах была зафиксирована мажоритарная система представительства, предлагавшая принципиально иной порядок определения результатов голосования по выборам в представительный орган. В соответствии с ним партия, которая проводит в законодательный орган большее число своих кандидатов, получает большинство мест в нем. В этом случае Движение палестинского национального освобождения гарантировало себе доминирующее положение в ПЗС, получая одновременный контроль как над исполнительной, так и законодательной ветвями власти в автономии. В подобной ситуации существовала некоторая угроза интересам Израиля, поскольку такая система представительства усиливала позиции его контрпартнера по переговорам. Однако она была значительно меньше, чем расширение влияния непримиримых оппонентов реализуемого США палестино-израильского урегулирования в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан [71, с. 66; 74, с. 516; 106, с. 8; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 131, с. 195].

В соответствии с Законом о выборах вся территория, находившаяся под управлением властей ПНА, была поделена на 16 многомандатных (*multimember constituencies*) избирательных округов, 11 из которых располагались на Западном берегу реки Иордан, а еще пять – в секторе Газа. Важно отметить, что Восточный Иерусалим и 40 близлежащих деревень образовали самостоятельный избирательный округ [74, с. 517; 210, 1995, т. 335, № 7920, с. 46; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54]. Помимо этого следует учесть, что Закон о выборах ПНА законодательно закреплял несколько мест в Палестинском законодательном совете за представителями двух малочисленных конфессий на территории автономии. Так, 6 мест в ПЗС были зарезервированы за христианами (по два депутата от Восточного Иерусалима и Вифлеема, по одному – от Рамаллаха и Газы) и еще одно место за самаритянином из общины, расположенной в Наблусе. Вместе с тем это обстоятельство не лишало палестинцев-христиан и самаритян их права выдвигать своих кандидатов дополнительно и бороться за представительство в высшем законодательном органе ПНА на равных правах с палестинцами-мусульманами. Примечательно, что эта мера не вызвала каких-либо острых споров в палестинском обществе. Однако следует признать, что эти семь депутатов вряд ли могли бы серьезно повлиять на расстановку сил в ПЗС, а кроме того, и христиане, и самаритяне проживали компактно, что в известной степени способствовало проведению ими своих представителей в законодательный орган автономии. Вместе с тем, выборочный опрос, проведенный среди сторонников различных политических движений и орга-

низаций в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан в августе 1995 г., показал, что вопрос представительства не рассматривался ими как очень важный. Так, представительство христиан в составе ПЗС оценивалось «важным» и «очень важным» 32,5% сторонников движения «Аль-Джихад», 37% сторонников Движения исламского сопротивления (ХАМАС), 45% независимых исламистов («исламийюн»), 54% приверженцев Движения палестинского национального освобождения (ФАТХ), 65,5% сторонников Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), 68% независимых националистов, более 73% сторонников Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) и Палестинской демократической федерации (ФИДА). Показатели оценки этого вопроса сторонниками ФИДА, ДФОП и НФОП могут рассматриваться как непоказательные, так как их представительство в общей массе опрошенных было незначительным [74, с. 518, 527; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 194, с. 78; 131, с. 197]. В Законе о выборах ПНА была также определена дата проведения первых всеобщих выборов ПЗС автономии – 20 января 1996 года, и окончательно установлена численность депутатов Палестинского законодательного совета – 88 человек [49, с. 283, 291; 71, с. 66; 74, с. 513; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1996, т. 338, № 7949, с. 41].

Несмотря на всю сложность положения в Палестине, как в ПНА, так и на оккупированных территориях, ситуация в целом была благоприятной для проведения выборов. Это объясняется тем, что практически все оппозиционные палестино-израильскому мирному диалогу силы в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан воздерживались от вооруженных акций против израильтян, начиная с августа-сентября 1995 г. Такая позиция была в равной степени характерна как для светских организаций-«отказников», так и для исламских движений ХАМАС и «Аль-Джихад». В частности, с августа 1995 по январь 1996 гг. включительно не был зафиксирован ни один случай террористического акта, совершенного боевиком-смертником из состава военного крыла Движения исламского сопротивления или ячеек движения «Аль-Джихад» [49, с. 292; 102, с. 26-27; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 117, с. 71, 73]. Как уже отмечалось, официальная позиция руководства Движения исламского сопротивления о неучастии в предстоявших выборах президента ПНА и Палестинского законодательного совета стала известна еще в конце осени 1995 г. Со своей стороны Я.Арафат воспользовался разногласиями в рядах ХАМАС и предпринял некоторые шаги с целью усиления раскола в нем и привлечения на свою сторону отдельных колебавшихся активистов этого исламского Движения. Однако главной целью Я.Арафата, как, впрочем, и властей автономии в целом, было недопущение каких-либо действий вооруженного крыла Движения исламского сопротивления по эскалации насилия в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, кото-

рые могли бы сорвать проведение выборов в ПНА. Подобные действия властей ПНА и ее главы Я.Арафата были одобрены израильской стороной. После многомесячного перерыва диалог между властями автономии и руководителями ХАМАС был возобновлен. Ставка была сделана на контакты с лидерами-прагматиками из политического крыла ХАМАС. В то же время официальные лица ПНА не исключали возможности смягчить позицию руководителей Движения исламского сопротивления, базировавшихся в Аммане и представлявших жесткую линию по отношению к Израилю и властям палестинской автономии. Накануне переговоров между делегациями ПНА и ХАМАС, которые начались 18 декабря 1995 г. в Каире, руководители Движения исламского сопротивления из сектора Газа, с Западного берега реки Иордан и из Иордании предварительно встретились в Хартуме. На эту встречу, открывшуюся в столице Судана 13 декабря 1995 г., прибыли восемь лидеров ХАМАС из сектора Газа и Западного берега реки Иордан, в том числе Абд аль-Халид ан-Натше, Мухаммед Абу Шамаа и Махмуд Захар из его политического крыла и один из руководителей «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» в Газе Мухаммед Дияф, а также члены зарубежного руководства Движения из Иордании. Несмотря на то, что в ходе четырехдневных консультаций им так и не удалось выработать единой позиции относительно взаимоотношений с властями автономии, лидеры ХАМАС прибыли в Каир единой делегацией. Через два дня после начала переговоров между делегациями ПНА и ХАМАС, то есть 20 декабря, в египетскую столицу прибыл глава ПНА Я.Арафат, который присоединился к обсуждению двусторонних проблем. Делегация палестинской автономии настаивала на том, чтобы Движение исламского сопротивления, прежде всего его военизированные «Бригады Изз ад-Дина аль-Касема» воздержались от проведения каких-либо антиизраильских акций до окончания выборов ПЗС и не создавали дополнительных трудностей в отношениях с Израилем в этот период. Важно отметить, что представители ПНА делали это в весьма категоричной форме. Так, Я.Арафат требовал от лидеров Движения исламского сопротивления безоговорочного прекращения огня. Руководители ХАМАС в ответ потребовали от властей ПНА гарантий того, что Израиль амнистирует функционеров, активистов и боевиков Движения исламского сопротивления, имена которых занесены в списки разыскиваемых израильскими карательными органами лиц, и прекратит их преследование. Вторым требованием ХАМАС стало безусловное освобождение палестинских заключенных из израильских тюрем. Кроме того, члены зарубежного руководства Движения исламского сопротивления потребовали от властей ПНА прекращения раскольнической деятельности внутри ХАМАС. Учитывая сильные расхождения в позициях, было естественным, что руководители автономии и ХАМАС так и не смогли выработать и подписать какого-либо соглашения по итогам переговоров. Однако они

достигли устной договоренности о том, что Движение исламского сопротивления будет воздерживаться от вооруженных акций против Израиля, если речь не пойдет о «неприкрытой агрессии против нашего народа». По завершении каирских переговоров между делегациями ПНА и ХАМАС, прерванных последними 23 декабря 1995 г., руководители Движения исламского сопротивления вновь встретились в суданской столице Хартуме, но так и не смогли преодолеть существовавших между ними противоречий [10, с. 90; 49, с. 292; 102, с. 27; 108, с. 118; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1995, т. 338, № 7948, с. 44; 210, 1995, т. 338, № 7955, с. 40; 131, с. 191, 194; 118, с. 35; 117, с. 70, 73-74, 104].

Переговоры между ПНА и ХАМАС, которые состоялись в Каире в декабре 1995 г., были примечательны еще одним обстоятельством. Оно заключается в том, что в конце этого года, согласно некоторым сведениям, на территории автономии проходили секретные переговоры между лидерами Движения исламского сопротивления и отдельными функционерами ФАТХ, выступавшими в оппозиции политике, проводимой руководством автономии и Движения палестинского национального освобождения. Таким образом, нельзя исключать того, что Я.Арафат, инициировавший каирские переговоры, помимо всего прочего, преследовал цель пресечения раскольнической деятельности некоторых молодых функционеров ФАТХ на Западном берегу реки Иордан [210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48]. В любом случае следует констатировать, что конце декабря 1995 г. лидеры Движения исламского сопротивления подтвердили свою решимость бойкотировать выборы президента ПНА и ПЗС автономии. Один из функционеров ХАМАС на Западном берегу реки Иордан Хасан Юсеф охарактеризовал это решение как «неудовлетворение (ХАМАС – авт.) условиями соглашения в Осло и положениями Закона о выборах». Однако было бы неверно преувеличивать политическую составляющую этого решения. Конечно, функционеры и сторонники ХАМАС продолжали оставаться решительными противниками палестино-израильской сделки, начатой в норвежской столице Осло. В то же время накануне выборов стало очевидным, что Движение исламского сопротивления было не в состоянии конкурировать с ФАТХ за установление своего контроля над Палестинским законодательным советом. Согласно результатам выборочного опроса, проведенного на территории автономии в конце ноября 1995 г., бесспорным лидером симпатий населения ПНА являлось Движение палестинского национального освобождения, получившего поддержку 44% опрошенных. Движение исламского сопротивления, занявшее при опросе второе место, заручилось поддержкой только 15% опрошенных палестинцев. Повторный выборочный опрос, проведенный в декабре 1995 г., подтвердил снижение рейтинга ХАМАС, который упал за один месяц до 10%. В этих условиях позиция руководства Движения исламского сопротивления

по бойкоту предстоящих выборов представляется естественной. Вместе с тем, лидеры ХАМАС не собирались капитулировать. Более того, одновременно с подтверждением своего отказа от участия от выборов ПЗС представители Движения объявили о своем намерении участвовать в муниципальных выборах, проведение которых намечалось на июнь 1996 г. В частности, с таким заявлением выступил один из видных функционеров ХАМАС в секторе Газа Махмуд Захар. Это решение объяснялось тем, что лидеры Движения исламского сопротивления рассчитывали на увеличение поддержки со стороны населения на местных выборах до 30-40%, что позволило бы претендовать на лидерство в ряде муниципальных советов автономии. Вероятно, немалая роль в этих планах отводилась легальной структуре ХАМАС – Партии исламского национального спасения (ИНСП – The National Islamic Salvation Party), формирование которой началось в ноябре 1995 г. функционерами и активистами Движения исламского сопротивления в расчете на возможное участие в выборах ПЗС. Пресс-секретарь ИНСП Фикри Абд аль-Латыф отметил, что партия, не отказываясь от «вооруженных акций», отдает предпочтение «политической борьбе». Он также добавил, что функционеры и сторонники ХАМАС, проживающие в Палестине, проявляют большую гибкость в отношении процессов, которые происходят в автономии, чем те, которые оказались за рубежом [15, с. 25; 102, с. 27; 108, с. 118; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1996, т. 338, № 7955, с. 40; 190, с. 45; 131, с. 192; 118, с. 9, 35]. Верными своему первоначальному решению о бойкоте выборов 20 января 1996 г. остались и светские палестинские «отказники», включая НФОП и ДФОП [49, с. 291; 74, с. 526; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 190, с. 45; 131, с. 196-197]. Еще до утверждения Закона о выборах глава автономии Я.Арафат сформировал Национальную избирательную комиссию (НИК) ПНА, назначив в нее лояльных себе людей. Помимо этого были созданы региональные избиркомы, находившиеся в прямой подчиненности НИК [74, с. 516, 518; 269, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44].

Сразу после формирования Национальной избирательной комиссии и региональных избиркомов они приступили к своей непосредственной деятельности, прежде всего к регистрации избирателей. Согласно Закону о выборах участвовать в выборах президента ПНА и ПЗС может любой палестинец, который достиг на момент выборов 18-летнего возраста, проживает в одном из избирательных округов и чье имя было занесено в списки избирателей. Исключение составляют палестинцы, лишённые избирательного права в соответствии с действующим законодательством автономии или отбывающие тюремное наказание за преступление или нарушение общественного порядка. В первых числах декабря 1995 г., по сообщению представителя НИК, на территории автономии в качестве избирателей зарегистри-

стрировалось около 600 тыс. человек. Спустя месяц, по данным на 5 января 1996 г., т.е. за две недели до даты выборов, численность избирателей возросла до 1.013.235 человек. Общая численность палестинцев, обладавших избирательным правом, составляла 1.028.280 человек. Представители НИК объясняли такую высокую активность избирателей автономии тем, что палестинцы видели в выборах одну из мер по прекращению израильской оккупации Западного берега реки Иордан и сектора Газа и созданию своего независимого государства [74, с. 514, 517– 519; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 115, с. 164].

Предвыборная кампания в ПНА началась в строгом соответствии с Законом о выборах, т.е. за 22 дня до даты проведения выборов. Наиболее важным аспектом любой предвыборной кампании является выдвижение кандидатов в представительный орган и их регистрация. Согласно положению Закона о выборах кандидатом в члены Палестинского законодательного совета может быть любой палестинец, достигший 30-летнего возраста на день проведения выборов и удовлетворяющий всем прочим предъявляемым избирателям условиям. Это означает, что кандидат в члены ПЗС должен быть внесен в список избирателей и постоянно проживать в избирательном округе, который он будет представлять. Он может выдвигаться официально признанной в ПНА партией или самостоятельно в качестве независимого кандидата. Однако следует учесть то обстоятельство, что число кандидатов в списке от одной партии не может превышать общего количества мест в ПЗС в каждом конкретном избирательном округе. В то же время независимый кандидат для своей регистрации в качестве такового обязан собрать подписи не менее 500 своих сторонников в том избирательном округе, по которому он намерен выдвигаться. Помимо этого Закон о выборах содержит ряд ограничений для выдвижения кандидатов. Так, один человек не может одновременно выдвигаться более чем от одного избирательного округа или совмещать свое выдвижение с борьбой за президентство в ПНА. Государственные чиновники, включая министров, гражданских служащих и сотрудников государственного учреждения, сотрудников полиции, сил безопасности и иных силовых ведомств автономии, которые выражают желание баллотироваться на выборах, обязаны подать в отставку с государственной службы минимум за 10 дней до даты своего выдвижения, т.е. за три недели до их проведения. Выигравшим выборы в ПЗС считается тот кандидат, который получит большее число голосов избирателей по сравнению с другими кандидатами в округе [74, с. 517-518, 522].

В выдвижении кандидатов в члены ПЗС официально участвовали 16 организаций и политических партий [74, с. 521]. Очень часто процесс выдвижения был сопряжен с резким обострением межфракционной борьбы внутри этих структур. Именно так происходило в Движении палестинского национального освобождения. Накануне выборов в Па-

лестинский законодательный совет региональные (высшие) комитеты ФАТХ провели праймериз (предварительные рейтинговые пробные выборы) на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа с тем, чтобы выявить шансы тех или иных кандидатов в члены ПЗС. Как и ожидалось, функционеры и активисты ФАТХ, выдвинувшиеся на руководящие посты в годы интифады, одержали на них убедительную победу. Однако руководство Движения палестинского национального освобождения и прежде всего глава ПНА Я.Арафат восприняли этот «эксперимент» как открытый вызов со стороны оппозиционно настроенных к ним молодых функционеров. В результате Я.Арафат собственноручно вычеркнул из списков кандидатов от ФАТХ своих особо непримиримых оппонентов, которые были вынуждены выдвигаться самостоятельно в качестве независимых кандидатов. В немалой степени это противостояние было обусловлено спором относительно трансформации Движения палестинского национального освобождения в политическую партию с большей степенью свободы внутри нее и «смягчения» имиджа ФАТХ как полувоенной структуры. Помимо этого глава ПНА Я.Арафат, являвшийся одновременно руководителем ФАТХ, вероятно, осознавая неизбежность победы своих ставленников на выборах, несколько раз во время предвыборной кампании призывал своих сторонников отдать часть своих голосов за независимых кандидатов и за представителей оппозиции. Следует признать, что эти заявления Я.Арафата являлись ничем иным как спланированными предвыборными ходами. Однако в то же время нельзя исключать и того, что они в том числе предназначались для некоторых неустойчивых в своей решимости активистов тех палестинских движений и организаций, которые объявили о своем бойкоте готовившихся выборов. Тем не менее, к моменту проведения выборов ПЗС списки ФАТХ включали 76 кандидатов. Это стало наивысшим показателем среди всех остальных партий и организаций, вступивших в выборную гонку [71, с. 63; 74, с. 521; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 131, с. 180].

Следующей по числу выдвинутых кандидатов в члены ПЗС стала Палестинская народная партия (ПНП), бывшая Палестинская компартия, пережившая раскол в начале 90-х годов и получившая новое название в ноябре 1991 г. В списках ПНП, поддержавшей Мадридскую мирную конференцию, но в то же время критично высказавшейся в отношении палестино-израильских договоренностей в Осло, содержались имена 25 кандидатов. Далее шла Палестинская демократическая федерация (ФИДА), выдвинувшая 10 кандидатов в члены ПЗС. Эта политическая партия возникла весной 1990 г. в результате политического, идейного и организационного раскола внутри Демократического фронта освобождения Палестины, руководимого Наифом Хаватме, и первоначально носила название ДФОР – «Обновление и демократия». В сентябре 1991 г. всеобщий национальный съезд партии принял ее Устав и Политическую программу. В апреле 1993 г.

партия получила свое окончательное название – Палестинская демократическая федерация. Она проявила себя последовательной сторонницей ближневосточного мирного процесса, лояльной к властям палестинской автономии. Арабский фронт освобождения (АФО – Arab Liberation Front), выступавший с позиций баасистской идеологии, предложил список из восьми своих кандидатов. Еще одна баасистская националистическая палестинская организация – Фронт освобождения (Liberation Front), поддерживавшая тесные связи с режимом Саддама Хусейна в Ираке и решительно выступавшая против палестино-израильских соглашений и лидерства Я.Арафата в палестинском национальном движении, выдвинула четырех кандидатов. Всего лишь один кандидат значился в списке, предложенном Палестинской партией возрождения (Партия Баас – Palestinian Ba'th Party), которая поддерживала прочные связи с сирийскими баасистами, но в то же время выступала в поддержку ближневосточного мирного процесса [74, с. 521; 190, с. 45; 164, с. 1-2; 21, с. 84].

Помимо этого накануне выборов и специально под них было создано сразу несколько карликовых политических организаций, получивших право на выдвижение кандидатов в члены Палестинского законодательного совета. Наибольшую активность в этом вопросе проявили сторонники Движения палестинского национального освобождения. Они создали восемь подобных объединений, которые выступили на выборах с самостоятельными списками, но с точки зрения своих программных установок были неотличимы от ФАТХ. Среди них самый многочисленный список, включавший имена 11 кандидатов, предложил Народный фронт борьбы (НФБ – Popular Struggle Front). Организация Прогрессивный национальный список (ПНС – Progressive National List) выдвинула пять кандидатов в члены ПЗС. По четыре кандидата выдвинули на выборы Демократическая национальная лига (ДНЛ – Democratic National League), Список за будущее (СЗБ – The List of the Future) и Список свободы и независимости (СНН – Freedom and Independence List). Еще две близкие к ФАТХ организации вступили в предвыборную кампанию, имея в своих списках по три кандидата. К ним относятся Национальная лига (НЛ – The National League) и Список свободного собрания (ССС – Free Meeting List). Наконец, два кандидата в члены ПЗС были выдвинуты от Национального движения за изменение (НДИ – National List for Change). В связи с деятельностью этих организаций, создаваемых специально под выборы, следует отметить, что эта практика была широко распространена в политической жизни Израиля, в частности для выдвижения кандидатов в депутаты Кнессета от арабской общины страны. Таким образом, руководство Движения палестинского национального освобождения умело переняло израильский опыт в этом вопросе [108, с. 521].

Среди политических организаций, вступивших в предвыборную борьбу, были две, которые выступали под исламскими лозунгами.

Однако они придерживались диаметрально противоположных политических направлений. Одна из них, называвшаяся «Полк аль-Акса» (Al-Aqsa Regiment), представляла собой крайне немногочисленную исламскую группу, члены которой вышли из рядов движения «Аль-Джихад». Она ориентировалась на поддержку Я.Арафата и его курса на ближневосточный мирный процесс. «Полк аль-Акса» представил свой список, включавший четырех кандидатов. Второй исламской организацией, объявившей об участии в выборах ПЗС и выдвинувшей список из двух кандидатов, стал Фронт исламского освобождения (ФИО – Islamic Liberation Front). В отличие от «Полка аль-Акса» сторонники ФИО поддерживали тесные контакты с Движением исламского сопротивления, но «отделились» от него с целью участия в предвыборной кампании. Последний факт весьма примечательный. Он свидетельствует о том, что радикальные исламские движения ХАМАС и «Аль-Джихад», заявившие о своем бойкоте выборов, все-таки приняли неофициальное и ограниченное участие в выборах. Достаточно заметить, что руководство Движения исламского сопротивления не запрещало своим сторонникам регистрироваться в качестве избирателей. В то же время в рядах этих исламских движений (в большей степени это касалось ХАМАС, хотя «Аль-Джихад» не избежал такой же проблемы – можно указать на организацию «Полк аль-Акса») возникли разногласия в связи с индивидуальным решением ряда их известных активистов выдвинуться как независимые кандидаты на выборы. В частности, три лидера Движения исламского сопротивления из сектора Газа, которые участвовали в переговорах в Каире и Хартуме, предприняли шаги по своему выдвижению в качестве независимых кандидатов в члены ПЗС. Это были Исмаил Ханийя, Халед Хинди и Саид аль-Намути. Их примеру последовал шейх Джамил Хамами, популярный религиозный деятель из Иерусалима, известный своими тесными связями с Движением исламского сопротивления. Однако затем они отказались от своих предвыборных планов под нажимом руководства ХАМАС. Тем не менее, отдельные видные функционеры Движения исламского движения проявили настойчивость. К их числу можно отнести одного из представителей знатного клана аль-Масри из Наблуса Муавия аль-Масри, который был близок к руководству ХАМАС и отказался снять свою кандидатуру с выборов. Среди тех, кто прошел всю предвыборную кампанию, можно также назвать Ваджиха Яги, Мусу аз-Заабута и Сулеймана ар-Руми. Они баллотировались по избирательному округу в секторе Газа. Как видно, все деятели Движения исламского сопротивления, которые пошли на нарушение решения, принятого его руководством, представляли политическое крыло ХАМАС в секторе Газа. Однако наиболее показательным в этом плане пример Имада аль-Фалуджи, который был исключен из рядов ХАМАС за переход в лагерь сторонников Я.Арафата. Правда, следует указать на то, что Имад аль-Фалуджи избирался в

Палестинский законодательный совет по спискам ФАТХ. Схожая ситуация складывалась со светскими фракциями ООП, находившимися в положении конфронтации с Я.Арафатом и его ближайшим окружением и также заявлявшими о своем неучастии в выборах в автономии. Тем не менее, и НФОП, и ДФОП, которые являлись крупнейшими организациями-«отказниками», предоставляли своим сторонникам право принятия индивидуального решения по вопросу об участии в выборах не только в качестве избирателей, но и о своем самовыдвижении на правах независимых кандидатов [49, с. 102; 150, с. 27; 108, с. 521, 526; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 190, с. 45; 131, с. 192; 118, с. 9, 31; 117, с. 136].

В целом на день проведения выборов Палестинского законодательного собрания в 16 избирательных округах на территории автономии были зарегистрированы 725 кандидатов в члены ПЗС. Из общего числа кандидатов 166 человек были представлены в избирательных списках уже упомянутых политических организаций и партий, 130 – от организаций и партий, о деятельности которых было известно еще до объявления о проведении выборов, а 36 – от политических организаций, которые были сформированы специально под выборы. Помимо этого в борьбе за места в ПЗС боролись 559 независимых кандидатов, наиболее известным из которых, вероятно, был один из патриархов палестинского национального движения Хейдар Абд аш-Шафи, возглавлявший палестинскую делегацию на Мадридской мирной конференции, но затем вставший в оппозицию курсу председателя Исполкома ООП Я.Арафата. Таким образом, в среднем за одно место в ПЗС вели борьбу 8,7 человека [49, с. 291; 74, с. 520; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 131, с. 197; 117, с. 136]. В действительности численность кандидатов, оспаривавших места в Палестинском законодательном совете, колебалась в зависимости от избирательного округа, в котором они были зарегистрированы. Более того, в ходе выборов ПЗС был отмечен большой разброс в численности избирателей, представляемых одним членом ПЗС от избирательного округа (См.: Приложения, таблица 1). Средний показатель представительства избирателей в ПЗС от избирательного округа колебался примерно от девяти тысяч избирателей в избирательных округах в Северной Газе, Хан Юнисе, Рафахе до 19 тысяч избирателей в избирательном округе в Салфите. Учитывая технические сложности, с которыми неминуемо сталкивались члены Национальной избирательной комиссии при установлении границ 16 избирательных округов, нельзя не отметить того факта, что наиболее высокий показатель представительства избирателей в ПЗС характерен для тех мест, которые были переданы в ведение властей ПНА накануне выборов и в которых в силу объективных причин они не успели установить свой контроль. Для осуществления мониторинга этих выборов на территорию палестинской автономии прибыли ино-

странные наблюдатели от различных международных организаций, которые должны были подтвердить «чистоту» их проведения. В состав многонациональной команды наблюдателей вошло около одной тысячи человек, в том числе 300 наблюдателей от Европейского Союза (ЕС), который и оплатил все расходы по мониторингу. Возглавил ее бывший президент США Джимми Картер, внесший немалую лепту в налаживание палестино-израильского диалога. Одним из основных замечаний, высказанных международными наблюдателями, было то, что еще за неделю до даты проведения выборов не были жестко очерчены границы избирательных округов, которые постоянно трансформировались. Это обстоятельство не только затрудняло избирателям исполнить свой гражданский долг, но и создавало условия для подтасовок результатов голосования [15, с. 25; 74, с. 523; 86, с.22; 210, 1995, т. 337, № 7946, с. 54; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44].

Несмотря на все меры, связанные с подготовкой к проведению выборов как со стороны властей ПНА, так и международного сообщества, сами выборы оказались под угрозой срыва. Это было обусловлено активизацией деятельности израильских спецслужб накануне выборов. 26 октября 1995 г. был убит основатель и бессменный руководитель палестинского движения «Аль-Джихад» Фатхи Шикаки. Это произошло на Мальте, где он делал пересадку на пути из Ливии в Сирию. Согласно различным сведениям Фатхи Шикаки был ликвидирован агентами Моссад. Новым генеральным секретарем движения «Аль-Джихад» стал Рамадан Абдалла Шаллах, который долгое время преподавал политологию в университете Южной Флориды (США) и занимал пост директора «Фонда изучения мира и ислама» (WISE – World and Islam Studies Enterprise) [49, с. 283, 292; 91, с. 61, 63; 102, с. 28; 108, с. 116; 210, 1995, т. 337, № 7939, с. 57; 210, 1995, т. 337, № 7940, с. 24; 60, с. 78; 118, с. 35; 117, с. 75].

За две недели до объявленной даты выборов израильские спецслужбы провели еще одну громкую силовую акцию. Ее жертвой стал 29-летний палестинец Яхья Аяш, который был известен под псевдонимом «Инженер» и был внесен израильскими военными властями в список наиболее разыскиваемых лиц, подозреваемых в терроризме. В Израиле считали, что Яхья Аяш являлся главным специалистом по созданию взрывных устройств в ХАМАС, которые использовались боевиками «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема». Предполагалось, что он учился в университете в Бир-Зейте, расположенном на Западном берегу реки Иордан, по специальности «электрооборудование», а затем прошел специальную подготовку в одном из тренировочных лагерей в Иране. В течение двух лет ему удавалось скрываться от израильских спецслужб. Однако 5 января 1996 г. Яхья Аяш, ставший легендарной личностью в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, погиб в результате взрыва небольшого взрывного устройства, вмонтированного в мобильный телефон. В тот день он находился в одном из домов в секторе Газа

и в момент взрыва говорил по телефону со своим отцом. Предполагается, что данный взрывной заряд малой мощности был вмонтирован в телефонную трубку агентами израильских спецслужб и передан одному из палестинских агентов Камалю Хамаду, который и вручил ее Яхье Аяшу. Сразу после спецоперации израильские власти помогли Камалю Хамаду выехать в США [10, с. 89; 38, с. 295; 49, с. 283, 292; 108, с. 116; 208, 1997, № 24, с. 24; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 210, 1996, т. 338, № 7955, с. 40; 131, с. 190; 48, с. 180; 61, с. 2; 60, с. 78; 118, с. 36; 117, с. 75]. Похороны Яхьи Аяша, состоявшиеся в Газе 6 января 1996 года, вылились в массовую акцию протеста не только против действий Израиля, но и против курса руководства ПНА на постоянные уступки израильским партнерам по «мирным» переговорам. В траурной церемонии приняли участие более 100 тысяч человек. Палестинцы несли лозунги с надписью «Перес, готовь гробы» [38, с. 295; 94, с. 36; 102, с. 28; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 118, с. 36]. Убийство Яхьи Аяша, совершенное израильскими спецслужбами на территории автономии, породило серьезные проблемы, связанные с соблюдением взаимных договоренностей израильской и палестинской сторонами. На следующий день после похорон, 7 января 1996 г., глава ПНА Я.Арафат был вынужден выступить с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Мы установили мир. Мы строго соблюдали его. Теперь мы требуем от второй стороны (Израиля – авт.) не нарушать этот мир и не проникать на палестинскую территорию для совершения убийств, как это произошло в случае с Яхьей Аяша» [210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44].

Сразу после убийства Яхьи Аяша Израиль, опасавшийся ответных вооруженных акций мщения со стороны радикальных палестинских организаций и движений, закрыл границы палестинских территорий с внешним миром и фактически расчленил автономию на две изолированные части. Тем самым Израиль создал дополнительные трудности для проведения выборов президента ПНА и членов ПЗС. При этих обстоятельствах заявление тогдашнего премьер-министра Шимона Переса о том, что Израиль «сделал все, что смог, чтобы создать благоприятные условия для Арафата», прозвучало почти провокационно [210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44]. Все это ставит под вопрос искренность желания Израиля содействовать проведению этих выборов. Более того, силовые акции против видных палестинских противников мирного диалога с Израилем способствовали их консолидации, включая движения ХАМАС и «Аль-Джихад», а также оппозиционных фракций внутри ООП. Эти события вызвали у властей автономии, прежде всего у главы ПНА Я.Арафата, серьезные опасения относительно возможного срыва выборов и начала нового витка насилия на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. В связи с этим известный палестинский политолог Халиль Шакаки, проводивший опросы общественного мнения в Наблусе накануне проведения выборов, отмечал, что убийства, совершенные израильскими спецслужбами, объективно спо-

собствовали усилению позиций сторонников жесткой линии в палестинском обществе и увеличили шансы на победу на выборах тех кандидатов, которые заявили о своей оппозиционности сепаратным сделкам с Израилем и критиковали уступчивость властей автономии на переговорах с ним. По мнению этого политолога, безапелляционные действия израильских спецслужб на территории, ответственность за поддержание порядка на которой несут власти ПНА, в канун первых многопартийных выборов ПЗС создавали реальные условия для подрыва доверия Я.Арафату со стороны населения автономии [210, 1995, т. 337, № 7939, с. 58; 210, 1996, т. 338, № 7948, с. 44; 210, 1996, т. 338, № 7955, с. 40; 118, с. 35-36].

Тем временем в соответствии с Законом о выборах ровно за 24 часа до открытия дверей избирательных участков на всей территории автономии была прекращена предвыборная агитация. В день голосования многочисленные международные наблюдатели разделились на 150 групп для проведения мониторинга выборов на отдельных избирательных участках. В целом выборы Палестинского законодательного совета прошли без серьезных нарушений. Из 1.028.280 избирателей автономии своим избирательным правом воспользовались 780.079 человек. Таким образом, средний показатель участия избирателей в выборах ПЗС составил 75,85%. Наиболее активно было население сектора Газа, где к избирательным урнам пришли 86,77% палестинцев, наделенных этим правом. На Западном берегу реки Иордан этот показатель был несколько ниже – 73,5%. Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что сектор Газа дольше находился под контролем властей ПНА, чем крупные палестинские центры Западного берега реки Иордан, переданные в автономию в конце 1995 г. В этих условиях население сектора Газа могло воспринимать первые прямые многопартийные выборы членов ПЗС более заинтересовано и ответственно. Значительно более низкие показатели явки избирателей на избирательные участки отмечались в Иерусалиме и Хевроне. В Хевроне он составил 66,40%. Одним из объяснений относительно низкого интереса палестинских избирателей этого города к выборам является крайне сложная ситуация, которая сложилась в нем и характеризовалась противостоянием между палестинским населением и несколькими сотнями израильских поселенцев, проживавших в центре Хеврона. Эта проблема была столь серьезной, что являлась источником постоянной напряженности во взаимоотношениях властей ПНА и Израиля и обусловила ряд гарантий безопасности для израильских поселенцев в городе, которые ущемляли полномочия органов исполнительной власти автономии. Однако самая низкая явка избирателей была зафиксирована в Иерусалиме. Она составила только 40,37% от общего числа избирателей, зарегистрированных по этому избирательному округу. В связи с этим можно выделить, как минимум, две причины, которые отрицательно повлияли на актив-

ность избирателей в Иерусалиме. Во-первых, на протяжении всей избирательной кампании израильская полиция всячески препятствовала предвыборной агитации кандидатов в члены ПЗС и работе местных избирательных комиссий. Еврейские экстремистские организации и правые политические партии Израиля, в том числе входившие в блок Ликуд, которые выступали с резкой критикой диалога с ООП, искусственно нагнетали политическую атмосферу в городе. Они предупреждали местных арабов о том, что в случае их участия в выборах представительного органа «иностранного государства», под которым подразумевался Палестинский законодательный совет автономии, они могут утратить израильское гражданство. В Восточном Иерусалиме было открыто пять избирательных участков, которые размещались в помещениях почтовых отделений. В день выборов, 20 января 1996 г., для их охраны городскими властями было выделено две тысячи полицейских и палестинские избиратели, желавшие проголосовать на выборах президента ПНА и членов ПЗС, были вынуждены проходить на избирательные участки сквозь строй израильских полицейских и негодующих еврейских демонстрантов. Во-вторых, палестинцы, проживавшие в Восточном Иерусалиме, оказались под мощным психологическим гнетом. Кроме того, они испытывали обоснованные опасения относительно того, что их имена могут быть внесены в «черные списки» израильских властей и в будущем это обстоятельство приведет к лишению их гражданства Государства Израиль с одновременной отменой всех социальных гарантий, включая систему различных страховых выплат [49, с. 291; 74, с. 519, 522-523, 525; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 115, с. 177; 179, с. 94].

Несмотря на все трудности, выборы президента ПНА и членов ПЗС были признаны состоявшимися, и начался подсчет итогов голосования. Важно отметить, что в день волеизъявления был проведен выборочный опрос избирателей на 148 избирательных участках. Всего было опрошено 3200 человек. Им было предложено назвать приоритетные факторы, повлиявшие на их выбор при голосовании. Наиболее значимым стал фактор участия кандидатов в национальном движении. Ему отдали приоритет 27,4% опрошенных избирателей. На следующем месте по важности был назван религиозный фактор – 24,1% участвовавших в опросе палестинцев. 17% опрошенных заявили об определяющем значении высоких моральных качеств кандидатов, в поддержку которых они отдали свои голоса. Деятельность кандидата на территории избирательного округа была поставлена на первое место при принятии решения о его поддержке 16,3% избирателей, ответивших на вопрос социологов. Далее по мере убывания назывались следующие факторы: уровень образования кандидата (11,7%) и его принадлежность к знатной семье (3,4%) [74, с. 523-524]. Подсчет голосов избирателей, участвовавших в выборах членов высшего законодательного органа автономии и дальнейшее распре-

деление мест в Палестинском законодательном совете показали нерешенность ряда вопросов по системе представительства, закрепленной в Законе о выборах, которая, впрочем, может быть объяснена конкретными политическими интересами руководства ФАТХ и официальных властей ПНА. Это наглядно иллюстрируется некоторыми данными (См.: Приложения, таблица 2).

В результате подсчета голосов выяснилось, что независимые кандидаты получили поддержку почти 60% избирателей, принявших участие в выборах членов ПЗС. Однако только 35 из них удалось стать членами этого выборного органа, что соответствовало примерно 40% мест в ПЗС. Одним из независимых кандидатов, вошедших в состав законодательного органа автономии, был Хейдар Абд аш-Шафи. О его влиянии как политического деятеля может свидетельствовать тот факт, что, являясь жестким критиком политики Я.Арафата в отношении реализуемой модели мирного урегулирования отношений с Израилем и баллотировавшись в ПЗС по избирательному округу, расположенному в городе Газа (Gaza-city) – вотчине органов исполнительных органов ПНА, Хейдар Абд аш-Шафи набрал наибольшее число голосов избирателей среди всех членов ПЗС. Согласно некоторым сведениям, два члена высшего законодательного органа автономии, которые баллотировались в качестве независимых кандидатов, неофициально представляли Народный Фронт освобождения Палестины (НФОП). Следует также отметить, что большинство так называемых «независимых» кандидатов в действительности являлись функционерами или активистами Движения палестинского национального освобождения, которые по разным причинам не были включены в партийные списки кандидатов, выдвинутых ФАТХ. Наиболее яркой фигурой среди них был один из местных лидеров ФАТХ на Западном берегу реки Иордан и резкий оппонент авторитарного стиля руководства Я.Арафата Марван аль-Баргути. В то же время можно констатировать, что далеко не все «независимые» фатховцы, которые включились в избирательную кампанию, представляли собой оппозицию Я.Арафату. Среди них были политические деятели, отличавшиеся полной лояльностью по отношению к руководителю ФАТХ. Однако необходимо отметить, что при всей оппозиционности к руководителю Движения палестинского национального освобождения и главе Палестинской Национальной Автономии Я.Арафату некоторых независимых кандидатов из числа функционеров и активистов ФАТХ они не ставили под сомнение правильность курса на мирный диалог с Израилем. В связи с этим естественным представляется то обстоятельство, что после начала работы ПЗС большинство из этих «независимых» фатховцев влились в состав фракции Движения палестинского национального освобождения, сформированной в законодательном органе автономии. В то же время Марван аль-Баргути активизировал свою агитацию за большую автономию ФАТХ от органов

исполнительной власти ПНА и превращение его в парламентскую политическую партию. В конечном итоге Марван аль-Баргути создал и возглавил небольшую группу членов ПЗС, деятельность которых характеризовалась резкой критикой исполнительной власти автономии и лично Я.Арафата [74, с. 526; 106, с. 18; 208, 1997, № 24, с. 23; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 131, с. 175; 117, с. 137].

Кандидаты, выдвинутые по партийным спискам Движения палестинского национального освобождения, получили суммарно около 30% голосов избирателей, пришедших к избирательным урнам. Однако в силу зафиксированной в палестинском Законе о выборах системы представительства в ПЗС они получили 51 место в этом законодательном органе, или около 57% от общего числа мест в нем. Таким образом, из 76 кандидатов, чьи имена были включены в партийные списки ФАТХ, 25 человек потерпели поражение и не прошли в состав ПЗС. Несмотря на то, что результаты выборов ПЗС были названы руководителями Движения палестинского национального освобождения крупной победой, нельзя не признать того факта, что утрата ФАТХ трети своих списочных кандидатов может рассматриваться как существенный удар по его престижу и претензиям на лидерство в палестинском обществе на территории автономии. Среди них, в частности, был выдвигенец Я.Арафата Закария Ага, возглавлявший Высший комитет ФАТХ в секторе Газа. В числе членов ПЗС, которые были заявлены в партийных списках от Движения палестинского национального освобождения, также оказались хорошо известные политические деятели, включая «тунисцев» Набиля Шаата, Интисар аль-Вазир, Ахмеда Корея, Хакама Балави, Хасана Асфура и Марвана Канафани, а также «независимого» исламиста Имада аль-Фалуджи. Всего фракция ФАТХ в ПЗС объединила, по разным сведениям, от 65 до 71 человека, в том числе функционеров и активистов Движения, баллотировавшихся как независимые кандидаты [38, с. 295; 74, с. 526; 106, с. 11; 208, 1997, № 24, с. 23; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 179, с. 97; 118, с. 9, 37; 117, с. 137].

По спискам других политических партий и организаций, которые суммарно набрали на выборах ПЗС 10% голосов избирателей, членами законодательного органа автономии стали два человека. Один из них представлял партию ФИДА (Палестинская демократическая федерация) и был избран в ПЗС от Рамаллаха. Еще один член Палестинского законодательного совета представлял Демократическую национальную лигу (ДНЛ), выиграв выборы в Газе [74, с. 526; 190, с. 45; 117, с. 137]. Особого внимания заслуживают члены ПЗС, избранные как независимые кандидаты, но причисляемые исследователями к сторонникам различных исламских движений и организаций. В составе Палестинского законодательного совета их насчитывалось 7 человек, если отнести к ним Имада аль-Фалуджи. Таким образом, их удельный вес в общей массе членов законодательного органа автономии составил

7,95%. Этот показатель примерно соответствует тем результатам социологических опросов, которые проводились накануне выборов ПЗС. Можно предположить, что в случае прямого участия исламских движений и организаций, прежде всего ХАМАС и «Аль-Джихад аль-ислами», и активной предвыборной кампании этот показатель мог бы быть значительно выше. Однако история не приемлет сослагательного наклонения. Следовательно, результаты выборов ПЗС для исламских движений и организаций, прежде всего для Движения исламского сопротивления, можно рассматривать как сильный удар по их престижу. В то же время они по-прежнему оставались реальной политической силой в ПНА, зарекомендовавшей себя принципиальной оппозицией курсу руководства автономии на сделку с Израилем [74, с. 527; 102, с. 27; 108, с. 118; 208, 1997, № 24, с. 23; 115, с. 177; 190, с. 45; 117, с. 136]. Среди других итогов выборов Палестинского законодательного совета автономии необходимо указать на незначительное представительство женщин в его составе. Членами ПЗС стали только шесть женщин, из которых только Интисар аль-Вазир представляла ФАТХ, а остальные, включая Ханан Ашрави, выступали в качестве независимых кандидатов. Таким образом, их удельный вес среди остальных членов законодательного органа ПНА равнялся 6,8%. Что касается конфессионального состава ПЗС, то помимо мусульман, составивших абсолютное большинство его членов, в него вошли также семь христиан, для которых шесть мест были зарезервированы в соответствии с Законом о выборах, и один самаритянин, избранный от Наблуса [74, с. 527; 208, 1997, № 24, с. 23; 117, с. 137].

7 марта 1996 г. открылась первая сессия Палестинского законодательного совета, члены которого съехались в Газу. Однако с самого начала его деятельность была сопряжена со многими трудностями, одной из которых стали усиленные меры безопасности, предпринятые израильскими властями в попытке сбить новую волну террористических актов против военных и гражданских целей как в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, так и на территории собственно Израиля. В результате этих мер израильские военные власти в очередной раз закрыли границы ПНА, введя, тем самым, временное разделение территорий автономии на две изолированные друг от друга части – сектор Газа и крупные палестинские центры на Западном берегу реки Иордан, переданные перед выборами под полный или частичный контроль властей ПНА. В этих условиях члены ПЗС с Западного берега реки Иордан были вынуждены получать специальное разрешение израильских военных властей для того, чтобы пересечь блокированные границы и прибыть в Газу [38, с. 296; 210, 1996, т. 338, № 7956, с. 47; 196, с. 70].

В ходе работы первой сессии Палестинского законодательного совета был избран его спикер. В силу численного доминирования членов ФАТХ в этом представительном органе автономии было оче-

видным, что контроль над руководящими органами ПЗС окажется в руках членов фракции Движения палестинского национального освобождения. Спор за пост спикера ПЗС шел между двумя кандидатами. Одним из них был независимый член этого высшего законодательного органа Хейдар Абд аш-Шафи. Однако, как и ожидалось, спикером ПЗС стал Ахмед Корей, он же Абу Аля. Он родился в 1937 г. в деревне Абу Дис (Abu Dis), расположенной к востоку от Иерусалима. В декабре 1997 г. усилиями оппозиционных исполнительной власти ПНА законодателей, во главе которых стоял Марван аль-Баргути, была предпринята попытка проголосовать за вотум недоверия спикеру ПЗС с тем, чтобы сорвать перевыборы Ахмеда Корея на этот пост, которые состоялись весной 1998 г. Однако эта попытка не увенчалась успехом [38, с. 248-249, 259, 302; 106, с. 13, 16, 18; 208, 1997, № 24, с. 23; 199, с. 83; 179, с. 97]. Палестинский законодательный совет так и не смог стать влиятельным органом власти в ПНА, способным противостоять всеисилью исполнительной власти и главы автономии Я.Арафата. Это во многом было обусловлено отсутствием единства в среде оппозиционных членов ПЗС. В то же время ПЗС объективно не мог оказывать сильное влияние на развитие ситуации в автономии. Согласно пункту 4 статьи 18 палестино-израильского соглашения от 28 сентября 1995 г. ПЗС не имел полномочий принимать законы, отменяющие действующие законы и распоряжения израильских военных властей, или вступающие в противоречие с ранее подписанными двусторонними соглашениями, или с теми из них, которые будут достигнуты в переходный период [38, с. 302; 74, с. 527; 196, с. 71, 75]. Тем не менее, как отметил Фарук аль-Каддуми после выборов Палестинского законодательного совета: «Позитивной стороной состоявшихся выборов можно считать то, что народом они рассматривались как выражение свободы и признание национальной идентичности. Важен сам факт признания за палестинцами права на свободное волеизъявление» [15, с. 26].

3. Взаимоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти в автономии

До проведения выборов Палестинского законодательного совета в январе 1996 г. в автономии проблема взаимоотношений между исполнительной и законодательной властями фактически отсутствовала. Это было обусловлено тем, что в первые полтора года существования Палестинская национальная администрация выполняла не только исполнительские, но и законодательные функции. Однако с избранием высшего представительного органа автономии эта проблема стала актуальной. Более того, проявились острые противоречия между правительством и ПЗС, причины которых крылись в отсут-

ствии четкого разграничения полномочий между этими двумя ветвями власти. Главным в этой проблеме стал спор вокруг контроля над деятельностью органов исполнительной власти. Он шел между президентом ПНА Я.Арафатом, который по закону формировал состав правительства, и членами ПЗС, которые должны были утверждать это правительство. Новое правительство автономии было сформировано 9 мая 1996 г., т.е. спустя 3,5 месяца после избрания ПЗС. В его состав вошли 24 министра. Как и ожидалось, главным критерием при отборе кандидатов на министерские должности стала их лояльность по отношению к Я.Арафату. В правительство вошли люди из ближайшего окружения Я.Арафата, в том числе его советники, известные еще по работе в тунисской штаб-квартире ООП, функционеры Движения палестинского национального освобождения и представители местных традиционных землевладельческих и торговых кланов. Тем не менее его можно было назвать номинально «коалиционным», так как в него помимо представителей ФАТХ, занявших большинство министерских постов, вошло ограниченное число представителей от партии ФИДА и Палестинской народной партии (ПНП), а также «независимые» политические деятели, симпатизировавшие руководителю Движения палестинского национального освобождения. Таким образом, спор вокруг вопроса о контроле над правительством был решен в пользу главы автономии, оставляя за ПЗС право критического анализа работы кабинета министров ПНА и выдвижения требований по устранению выявляемых недостатков в его деятельности. Результатом неурегулирования данного спора между президентом ПНА и членами высшего законодательного органа автономии стало закрепление принципа жесткого противодействия между исполнительной и представительной властями. Помимо этого, Я.Арафат, который подтвердил свою легитимность в ходе выборов президента ПНА,

предпринял шаги по закреплению своей политической победы. С этой целью он попытался использовать представителей палестинской оппозиции ближневосточному мирному процессу, предложив им провести консультации относительно их вхождения в состав правительства. Однако практически все палестинские политические силы, в том числе движения ХАМАС и «Аль-Джихад аль-ислами», а также НФОП, ДФОП и другие светские фракции ООП, выступавшие против палестино-израильской сепаратной сделки, заявили о своем отказе от участия в исполнительных органах автономии, рожденной в результате «сговора с сионистским агрессором» [50, с. 277; 210, 1996, т. 338, № 7950, с. 41; 215, 1998, т. 27, № 3, с. 165; 179, с. 95; 131, с. 179].

В этих условиях органы исполнительной власти оказались в ситуации полной бесконтрольности, в том числе со стороны Палестинского законодательного совета. Это обстоятельство крайне отрицательно отразилось на экономическом и правовом положении в автономии. Коррупционность должностных лиц ПНА, взяточничество и

казнокрадство стали чуть ли не нормой жизни в автономии [38, с. 306; 181, с. 77-78; 196, с. 75; 187, с. 79-81; 200, с. 109-112]. Еще в начале 1995 года разгорелся шумный скандал о коррупции в органах исполнительной власти ПНА. Примечательно, что глава автономии Я.Арафат взял под защиту тех деятелей автономии, которые были уличены в незаконной деятельности. В феврале 1995 г. под давлением публичных обвинений был вынужден подать в отставку весь состав муниципального совета Иерихона (Ариха), который был назначен лично главой ПНА и проработал только полгода. В марте того же года состоялось заседание Центрального совета ФАТХ, на котором Я.Арафат вновь взял под свою защиту коррумпированных чиновников исполнительной власти автономии. Даже массовый митинг, который был организован сразу после завершения заседания ЦС ФАТХ и на котором резко критиковалась позиция главы ПНА, не заставил Я.Арафата изменить свое отношение к проблеме коррупции [54, с. 23]. На территории автономии, прежде всего в секторе Газа, строились дорогостоящие виллы, принадлежащие членам правительства и советникам президента ПНА, а также высокопоставленным функционерам ФАТХ. Помимо этого многие высшие чиновники автономии обвинялись в незаконных сделках с земельными участками, связанных с принуждением их бывших владельцев к продаже своей собственности подставным лицам [29, с. 34; 38, с. 306; 185, с. 44; 181, с. 77-78; 118, с. 28]. В числе лиц, подозреваемых в коррупции и казнокрадстве, оказались видные деятели ПНА, включая ближайших советников Я.Арафата и даже его жену. Так, палестинская оппозиционная пресса открыто обвиняла в финансовых махинациях со средствами, предоставляемыми странами-донорами, трех доверенных лиц главы ПНА: выходца из иудейской общины Марокко Габриэля Банара, ливанского предпринимателя Пьера Ризка и одного из финансовых советников Я.Арафата, курда по происхождению, известного под двумя именами Халида Салама и Мухаммеда Рашида. Согласно палестинским оппозиционным СМИ они осуществляли свои незаконные финансовые операции через один из банков, расположенных на Каймановых островах [38, с. 305]. Среди подозреваемых в казнокрадстве оказался один из самых близких помощников Я.Арафата, министр планирования и международного сотрудничества ПНА и ведущий палестинский переговорщик, стоявший у истоков палестино-израильских договоренностей, достигнутых в Осло, Набиль Шаат. Его пристрастие к роскоши вызывало всеобщее осуждение. Особенно ярко это проявилось в 1996 г., когда он будучи вдовцом, вновь женился, устроив пышные и дорогостоящие приемы, два из которых прошли в Иерусалиме, а еще два – в Наблусе и Газе [38, с. 306; 106, с. 16; 210, 1997, т. 344, № 8029, с. 31].

Наконец, под подозрение попала жена Ясира Арафата Суха Арафат. Будучи дочерью известных родителей (ее мать в течение долгого

времени возглавляла палестинское информационное агентство в Париже) и выпускницей университета в Сорбонне, Суха привыкла к жизни во Франции. После рождения дочери в 1995 г. Суха Арафат подолгу жила во Франции, предпочитая Париж Газе. Ее неоднократно видели в компании с женой влиятельного саудовского миллионера Хашоги во время посещения ими дорогих магазинов. Конечно, любовь к комфорту и дорогим нарядам не являются свидетельством вовлеченности супруги Я.Арафата в какие-либо незаконные финансовые махинации. Однако в условиях кричащей бедности значительного числа палестинцев на территории автономии подобное поведение первой леди ПНА не могло не вызывать раздражение у простых палестинцев и не давать почву для всевозможных слухов. Большие вопросы вызывала деятельность строительной фирмы «Аль-Бахр Ко.» (al-Baḥar – «море», арабск.), одной из владелиц крупного пакета акций которой называют жену Я.Арафата. Из-за дороговизны работ, проводимых этой фирмой на территории автономии, ее иногда со злой иронией называют «Аль-Мухит Ко.» (аль-мухит – «океан», арабск.). Несмотря на то, что отсутствуют прямые доказательства непосредственной вовлеченности жены Ясира Арафата в управление фирмой, мало у кого в автономии есть сомнения относительно того, что одно только ее имя позволяет получать крупные и дорогостоящие строительные подряды в ПНА [29, с. 35; 38, с. 305-306; 38, с. 290].

Проблема коррумпированности органов исполнительной власти ПНА в короткие сроки приобрела такие масштабы, что стала предметом рассмотрения специальной комиссии, созданной членами Палестинского законодательного совета. Было опрометчивым полагать, что данное «дело» было полностью лишено политической подоплеки. Однако выводы членов этой спецкомиссии поставили серьезные вопросы, которые нуждались в ответе. В июле 1997 г. ею был подготовлен доклад о якобы имевших место злоупотреблениях в нецелевом расходовании финансовых средств бюджета ПНА, предоставленных государствами-донорами ближневосточного мирного процесса, и частичном их расхищении на общую сумму 326 млн. долларов США. В нем, в частности, говорилось о том, что правительство автономии пронизано коррупцией и открыто звучали обвинения в казнокрадстве в адрес четырех министров ПНА, включая одну из ключевых фигур палестинской автономии Набиля Шаата. В том же месяце члены Палестинского законодательного совета приняли постановление по докладу спецкомиссии. В его поддержку проголосовали 56 членов ПЗС и только четверо выступили против этого постановления. В нем содержалось обращение ПЗС к президенту ПНА о необходимости роспуска кабинета министров и формировании нового правительства, состав которого был бы свободен от коррупционеров и пользовался доверием как членов высшего законодательного органа автономии, так и всех палестинцев [38, с. 304; 106, с. 16; 210, т. 344, № 8029, с. 31; 190, с. 54].

Столь громкие обвинения вызвали политический кризис в ПНА. 18 министров тогдашнего правительства, которому фактически был выражен вотум недоверия со стороны высшего законодательного органа автономии, подали прошение об отставке на имя президента Я.Арафата. Однако глава ПНА вновь встал на сторону представителей исполнительной власти. Ясир Арафат не принял их отставку и потребовал от них продолжения исполнения своих министерских обязанностей, аргументируя это сложным положением в самой автономии и обострением противоречий между руководством ПНА и правительством Израиля [190, с. 54]. Осенью 1997 г. члены ПЗС неоднократно возвращались к вопросу о необходимости роспуска утратившего всеобщее доверие правительства ПНА и формировании нового кабинета министров. Однако раз за разом президент ПНА Я.Арафат под различными предлогами отвергал эти требования высшего законодательного совета автономии. Более того, члены ПЗС, выступавшие с подобными требованиями, нередко становились объектами пристального внимания со стороны полиции и спецслужб ПНА, не говоря уже об обвиняемых министрах, которые подчас доходили до прямых угроз в адрес наиболее активных законодателей. В связи с этим следует отметить, что возникший летом-осенью 1997 г. политический кризис в ПНА являлся показательным и важным, так как в данном случае органы исполнительной власти автономии столкнулись не с противостоянием со стороны исламской и светской оппозиции, но со стороны Палестинского законодательного совета, находившегося под контролем ведущей фракции, которая объединяла сторонников ФАТХ. Так, 22 декабря 1997 г. члены ПЗС от Движения палестинского национального освобождения вновь обратились с призывом к Я.Арафату пойти на реформирование правительства. На следующий день, 23 декабря 1997 г., это требование нашло свое воплощение в постановлении Палестинского законодательного совета, настоятельно рекомендовавшем президенту ПНА принять во внимание факты, изложенные в докладе спецкомиссии, и распустить кабинет министров. Спустя еще несколько дней, 29 декабря 1997 года, Я.Арафат принял отставку правительства и приступил к формированию нового кабинета министров [215, 1998, т. 27, № 3, с. 127, 177-178; 210, 1997, т. 344, № 8029, с. 31; 221, 30.12.1997; 224, 30.12.1997; 179, с. 96; 192, с. 126].

Приняв отставку, президент ПНА не торопился с формированием нового правительства. Вновь, как и весной 1996 г., Я.Арафат попытался привлечь в правительство кого-либо из числа «отказников». Однако 15 июня 1998 г. лидеры движений ХАМАС и «Аль-Джихад», а также Народного фронта освобождения Палестины и Демократического фронта освобождения Палестины выступили с совместным заявлением, в котором они отвергли саму возможность вхождения их представителей в новый состав правительства ПНА [215, 1998, т. 27,

№ 3, с. 165; 224, 16.06.1998]. Процесс формирования нового кабинета министров занял почти восемь месяцев. Он подтвердил авторитарность правления президента ПНА Я.Арафата, который единолично производил отбор кандидатов на министерские должности, сводя необходимую процедуру консультаций с политическими партиями и организациями, а также с членами Палестинского законодательного совета к малозначимой формальности. 5 августа 1998 года Я.Арафат представил в ПЗС список нового состава правительства автономии. В него вошли министры прежнего правительства, за небольшим исключением. Так, в новом кабинете министров отсутствовал независимый политический деятель Ильяс Фрейдж, занимавший ранее пост министра туризма и умерший в марте 1998 г. По той же причине в новый состав правительства не вошел прежний министр по делам религии Хасан Тахбуб, скончавшийся в апреле 1998 г. В правительстве также не оказалось представителя Народного фронта борьбы (НФБ) Самира Гоша, ранее возглавлявшего Министерство труда ПНА. В то же время в его состав вошли министры, имена которых фигурировали в докладе специальной комиссии ПЗС по делу о злоупотреблениях и хищениях финансовых средств, в том числе Набиль Шаат. Помимо этого следует отметить, что президент ПНА не только не реконструировал структуру прежнего правительства, но ввел в него десять новых министерских постов, которые, как и ожидалось, были поделены между функционерами ФАТХ и номинально «независимыми» политиками. Таким образом, численность членов правительства возросла до 30 человек. Представленный список министров нового правительства ПНА вызвал бурные дебаты в Палестинском законодательном совете, которые продлились два дня, 8-9 августа 1998 г. После их завершения было проведено голосование, и новый кабинет министров был утвержден. В его поддержку отдали свои голоса 55 членов ПЗС. Против этого состава правительства проголосовали 28 человек [215, 1998, т. 27, № 3, с. 123, 176; 215, 1998, т. 28, № 1, с. 145-146; 221, 06.08.1998, 10.08.1998; 224, 09.08.1998].

Вероятно, будет интересным проанализировать партийный состав кабинета министров, который приступил к исполнению своих обязанностей в августе 1998 года (Список министров правительства ПНА, утвержденный на заседании Палестинского законодательного совета 9 августа 1998 г. см.: Приложения, Таблица 3). Подавляющее число мест в новом составе правительства заняли члены Движения палестинского национального освобождения. Им досталось 18 министерских постов. Еще 10 постов заняли «независимые» министры, независимость которых была номинальной, так как в своем большинстве они симпатизировали ФАТХ. Наконец, по одному представителю от партии ФИДА и Палестинской народной партии (ПНП) создавали видимость некой политической коалиции. Примечательным можно рассматривать также то, что в новом составе правительства ПНА

члены предыдущего кабинета министров сохранили свои министерские посты. Как правило, речь идет о фигурах, которые определяли политическое лицо исполнительной власти автономии.

Формирование нового кабинета министров, утвержденного в августе 1998 года, не решило вопросы взаимоотношений между органами исполнительной власти автономии и Палестинским законодательным советом. Оно лишь зафиксировало статус-кво в их противостоянии и подтвердило отсутствие у членов ПЗС реальных возможностей для какого-либо влияния на деятельность исполнительной власти в ПНА. В этих условиях члены ПЗС, которые выражали несогласие с политикой, проводимой президентом ПНА или правительства автономии, не могли кардинально изменить ситуацию. Хотя в отдельных случаях члены ПЗС выступали консолидировано по тем или иным вопросам внутривнутриполитической ситуации в ПНА. Примером этого может служить уже упоминавшийся доклад специальной комиссии Палестинского законодательного совета или совместное заявление 52 членов ПЗС, принятое 3 апреля 1996 г. и осуждавшее карательные акции полиции автономии в отношении членов исламской оппозиции [108, с. 117]. Помимо этого Палестинский законодательный совет сталкивался с систематическим бойкотированием правительством автономии деятельности законодателей. Так, по данным на конец мая 1997 г., неподписанными президентом ПНА и, следовательно, неисполняемыми органами исполнительной власти, оставались около 160 законодательных актов, принятых членами ПЗС, среди которых были законы о борьбе с коррупцией и защитой гражданских прав от посягательств со стороны полиции автономии [210, 1997, т. 343, № 8018, с. 43].

Неспособность к эффективной деятельности Палестинского законодательного совета подчас толкала его членов к акциям индивидуального протеста против сложившейся ситуации. Так, известный палестинский политический деятель Ханан Ашрави отказалась в августе 1998 г. войти в состав правительства ПНА в знак протеста против контроля ФАТХ над деятельностью правительства и вселила органов исполнительной власти на территории автономии [216, 1998, т. 28, № 1, с. 145]. На более решительный шаг пошел один из патриархов палестинских националистов Хейдар Абд аш-Шафи, который вышел из состава Палестинского законодательного совета 2 октября 1997 г. и снял с себя полномочия члена ПЗС. В открытом письме, с которым он обратился к своим избирателям и коллегам в парламенте, Хейдар Абд аш-Шафи открыто заявил, что причиной его ухода стало засилье органов исполнительной власти во всех сферах жизнедеятельности ПНА, которое делает законотворческую деятельность членов ПЗС бесполезной [38, с. 304; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 117]. Однако такие шаги были малоэффективными и не оказывали действенного влияния на совершенствование взаимоотношений между исполнительной и законодательной ветвями власти в автономии.

ГЛАВА III СИЛОВЫЕ ВЕДОМСТВА И ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ В ПНА

1. Формирование силовых структур ПНА

Одним из важных пунктов договоренностей о создании Палестинской Национальной Автономии являлось формирование ее сил безопасности. Согласно сентябрьской (1993 г.) Декларации о принципах мирного урегулирования на территории, которую планировалось передать под контроль палестинской администрации, предполагалось сформировать «мощные палестинские полицейские силы». Они должны были заменить выводимые части израильской армии в пунктах, входящих в состав ПНА, и осуществлять функции поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности в автономии [74, с. 515; 97, с. 5; 210, 1993, т. 329, № 7832, с. 46; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 46]. В то же время Израиль изначально выражал опасения относительно процесса формирования палестинских полицейских сил. Они сводились к вопросу о том, не создаст ли формируемая полиция ПНА непосредственную угрозу безопасности Израиля. Такие опасения базировались на мнении многих израильских экспертов о неспособности Я.Арафата удерживать под своим контролем «вчерашних террористов», которые наденут форму палестинской полиции [210, 1993, т. 329, № 7832, с. 46].

Вопрос о формировании палестинских полицейских сил на территории автономии получил развитие в ходе палестино-израильских переговоров, традиционно проходивших в египетском курортном городке Таба, и его решение было закреплено в Каирском соглашении от 4 мая 1994 г. В соответствии с ним полиция автономии должна была создаваться путем включения в ее состав как представителей диаспоры, так и палестинцев, проживающих на территории, выделенной для создания ПНА. Таким образом, она должна была представлять некий конгломерат политических сил. Следует обратить внимание на то, что внешний источник пополнения рядов палестинской полиции был ограничен не столько рамками диаспоры, сколько личным составом вооруженных и полувоенных формирований Организации освобождения Палестины, находившихся под контролем председателя ее Исполкома Я.Арафата. В числе базовой структуры, которая была призвана дать основную долю палестинских полицейских, была Армия освобождения Палестины (АОП – Palestine Liberation Army), представлявшая собой регулярные воинские формирования ООП,

«разбросанные» после ухода из Ливана в начале 80-х годов по нескольким арабским странам. Важным является тот факт, что АОП продолжала находиться под сильным влиянием Движения палестинского национального освобождения. В этих обстоятельствах можно считать естественным, что еще одним внешним источником рекрутирования палестинцев в полицейские силы ПНА являлись многочисленные вооруженные формирования ФАТХ, включая формально распущенную в марте 1990 г. организацию «Аль-Асифа», а также другие подконтрольные Движению палестинского национального освобождения организации, такие как например, «Ястребы ФАТХ» или «Черные пантеры» [38, с. 275, 280-281; 49, с. 285; 101, с. 5; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 210, 1993, т. 329, № 7832, с. 46; 210, 1995, т. 335, № 7905, с. 44; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 60, с. 3, 34; 117, с. 110; 21, с. 63].

Несмотря на то, что в полицию ПНА набирались палестинцы, проживавшие на территории автономии, они составляли ее меньшинство. Однако полицейские, отобранные из числа местного населения, принимавшего участие в интифаде, также в основной своей массе представляли полувоенные формирования ФАТХ или лояльные к нему палестинские группировки. По причине такого комплектования личного состава палестинской полиции обострилась проблема соперничества между местными рекрутами и экс-бойцами регулярных воинских формирований ООП, прибывавших на территорию ПНА из-за пределов Палестины. Как правило, выходцы из диаспоры занимали основные командные должности в палестинской полиции, оттесняя на второй план местных полицейских. Более того, очень часто это были люди, которые не раз демонстрировали свою верность лично Я.Арафату. Следует признать, что принцип личной верности председателю Исполкома ООП (а позже главе ПНА) был актуален и для местных выдвиженцев в командный состав полиции. Примечательно, что Израиль не препятствовал такому курсу руководства автономии на формирование палестинской полиции, который при распределении командных должностей отдавал приоритет выходцам из диаспоры. Израильское правительство надеялось на то, что поддержание противостояния по оси «местные-диаспора» не только позволит ограничить влияние радикальных палестинских группировок на территории ПНА, но и создаст напряженность во взаимоотношениях полиции с местным населением, предотвратив их возможное сближение [38, с. 281; 71, с. 56, 61; 100, с. 241; 131, с. 178; 60, с. 35]. Тенденциозный подход к отбору кадров в полицию ПНА не мог не вызывать естественных опасений не только у палестинского населения сектора Газа и Западного берега реки Иордан, но прежде всего у лидеров оппозиционных Я.Арафату и ФАТХ политических сил. Они сразу же усмотрели в практике формирования палестинской полиции преимущественно из числа сторонников Движения палестинского национального освобождения опасность того, что

они больше будут служить интересам ФАТХ, чем населению ПНА [210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 117, с. 110].

Тем не менее, процесс формирования полиции ПНА начал принимать конкретные очертания. В соответствии с Каирским соглашением от 4 мая 1994 г. численность палестинской полиции устанавливалась в пределах 9 тысяч человек, из которых только две тысячи человек должны были рекрутироваться на территории сектора Газа и в районе Иерихона (Ариха), расположенном на Западном берегу реки Иордан [38, с. 275, 280-281; 49, с. 285; 97, с. 5; 210, 1994, т. 331, № 7859, с. 56; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 151, с. 64]. Несмотря на существовавшие количественные ограничения численности полицейских сил автономии, они постепенно разрастались. Очень часто это происходило вопреки имевшимся палестино-израильским договоренностям и без соответствующих согласований. Уже в начале июля 1994 г. численность личного состава палестинской полиции превысила шесть тысяч человек. К концу 1994 г. в автономии, по некоторым данным, насчитывалось уже около 10 тысяч полицейских. По некоторым неофициальным данным, весной 1995 г. их численность оценивалась приблизительно в 16.200 – 17.500 человек. В середине лета 1995 г. численность палестинских полицейских превысила уровень 18 тысяч человек. Тем самым шло явное нарушение палестинской стороной достигнутых ранее договоренностей с Израилем. Более того, помимо превышения максимально допустимого уровня численности полиции руководство ПНА отказывалось соблюдать ряд других пунктов своих договоренностей с израильской стороной. В частности, несмотря на то, что власти автономии обязались передать Израилю до 12 сентября 1994 г. списки имен личного состава своих полицейских частей, данный пункт Каирского соглашения так и не был выполнен [38, с. 289; 71, с. 57-58; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 210, 1994, т. 333, № 7885, с. 57; 210, 1995, т. 334, № 7901, с. 47; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45; 210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 115, с. 213; 151, с. 64; 60, с. 3, 36-37].

В первые полтора-два года с момента возникновения палестинской автономии израильские власти были готовы идти на уступки руководству ПНА и не акцентировать излишнего внимания на его «отклонениях» от согласованных планов формирования палестинской полиции. Так, палестино-израильское соглашение «О практической реализации «Газа-Иерихон – сначала», подписанное в египетской столице 4 мая 1994 г., предусматривало возможность постепенного увеличения роста численности личного состава полиции ПНА по мере присоединения к автономии новых территорий на Западном берегу реки Иордан после ухода с них подразделений израильской армии. Важно отметить, что этот пункт полностью соответствовал содержанию Декларации о принципах промежуточного урегулирования от 13 сентября 1993 г. Вероятно, Израиль рассчитывал на то, что подобная

политика контролируемого усиления силового сегмента палестинской автономии поможет Я.Арафату справиться с угрозой расширения влияния местных исламистов. Как представляется, именно эта посылка стала причиной включения в пункт 9 Каирского соглашения от 4 мая 1994 г. фразы о «мощных полицейских силах» на территории автономии. Подписанное 28 сентября 1995 г. в Вашингтоне новое палестино-израильское соглашение разрешало руководству ПНА увеличить численный состав своей полиции до 22 тысяч человек, из которых 16 тысяч полицейских должны были размещаться в секторе Газа. Одновременно с этим было заявлено о возможном рекрутировании в нее еще 8 тысяч палестинцев, в том числе из-за рубежа. Тем самым суммарная численность палестинских полицейских должна была составить 30 тысяч человек уже в 1996 году. Однако это должно было проходить постепенно, по мере включения в ПНА новых территорий, при строгом соблюдении ранее достигнутых договоренностей и жестком согласовании сроков и численных ограничений, касавшихся этого процесса [38, с. 280-281; 46, с. 17; 97, с. 5; 215, 1998, т. 27, № 3, с. 167; 131, с. 178; 60, с. 36].

В то же время Вашингтонское соглашение 1995 г. отвергло идею ПНА о создании на ее территории «палестинских сил самообороны» (The Palestinian Self-Defense Force). Это позволило бы палестинцам сформировать не только полицию, но и свою собственную армию как атрибут государственности. Несмотря на то, что руководство ПНА предлагало обусловить их создание «разумными ограничениями» как по численному составу, так и по оснащению их вооружением, Израиль резко воспротивился этой идее. Эта позиция определялась тем, что юридически ПНА являлась автономией в рамках Государства Израиль, по крайней мере, на переходный период, который должен был продлиться не менее пяти лет. Кроме того, Израиль, не испытывавший доверия к руководству палестинской автономии, опасался того, что чрезмерное укрепление силовой составляющей ПНА может подтолкнуть ее лидера Я.Арафата к непредсказуемым действиям [38, с. 281; 71, с. 57; 97, с. 5-6].

Согласно некоторым оценкам, уже в октябре 1995 г. палестинская полиция превысила допустимый для нее уровень численности, достигший якобы 30 тысяч сотрудников. В октябре 1996 г. она оценивалась уже в 40 тысяч полицейских. Спустя почти два года, в 1998 г., Израиль обвинил палестинцев в том, что полицейские силы ПНА составляли 45 тысяч человек. Вместе с тем, следует отметить то, что уже в сентябре 1996 г. некоторые зарубежные эксперты заговорили о том, что численность вооруженных формирований, находящихся под контролем властей автономии и включавших не только полицейские силы, но и полувоенные формирования различных палестинских организаций и движений, прежде всего ФАТХ, превышала 50 тысяч бойцов. Таким образом, власти автономии продолжали наращивание

численности своих полицейских сил вопреки договоренностям с израильской стороной [38, с. 308; 71, с. 58; 215, 1998, т. 27, с. 167; 210, 1996, т. 340, № 7985, с. 57; 210, 1996, т. 341, № 7986, с. 45; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 117; 60, с. 27, 74].

По сути, палестинские полицейские силы постепенно превращались в небольшую полулегализованную армию на территории автономии, хотя формально и не назывались таковой. Шел устойчивый процесс милитаризации палестинского общества в границах ПНА. По некоторым экспертным оценкам, в отдельные периоды существования автономии на 50 ее жителей приходился один палестинский полицейский [38, с. 289; 71, с. 57; 142, с. 5; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 60, с. 75]. Так, известный палестинский правозащитник адвокат Раджи Сурани (Raji Sourani) отмечал в начале декабря 1996 года: «В секторе Газа 20 тысяч полицейских приходится на 1 млн. жителей. Это наивысший показатель плотности полиции на душу населения в мире» [210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49].

Большой проблемой, связанной с формированием и деятельностью полицейских сил ПНА, стала слабая специальная подготовка личного состава. Согласно палестино-израильским договоренностям, в частности Каирскому соглашению от 4 мая 1994 г., палестинские бойцы, которые были отобраны за рубежом для службы в полиции автономии, а также местные рекруты, набранные в секторе Газа и Иерихоне (Ариха), должны были пройти ускоренный курс подготовки в учебных центрах в Египте и Иордании. Однако руководство ПНА не уделяло необходимого внимания обучению полиции. В складывавшихся условиях оно было более заинтересованным в быстрейшем размещении на территории автономии лояльных себе полицейских формирований, чем в их тщательной специальной подготовке. Это обстоятельство было вызвано обострением соперничества между палестинскими политическими силами в условиях становления различных властных институтов в ПНА [38, с. 281; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 131, с. 177; 151, с. 61, 65, 71; 60, с. 34, 75].

Первые части полицейских регулярных сил стали прибывать в сектор Газа уже 13 мая 1994 г., занимая позиции, оставленные подразделениями израильской армии. Вскоре палестинская полиция прибыла и в Иерихон (Ариха). Командиром первого контингента приказом Я.Арафата был назначен Хадж Исмаил. По данным обозревателей, в 1982 г., во время вооруженного вторжения израильской армии в Ливан, Хадж Исмаил был обвинен палестинцами в трусости. Однако, как показали последующие события, личная преданность председателю Исполкома ООП оказалась выше отсутствия личного мужества. К концу мая 1994 г. на территории автономии было уже расквартировано около 2,5 тысяч палестинских полицейских [38, с. 281; 210, 1994, т. 331, № 7864, с. 46]. Практически сразу после начала

формирования полицейских сил руководство автономии столкнулось с трудностями материально-финансового обеспечения этого процесса. Прибывая на территорию сектора Газа, они размещались в пустых казармах ушедших израильских войск, которые вывозили с собой все оборудование. Не было ни кроватей, ни топлива для обеспечения жизнедеятельности в новых местах дислокации палестинской полиции. В мае 1994 г., казалось, был найден временный выход, когда необходимую сумму в размере 400 тысяч долларов США наличными привез на территорию автономии лично Набиль Шаат. Однако эти деньги не могли решить проблему финансирования палестинской полиции в целом. Власти ПНА настаивали на необходимости оказания экстренной помощи со стороны международных финансовых организаций для обеспечения формирования палестинской полиции и ее функционирования. Они исходили из того, что каждый палестинский полицейский обходится бюджету автономии ежемесячно в 1600 долларов США. Таким образом, исходя из официально согласованной цифры численности полицейских в автономии (9 тысяч человек), суммарные расходы на полицию ПНА в год будут составлять около 170 млн. долларов США. К концу 1994 года ПНА получила помощь от ООН в размере 150 млн. долларов США, которая почти полностью, согласно сообщениям палестинских властей, пошла на выплату зарплаты сотрудникам полиции и гражданским чиновникам. В первые пять месяцев 1995 года власти автономии получили еще 154 млн. долларов США в качестве помощи от государств-доноров ближневосточного мирного процесса. Из них 80%, или 123 млн. долларов США, пошли на выплату зарплаты разраставшейся военной и гражданской бюрократии ПНА. Для покрытия расходов, связанных с формированием и деятельностью палестинских полицейских сил, был создан так называемый Фонд Холста (The Holst Fund), по имени министра иностранных дел Норвегии, который курировал тайные переговоры между правительством Израиля и руководством ООП в Осло в 1993 г. В этот Фонд вошли представители шести главных государств-доноров мирного процесса на Ближнем Востоке, которые переводили необходимые финансовые средства на его счет. Однако проблема финансирования полицейских сил ПНА продолжала сохранять свою остроту и в последующие годы, что в немалой степени было обусловлено нерегулируемым ростом их численности. Помимо этого полиция автономии оказалась первой из структур ПНА, получившей зарубежную помощь в виде денежных взносов на обеспечение ее снаряжения и деятельности. Такая помощь была оказана США, Великобританией и Францией [38, с. 281, 289; 71, с. 57-58; 210, 1994, т. 331, № 7864, с. 46; 210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48; 151, с. 64].

Однако главной проблемой формирования сил правопорядка в ПНА стало то, что руководство автономии вопреки своим договоренностям с израильской стороной пошло не только на создание поли-

цейских регулярных сил, но и на формирование самостоятельных спецслужб, не предусмотренных ни Декларацией о принципах промежуточного урегулирования, ни Соглашением «О практической реализации договора «Газа-Иерихон – сначала» [115, с. 174; 131, с. 178]. Руководство ПНА не ограничивалось формированием только полиции, стремясь создать разветвленную систему безопасности на территории автономии, которая в большей степени была рассчитана на противодействие деятельности внутренней оппозиции, чем на борьбу с Израилем.

Эту систему венчал Совет безопасности Палестины (СБП – Palestine Security Council), во главе которого стоял глава ПНА Я.Арафат. Деятельность этого властно-распорядительного органа не регулировалась ни одним палестино-израильским соглашением. Учитывая авторитарный стиль руководства Я.Арафата, можно с большой долей уверенности утверждать, что СБП не играл какой-либо значимой роли в жизнедеятельности автономии. Вероятно, его создание, по мнению лидеров автономии, было призвано подтвердить государственный характер ПНА и символизировать собой один из атрибутов новой палестинской государственности. Тем не менее, на него возлагались определенные функции координации деятельности полиции и других сил безопасности, включая спецслужбы. Советником главы ПНА по безопасности был назначен Хакам Балави, который родился в 1934 г. недалеко от Тулкарма. С января 1991 г. он отвечал за службу безопасности в ООП в ее штаб-квартире в Тунисе. Известно, что в октябре 1993 г. один из его ближайших помощников был разоблачен как агент израильских спецслужб [38, с. 280; 106, с. 14; 208, 1997, т. 24, с. 23; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45]. Одновременно с этим в ПНА создавались силы безопасности. По данным на начало февраля 1995 г., на территории автономии уже действовало не менее пяти спецслужб. К 1999 г. их число, по различным оценкам, возросло до 10-12. Вместе с тем, следует признать, что часть из этих структур была легализована различными палестино-израильскими соглашениями, прежде всего соглашением, подписанным в американской столице 28 сентября 1995 г. [53, с. 43; 71, с. 56-57; 210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47; 210, 1996, т. 131, № 7995, с. 49; 341, с. 178; 60, с. 65].

На территории ПНА была создана и действует до сих пор Полиция охраны правопорядка (ПОП – The Civil Police). Она считается главной службой, в функции которой входят поддержания правопорядка в автономии. Это подразумевает выполнение ею обычных полицейских задач, среди которых следует выделить регулирование дорожного движения, борьбу с уголовной преступностью, обеспечение общественного порядка на территории ПНА. Полиция охраны правопорядка, по сведениям на 2000 год, насчитывала 10 тысяч сотрудников, из которых 4 тысячи человек были расквартированы в секторе Газа, а остальные 6 тысяч – на Западном берегу реки Иор-

дан. Кроме этого, в состав ПОП входит специальное подразделение, насчитывающее 700 полицейских. Это спецподразделение призвано урегулировать кризисные ситуации, например, подавление бунтов и мятежей, а также вести борьбу с терроризмом на территории автономии. В распоряжении Полиции охраны правопорядка находятся две тюрьмы, расположенные в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Она подразделяется на две части, одной из которых, действующей в секторе Газа, командует бригадный генерал Гази аль-Джабали, а второй, дислоцированной на Западном берегу реки Иордан, – полковник Насер Юсеф. Среди проблем, с которыми сталкивается Полиция охраны правопорядка следует указать на недостаточную специальную подготовку личного состава, отсутствие необходимого количества специального вооружения и трудности с финансированием ее деятельности [41, с. 145; 53, с. 41; 106, с. 13; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 116; 210, 1994, т. 331, № 7865, с. 46; 210, 1997, т. 344, № 8028, с. 28; 60, с. 3, 27, 34-35, 65, 74-75].

Помимо Полиции охраны правопорядка на территории автономии действует Служба общественной безопасности (СОБ – Public Security Force или The General Security Service, вероятно, это разный перевод с арабского «Аль-Амн аль-амм»). Согласно данным на 2000 год, ее состав насчитывает около 14 тысяч сотрудников. Около 6 тысяч сотрудников СОБ несут службу в секторе Газа. Остальные 8 тысяч человек из числа сотрудников Службы общественной безопасности размещены на территории Западного берега реки Иордан, включенной в состав палестинской автономии. СОБ включает девять департаментов и координирует деятельность всех остальных специальных служб ПНА [60, с. 3, 27, 34, 65].

Одной из наиболее мощных и боеспособных служб безопасности ПНА считаются Силы национальной безопасности (The National Security Force). Они представляют собой военизированные подразделения, действующие на территории автономии. Силы национальной безопасности выполняют задачи по охране внешних границ ПНА, а также несут патрульную службу, в том числе совместно с израильскими солдатами в тех населенных пунктах на Западном берегу реки Иордан, которые находятся под израильско-палестинским контролем. Кроме того, они несут службу на контрольно-пропускных постах на выездах из крупных палестинских городов на Западном берегу реки Иордан.

Подразделения Сил национальной безопасности формировались, прежде всего, за счет бойцов подразделений Армии освобождения Палестины (АОП), разбросанных по различным арабским странам, таким как Египет, Иордания, Судан, Йемен, Ирак и Алжир, и членов полувоенных формирований Движения палестинского национального освобождения, включая организации «Ястребы ФАТХ» и «Черные пантеры». Предполагалось, что сотрудники СНБ пройдут

специальную подготовку в учебных центрах, расположенных в Египте и Иордании, но этот план почти не выполняется. Доля личного состава Сил национальной безопасности, прошедшего такую подготовку, до сих пор невелика. Будет важным заметить, что среди личного состава этих сил высок процент лиц, которые могут быть отнесены к числу так называемой «бюрократии ООП». Ранее они занимали должности клерков в управленческих структурах Организации освобождения Палестины. Это обстоятельство также не свидетельствует в пользу хорошей боевой выучки служащих СНБ. Помимо этих проблем СНБ подобно другим специальным службам автономии испытывает большие сложности с финансированием своей деятельности и некоторые трудности с вооружением. Командиром Сил национальной безопасности является полковник Фаиз Арафат, принимавший город Дженин после ухода из него израильских войск [71, с. 57; 97, с. 5; 151, с. 61, 65, 71; 60, с. 34-35].

С момента создания ПНА на ее территории действует Служба контрразведки (дословно: Служба превентивной безопасности – The Preventive Security Service, «Аль-Амн аль-викаий»), деятельность которой признана одной из наиболее эффективных среди остальных палестинских спецслужб. Сотрудники Службы контрразведки были в числе первых палестинских сил, прибывших на территорию создававшейся автономии, прежде всего в сектор Газа и Иерихон (Ариха). В функции этой спецслужбы входит противодействие внутренней политической оппозиции руководству ПНА. Она не раз производила массовые задержания и аресты функционеров и активистов различных исламских движений и светских организаций, выступающих против курса Я.Арафата. Важно отметить, что основанием для такого преследования со стороны органов контрразведки может являться принадлежность палестинца к той или иной «неблагонадежной», по мнению властей, группировке. Служба контрразведки проникает во все структуры ПНА и контролирует общественно-политическую жизнь в автономии, располагая разветвленной сетью «добровольных помощников».

Служба контрразведки выделяется самым высоким среди прочих спецслужб ПНА удельным весом в ее личном составе жителей сектора Газа и Западного берега реки Иордан. Ранее, как правило, они являлись членами полувоенных формирований Движения палестинского национального освобождения, в частности организации «Ястребы ФАТХ». Это обстоятельство, связанное с «местным» характером личного состава, предопределило тот факт, что, несмотря на жесткость в работе с «подрывными элементами», среди сотрудников Службы контрразведки отмечаются сильные симпатии по отношению к Движению исламского сопротивления. Численность Службы контрразведки относительно невелика и оценивалась в 2000 г. приблизительно в три тысячи человек. Как и многие спецслужбы ПНА Служба контрразведки разделена на две части, которые, несмотря на то, что

являются юридически единой структурой, обладают высокой степенью самостоятельности. Одна из двух частей Службы контрразведки действует в секторе Газа и насчитывает около 1200 сотрудников. Ее возглавляет полковник Мухаммед Дахлян. Кроме того, следует обратить внимание на то, что Мухаммеду Дахляну подчинены две тюрьмы, которые расположены в секторе Газа. Личный состав Службы контрразведки, действующей на территории Западного берега реки Иордан, включает примерно 1800 человек под командованием полковника Джibriла Раджуба. Данная спецслужба пользуется большим влиянием на всей территории автономии, как в секторе Газа, так и на Западном берегу реки Иордан. То же самое можно сказать о ее руководителях – Мухаммеде Дахляне и Джibriле Раджубе, которые набрали значительный политический вес в ПНА. Особенно это касается Джibriла Раджуба, являющегося членом Революционного совета ФАТХ. Его авторитет высок не только из-за 15 лет, которые он провел в израильских тюрьмах, но и за его способности принимать смелые самостоятельные решения. Так, в марте 1996 г. он отказался произвести арест ряда политических лидеров ХАМАС на Западном берегу реки Иордан. Помимо этого он активно участвует в политической жизни ПНА, что, впрочем, свойственно большинству руководителей палестинских служб безопасности. Д.Раджуба отличает стремление максимально упрочить позиции ФАТХ в автономии с тем, чтобы превратить его в «политический стержень» ПНА [38, с. 281, 308; 71, с. 61; 106, с. 10, 18; 210, 1996, т. 340, № 7973, с. 47; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 118; 131, с. 178, 182, 191; 151, с. 66; 60, с. 3, 27, 65, 75].

Важную роль в системе обеспечения безопасности ПНА играет Служба общей разведки (The General Intelligence Service), которая выполняет функции внешней разведки. Однако сведения об этой Службе крайне скупы. Известно только, что ее численный состав оценивается, по данным на 2000 год, приблизительно в три тысячи сотрудников. Во главе Службы общей разведки стоит бригадный генерал Амин аль-Хинди [215, 1998, т. 27, № 2, с. 137; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 118; 215, 1999, т. 28, № 3, с.

118; 215, 1999, т. 28, № 4, с. 170; 131, с. 182; 60, с. 27, 66].

На территории автономии была создана и в настоящее время функционирует служба обеспечения безопасности президента, так называемая Служба-17, также известная как Президентская гвардия (Service-17 or The Presidential Guard). Однако задачи этой Службы не ограничиваются физической охраной президента ПНА Я.Арафата и его резиденций на территории автономии. Очень часто Президентская гвардия выполняет функции, которые больше свойственны для органов контрразведки, занимаясь сбором информации о политической оппозиции в ПНА и предпринимая оперативные действия в отношении ее лидеров. Служба-17, согласно оценкам на 2000 г., насчитывает около трех тысяч человек. Личный состав Президентской

гвардии преимущественно был набран из числа бойцов Армии освобождения Палестины. В соответствии с принятой в ПНА практикой Служба-17 также разделена на две части, обладающие известной степенью самостоятельности. Часть Президентской гвардии, дислоцированная в секторе Газа, находится под командованием полковника Фейсала Абу Шира. Аналогичную службу на территории Западного берега реки Иордан возглавляет полковник Ихмат Баракят [38, с. 308; 106, с. 7; 215, 1998, т. 27, № 3, с. 157; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 118; 131, с. 182; 60, с. 34, 65-66].

Кроме того, система безопасности ПНА включает Службу военной разведки (Military Intelligence Service). Она является одной из самых малочисленных по своему составу спецслужб автономии. Согласно оценкам на 2000 год, она насчитывает около 500 сотрудников. Однако в ее ведении находятся две тюрьмы. Директором Службы военной разведки является Муса Арафат [215, 1999, т. 28, № 4, с. 184; 60, с. 27, 66, 75]. На территории автономии известна также Служба специальной безопасности (The Special Security Force), которую возглавляет генерал Абу Юсуф аль-Вахид. Главная задача ее деятельности сводится к контролю за другими спецслужбами ПНА [131, с. 182; 60, с. 34].

В дополнение к уже перечисленным спецслужбам и полицейским силам ПНА следует указать на то, что на территории автономии действуют и другие, как правило, небольшие военные и полувоенные структуры, которые палестинские власти относят к числу официальных служб. Среди них можно выделить Военно-морскую полицию (или Службу береговой охраны – The Naval Police or Coastal Police), штаб-квартира которой расположена в Газе, где 28 декабря 1998 г. в присутствии президента ПНА Я.Арафата была открыта палестинская военно-морская база, Военно-морские силы (The Marines) с базой в Наблусе, Военно-воздушные силы (Air Force), Таможенную и налоговую полицию (Customs and Excise Police Force), Службу по чрезвычайным ситуациям (The Emergency Services), Службу гражданской обороны (Civil Defense), Службу охраны университетов (University Security Service). Все они также являются элементами единой системы безопасности, действующей в ПНА. Кроме того, следует указать на существование различных служб безопасности, действующих практически во всех палестинских политических движениях и организациях. Прежде всего это относится к аналогичным службам ФАТХ и другим лояльным Движению палестинского национального освобождения политструктурам, например, «Ястребы ФАТХ», которые активно используются властями ПНА для борьбы с оппонентами из числа исламской и светской оппозиции [38, с. 309; 97, с. 5; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 140; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 172; 60, с. 3, 27, 66].

Несмотря на жесткие ограничения, предусмотренные палестино-израильскими соглашениями в отношении наличия оружия на терри-

тории автономии, практически все полицейские силы и спецслужбы, действующие в ПНА, носят военный или военизированный характер. Они обладают большим арсеналом как легкого стрелкового оружия, так и тяжелого вооружения. В соответствии с палестино-израильским соглашением, подписанным в сентябре 1995 г., полицейские силы и спецслужбы получили право иметь на вооружении 15 тысяч автоматов и карабинов, включая 120 пулеметов калибра от 30 до 50 мм, а также несколько сот единиц тяжелого вооружения. В действительности, согласно различным сведениям, палестинские службы безопасности и полиция имеют на своем вооружении 45 единиц бронетехники, в том числе БТРы советского образца, один самолет «Локхид Джет Стар», два вертолета «Ми-8» и два вертолета «Ми-17», около 40 тысяч единиц стрелкового оружия, включая автоматы и ручные пулеметы. Помимо этого военные власти Израиля заявляют о наличии у палестинских полицейских сил и спецслужб противотанковых ракетных установок, переносных противовоздушных ракетных установок, установок залпового огня советского производства. Кроме того, по некоторым оценкам, на руках у населения палестинской автономии находится более 30 тысяч единиц огнестрельного оружия [55, с. 42; 60, с. 27, 36, 42, 66, 74].

В этих условиях Израиль не мог оставаться безучастным к процессам, связанным с формированием и деятельностью палестинских полицейских сил и спецслужб на территории автономии. Особое повышенное внимание со стороны Израиля привлекали нарушения властей ПНА в этой сфере, в частности бесконтрольный рост числа сил безопасности и нерегулируемое накопление ими оружия на территории автономии. Следует отметить, что часто эти проблемы провоцировались или усиливались израильским контрпартнером по переговорам. Система обеспечения безопасности ПНА была тесно связана с Израилем. Благодаря усилиям израильской стороны палестинские власти не получили права на двойной (палестино-израильский) контроль над внешними границами автономии, отделяющими ее от территории Египта и Иордании. Охрана внешних границ ПНА осталась в компетенции израильской армии [210, 1994, т. 330, № 7844, с. 42]. Тем не менее, глава ПНА Я.Арафат не отрицал целесообразность развития сотрудничества с израильскими силами безопасности. В то же время он неоднократно заявлял о том, что палестинские полицейские силы не превратятся в аналог марионеточной «Армии Южного Ливана» [142, с. 15; 210, 1996, т. 340, № 7973, с. 47].

Вместе с тем, в соответствии с соглашением, подписанным 28 сентября 1995 г. в Вашингтоне, был создан палестино-израильский Совместный комитет по координации и сотрудничеству в вопросах общей безопасности, более известной как Совместный комитет по безопасности (СККСОБ или СКБ – Joint Coordination and Cooperation Committee for Mutual Security or Joint Security Committee). В его состав

входили по 6-7 человек от палестинской и израильской сторон. Помимо этого властями ПНА и Израиля были созданы Совместные региональные комитеты по безопасности (Joint Regional Security Committee) в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, которые структурно включали в себя совместные палестино-израильские районные бюро по координации (РБК – District Coordination Offices). РБК, которые функционировали круглосуточно, были оснащены спецсвязью. В каждом районном бюро по координации служили по шесть израильских и палестинских офицеров сил безопасности. В задачи районных бюро по координации входило координация действий полиции и сил безопасности на местах и подготовка отчетов для Совместного комитета по координации и сотрудничеству в вопросах общей безопасности и двух Совместных региональных комитетов по безопасности. Помимо этого офицеры РБК управляли совместными палестино-израильскими патрулями, включавшими два джипа (палестинский и израильский), в каждом из которых должны были находиться один офицер и три солдата или полицейских, и мобильными группами, действовавшими в районах двойного контроля, прежде всего на главных дорогах в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, а также в некоторых городах, например, в Наблусе и Хевроне. Эти патрули были обязаны немедленно откликаться на любые инциденты и принимать неотложные меры по их урегулированию. Все эти пункты были подтверждены в палестино-израильском меморандуме, подписанном в местечке Уай-Ривер (США) в 1998 г. и предусматривавшем усиление взаимодействия полиции и сил безопасности ПНА и Израиля. Одной из главных целей этой совместной системы безопасности являлся мониторинг ситуации на территории автономии и решение проблем, представляющих взаимный интерес. Основными партнерами властей ПНА в этих совместных комитетах и бюро являлись представители Службы общей безопасности Израиля (Шабак) и командование израильской армии. Однако деятельность всех этих совместных структур сталкивалась с многочисленными трудностями, связанными с взаимным недоверием обеих сторон [38, с. 281-282; 210, 1995, т. 337, № 7943, с. 45; 115, с. 170; 60, с. 33, 36-37, 67].

Тем не менее, следует подчеркнуть, что все эти договоренности по вопросам безопасности на территории автономии достигались при непосредственном участии американской стороны, которая являлась гарантом их выполнения. Одним из активных участников палестино-израильского диалога в области безопасности стало Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США. В частности, на специальных учебных курсах ЦРУ проходили подготовку по борьбе с терроризмом отдельные сотрудники Службы контрразведки ПНА. На территории автономии было официально открыто бюро ЦРУ, которое взаимодействовало с палестинскими спецслужбами. Официальный

статус посредничества ЦРУ во взаимоотношениях сил безопасности ПНА и Израиля было закреплено в Меморандуме 1998 г., подписанном в Уай-Ривер. На его сотрудников возлагалась обязанность вести мониторинг ситуации в автономии и контроль за выполнением обеими сторонами взятых на себя обязательств. В то же время в штабквартире ЦРУ в Лэнгли отмечали, что их сотрудники в палестинской автономии не вовлечены в оперативную деятельность, ограничиваясь выработкой рекомендаций для обеих сторон. Однако уже через год, в 1999 году, тогдашний премьер-министр Израиля Эхуд Барак обратился с просьбой к президенту США Биллу Клинтону резко сократить вмешательство ЦРУ в израильско-палестинский диалог с тем, чтобы позволить двум сторонам активизировать свои контакты и лишить руководство ПНА дополнительного канала давления на Израиль. С палестинской стороны наиболее активно с ЦРУ взаимодействовала Служба контрразведки. Так, ее руководитель на Западном берегу реки Иордан полковник Джibrил Раджуб приветствовал участие ЦРУ в мирном процессе, указав на то, что оно выполняет важную роль арбитра в палестино-израильских спорах. В конце октября 1997 г., согласно некоторым источникам, полковник Джibrил Раджуб подготовил специальный доклад о предпринимаемых в ПНА мерах по борьбе с экстремистами из ХАМАС, который получил одобрение Конгресса США. Более того, в ноябре 1998 г. Служба контрразведки подписала трехсторонний меморандум о взаимопонимании, который призывал к активизации сотрудничества служб безопасности ПНА, Израиля и американское ЦРУ [38, с. 310, 316; 46, с. 22; 53, с. 44; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 116; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 118; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 181– 182; 60, с. 32-33, 36, 72].

В связи со сказанным выше можно отметить некоторые общие черты, характерные для большинства полицейских сил и спецслужб ПНА. Все они находятся в непосредственной подчиненности президенту ПНА Я.Арафату, который единолично отдает им распоряжения. Важным, если не главным критерием отбора сотрудников в палестинскую полицию и спецслужбы является лояльность и даже личная преданность главе автономии. Специальная подготовка, необходимая для выполнения возлагаемых на них обязанностей, зачастую отходит на второй план. Во многих случаях сотрудники полиции и сил безопасности превращаются в карательный орган, направленный против политической оппозиции нынешнему руководству ПНА, становясь, тем самым, мощным оружием в борьбе за власть в автономии. На территории автономии отсутствует система гражданского и юридического контроля за деятельностью палестинских сил правопорядка. Одной из проблем работы полицейских сил и спецслужб является их политизированность, которая обусловлена системой отбора кадров для личного состава. Кроме того, частым явлением в деятельности полиции и спецслужб является их взаимная враждебность и слежка. Это обстоятельство

может быть объяснено многими причинами: превалированием сторонников различных политических движений и организаций в той или иной службе; отсутствием четкого разграничения функций и задач полицейских сил и спецслужб и, порождаемым этим обстоятельством, дублированием в их деятельности; острым соперничеством за влияние, в том числе на президента ПНА. В настоящее время вся система обеспечения безопасности ПНА превратилась в систему внутренних сдержек и противовесов, наносящую ущерб делу становления гражданского общества и национальным интересам палестинцев. Так, президент ПНА подчас умышленно провоцирует противостояние между руководителями полицейских сил и спецслужб, с одной стороны, и представителями исполнительной и законодательной властями автономии, с другой стороны, с тем, чтобы обезопасить себя от возможного «заговора» против своего всевластия, одновременно беря на себя роль третейского судьи в их примирении [38, с. 281; 53, с. 43; 210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 131, с. 177, 182, 187; 60, с. 35, 73].

2. Судебная система Палестинской Национальной Автономии

Формирование судебной системы в ПНА призвано было стать одним из наиболее важных вопросов становления автономии и создания основ будущего правового государства палестинцев. Однако этот процесс сразу же столкнулся с многочисленными проблемами. Одной из них стал выбор законодательства, которое должно было определять юридическую деятельность всех субъектов права на территории автономии, включая ее органы власти. Еще в начале октября 1993 г., то есть спустя месяц с момента подписания первого палестино-израильского соглашения в Вашингтоне, тогдашний председатель Ассоциации адвокатов сектора Газа Фрейх Абу Медейн заявлял, что на переходный период законодательство ПНА будет смешанным. Оно должно было включать отдельные законы, которые действовали на территории Палестины в период Османской империи, британского мандата, египетской администрации в секторе Газа и иорданского управления Западным берегом реки Иордан, а также времен израильского военного правления, начиная с 1967 г. Это заявление было очень важным, так как именно Абу Медейн был назначен главой ПНА Я.Арафатом на должность министра юстиции, которому было поручено формирование судебной системы в автономии [208, 1997, № 24, с. 23; 210, 1993, т. 329, № 7831, с. 49; 210, 1997, т. 343, № 8018, с. 43].

Вершину судебной пирамиды замыкал Верховный суд ПНА. Являясь высшим судебным органом автономии, он был уполномочен осуществлять надзор за судебной деятельностью судов на территории,

находящейся под полным контролем органов власти ПНА. Однако следует отметить, что в юрисдикцию Верховного суда автономии вошли только суды, компетенция которых распространяется на рассмотрение гражданских и уголовных дел в соответствии с действующим светским законодательством [71, с. 59-60; 215, 1998, т. 27, № 3, с. 163; 215, 1999, т. 28, № 4, с. 170]. Это было обусловлено тем, что на территории автономии параллельно со светским судопроизводством действовали исламские суды, которые применяли нормы шариата.

Проблема использования шариата в судопроизводстве вызвала острые споры в палестинском обществе на территории автономии. Так, функционеры и активистки женского движения, действовавшего под эгидой Организации освобождения Палестины, прежде всего Движения палестинского национального освобождения, выступали за резкое ограничение сфер применения исламского законодательства в ПНА. Особо резкую критику у них вызывала практика ущемления гражданских прав женщин. Вместе с тем, нельзя отрицать и того факта, что эта кампания против шариатских судов, которую развернули активистки светского женского движения летом-осенью 1994 г., в немалой степени преследовала политические цели. Главным образом, они сводились к стремлению ослабить позиции Движения исламского сопротивления на начальном этапе формирования органов власти автономии [210, 1994, т. 332, № 7881, с. 45].

К этой волне протеста против применения норм шариата активно подключились и либеральные палестинские круги. Они исходили из того, что расширение сферы применения исламского законодательства на территории автономии может привести к укреплению позиций сторонников политического ислама, в частности ХАМАС, не только в секторе Газа, где их сила была хорошо известна, но и на Западном берегу реки Иордан. Палестинские последователи либеральной идеологии полагали, что местные исламисты не ограничатся вопросами шариата, но будут использовать его в перспективе для постепенной трансформации ПНА в государственное образование с мощной исламской составляющей. Как и во многих странах мира, палестинские либералы при принятии решения о выборе между меньшим и большим злом – между авторитарной властью Я.Арафата и возможным клерикальным режимом ХАМАС – склонялись в пользу первого, считая, что государство «по Арафату» будет несколько демократичнее, чем государство «по ХАМАС» [50, с. 279].

В свою очередь сторонники Движения исламского сопротивления настаивали на том, что практика шариатского судопроизводства должна найти широкое применение на территории палестинской автономии. Один из авторитетных исламских палестинских проповедников шейх Джамал Салим, известный своими умеренными взглядами и ровными отношениями с властями ПНА, отмечал, что исламисты могут меньше сосредотачиваться на злободневных политических вопросах, касаю-

щихся, например, еврейских поселений в секторе Газа или на Западном берегу реки Иордан. Однако они не могут быть безразличными к «свободе слова в мечетях или праву мусульманина высказывать свои религиозные воззрения не только по чисто религиозным проблемам, но и по политическим, социальным или экономическим вопросам». К той же позиции склонялся известный в Палестине сторонник исламской реформации Бассам Джаррар, который призывал «гарантировать палестинцам их гражданские права, в том числе как мусульман». Он выступил в поддержку идеи о том, что закрепление за шариатом решения вопросов, связанных с личными и семейными делами, пойдет на пользу развитию ПНА, так как позволит, по его мнению, включить в эту деятельность сторонников исламских движений, включая ХАМАС и движение «Аль-Джихад» [210, 1994, т. 332, № 7881, с. 45].

Острый спор, который разгорелся по вопросу об исламском законодательстве в палестинском обществе на территории ПНА, нашел отражение в итогах выборочного социологического опроса, который был проведен в августе 1995 года в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Так, 57% респондентов, относивших себя к числу верующих, которые составляют подавляющее большинство палестинцев, высказались за необходимость пересмотра исламского законодательства в соответствии с требованиями времени. 58% опрошенных верующих палестинцев считали, что женщине должно быть гарантировано право на инициирование развода, если она этого пожелает [172, с. 133]. В то же время данный опрос свидетельствовал о достаточной жесткости воззрений сторонников политического ислама в палестинской среде. Это становится очевидным при изучении их позиции по двум вопросам, один из которых касается их отношения к обязательности ношения женщинами хиджаба (чадры), а второй – обязательности отсечения руки у вора. Если в поддержку обязательности ношения хиджаба женщинами высказались 72% респондентов, которые относили себя к числу исламистов, то их одобрение наказания вора в соответствие с нормой шариата достигла уже примерно 87% опрошенных сторонников политического ислама [202, с. 151].

В этом контексте палестинские поборники применения норм исламского законодательства на территории автономии предлагали, как минимум, оставить за шариатскими судами, которые продолжали действовать в период израильской оккупации сектора Газа и Западного берега реки Иордан, вопросы «личного статуса мусульман», которые вбирали в себя дела, касающиеся женитьбы, развода и наследного права. Более того, они решительно выступали за выведение шариатских судов из-под юрисдикции Министерства юстиции ПНА, полностью оставляя в сфере светского права уголовные дела и решение экономических споров. Ответом на эти предложения можно в какой-то степени считать заявление Генерального прокурора ПНА Халида аль-Гидра. В нем отмечалось, что монополия светских судов

автономии на юрисдикцию над уголовными преступлениями, включая убийство, не может быть подвергнута сомнению, в том числе со стороны шариатских судов [71, с. 59-60; 210, 1994, т. 332, № 7881, с. 45; 210, 1995, т. 335, № 7910, с. 37].

Однако следует отметить, что сторонники применения норм исламского законодательства на территории автономии не смогли убедить шариатские суды от контроля со стороны Министерства юстиции. Деятельность шариатских судов формально оставалась под надзором шариатского арбитражного комитета, во главе которого стоял муфтий Палестины. Вместе с тем данный комитет действовал под личным покровительством президента ПНА Я.Арафата. Кроме того, власти автономии монополизировали функцию назначения членов шариатских судов, объясняя практику распределения этих постов как некое «государственное регулирование исламского законодательства». Эти назначения были отнесены в компетенцию Министерства юстиции, которое назначало глав этих судов так же, как оно утверждало кандидатов на должности имамов в мечетях. В частности, 11 ноября 1994 года Я.Арафат лично назначил главу шариатского суда на Западном берегу реки Иордан, которым стал один из видных сторонников Движения исламского сопротивления шейх Хамад Битави. Тем самым власти ПНА, подобно другим арабским режимам в регионе, создавали лояльную себе структуру официального институированного ислама, деятели которого выводились из-под влияния движения ХАМАС, лидеры которого выступали в качестве исламской оппозиции руководству автономии [71, с. 59; 115, с. 178-179; 210, 1994, т. 333, № 7890, с. 53].

Значительно больший резонанс на территории автономии вызвало известие о создании судов государственной безопасности (State Security Court), которые усилили раскол в палестинском обществе. Указ об их создании в секторе Газа был подписан главой ПНА 7 февраля 1995 г. С обоснованием необходимости подобных судов выступил палестинский Генеральный прокурор Халид аль-Гидра. Он заявил о том, что в секторе Газа сложилась крайне тяжелая ситуация, связанная с деятельностью экстремистских элементов и террористов, которая вынуждает власти автономии принимать самые жесткие меры по отношению к ним. Суды государственной безопасности на территории ПНА были созданы в соответствии с двумя законами – Законом об управлении в чрезвычайных ситуациях, принятым в период британского мандата на Палестину в 1945 г., и египетским Законом о чрезвычайном положении, принятым в 1962 г. Примечательно, что последний закон активно применялся президентом АРЕ Хосни Мубараком для борьбы с исламскими экстремистами в 80-90-х годах. Отличительной особенностью судов государственной безопасности ПНА стало то, что они были созданы как бы вне судебной системы, существующей на территории автономии, так как они фактически были

выведены из-под юрисдикции Верховного суда. Судьями в них назначаются палестинские офицеры из полицейских сил и спецслужб. Обвиняемые, чьи дела разбираются в этих судах, лишены права воспользоваться услугами адвокатов. Судебный процесс, проводимый в них, как правило, длится несколько часов, после чего обвиняемому выносится приговор. Выносимые судами государственной безопасности приговоры не могут быть опротестованы ни в одной официальной инстанции ПНА. Первые приговоры суды государственной безопасности ПНА вынесли уже в конце апреля 1995 г. К 27 мая 1995 г. на территории автономии к различным длительным срокам тюремного заключения судами государственной безопасности были осуждены 33 палестинца. Все они принадлежали к вооруженным формированиям Движения исламского сопротивления – «Бригадам Изз ад-Дина аль-Касема», и подпольным ячейкам движения «Аль-Джихад». Всем им предъявлялись стандартные обвинения в транспортировке взрывчатых веществ, вербовке боевиков-смертников и незаконном хранении оружия [38, с. 289; 41, с. 141, 144; 210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 115, с. 175; 131, с. 182-183; 48, с. 181].

Известие о создании судов государственной безопасности, особенно их жесткая практика наказания всех без исключения обвиняемых и абсолютная бесконтрольность их деятельности вызвали серьезные опасения в палестинском обществе, не только в кругах оппозиции, но и у простых жителей сектора Газа и Западного берега реки Иордан. В связи с этим важным представляется мнение директора Центра прав и закона (Gaza Center of Right and Law), расположенного в Газе, Раджи Сурани, который сам неоднократно подвергался арестам и преследованию со стороны властей ПНА. Он заявил о том, что создание судов государственной безопасности свидетельствует об отходе руководства автономии от какой-либо претензии на формирование «независимого судопроизводства и разделения властей» [210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47].

Помимо острых проблем, связанных с практикой применения норм шариата и деятельностью судов государственной безопасности, складывающаяся судебная система ПНА сталкивается со многими другими трудностями. В частности, они связаны с применением норм обычного права, основанного на местных традициях. В условиях создания ПНА и формирования структур официальной власти в автономии резко возросла роль обычного права при решении различных спорных вопросов, особенно в межклановых и межплеменных отношениях. Одним из многочисленных примеров этого может служить процедура племенного примирения в деревне Шуюх (Shuyukh), расположенной на Западном берегу реки Иордан, которая проходила 29 сентября 1995 года. Поводом для него послужила банальная автомобильная катастрофа, в результате которой по-

страдали представители двух племен. Для урегулирования этого дорожного инцидента, переросшего в межплеменное противостояние, прибыли представители знатных семей из Вифлеема и Хеврона. В числе прибывших был и полковник Абу Халид аль-Лаххам, уроженец Вифлеема, ранее служивший в Армии освобождения Палестины. Участие полковника Абу Халида аль-Лаххама в процессе племенного примирения показательно, так как он не только занимал официальный пост советника президента ПНА Я.Арафата, но и претендовал на пост губернатора Вифлеема после перехода его под контроль властей автономии.

Схожая ситуация возникла в Восточном Иерусалиме в сентябре 1995 г., когда результатом стычки на базаре стала вражда между двумя христианскими кланами Тахи Абу Снейна, с одной стороны, и Хабаша, с другой. Конфликт был урегулирован только спустя почти два месяца, 1 ноября 1995 г., и для этого специально был приглашен адвокат Ибрагим Гандалафт, являвшийся чиновником ПНА, курировавший вопросы христианских конфессий на территории автономии. О важности этой проблемы может служить и другой факт. Власти ПНА учредили специальное Бюро по делам племен, которое функционировало в системе президентских структур. Главной целью этого Бюро являлось урегулирование споров, возникавших во взаимоотношениях между племенами и отдельными кланами [71, с. 59].

Наконец, большие нарекания вызывал вопрос о толковании действующих в ПНА законов. Нередко возникали ситуации, когда одна и та же норма закона различно трактовалась в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. В частности, были явные разногласия относительно возможности снятия уголовного обвинения. В секторе Газа одной из причин снятия уголовного обвинения могла служить дискредитация истца. Однако на Западном берегу реки Иордан такая практика отсутствовала. Тем не менее, в декабре 1995 г. палестинский Генеральный прокурор Халид аль-Гидра своим распоряжением распространил действие этой юридической нормы на город Дженин, незадолго до этого перешедшего в юрисдикцию ПНА. Тем самым он отменил уголовное обвинение, ранее выдвинутое в отношении одного из сторонников Я.Арафата в этом палестинском городе, который расположен в северной части Западного берега реки Иордан.

Таким образом, можно заключить, что процесс формирования судебной системы в ПНА был крайне противоречивым. В первую очередь это объяснялось вмешательством в него различных политических сил, прежде всего кругов, близких к руководству автономии. Они использовали этот процесс для выстраивания такой судебной системы, которая бы защищала их интересы. С этой целью прилагались значительные усилия к тому, чтобы не только подчинить своей власти различные судебные органы, но и вывести их из-под контроля обще-

ства, что объективно оказывало отрицательное влияние на правопорядок на территории автономии.

3. Палестинское общество и проблема законности

Проблема законности является одной из основных для палестинской автономии. Она не сводится просто к соблюдению или несоблюдению действующего законодательства на территории ПНА, так как ее рамки значительно шире. Проблема заключается в том, что сам Закон был превращен в орудие борьбы за политическую власть и уничтожение, в том числе физического, своих оппонентов. Вопросы построения в Палестине правового государства и гражданского общества оставались не более чем декоративным фоном движения к материализации идеи национальной государственности палестинцев. Характерно, что с момента своего прибытия в сектор Газа и в Иерихон (Ариха) на Западном берегу реки Иордан председатель Исполкома ООП и глава новой автономии Я.Арафат, выступая на массовых митингах, практически не касался вопроса о политическом режиме, который будет установлен на освобожденных территориях, или положения с правами граждан в ПНА [208, 1997, № 24, с. 23; 210, 1994, т. 332, № 7871, с. 43; 210, 1997, т. 343, № 8018, с. 43].

В то же время главной мишенью сил правопорядка в автономии стала в первую очередь исламская, а также светская оппозиция мирному курсу Я.Арафата в лице ее лидеров, функционеров и активистов. Еще до создания ПНА было очевидным, что «отказники», прежде всего из числа сторонников Движения исламского сопротивления, зарекомендовали себя очень серьезным противником, с которым «голуби» из тунисской штаб-квартиры ООП были вынуждены считаться. После образования ПНА и особенно с формированием ее силовых структур у ближайшего окружения Я.Арафата возникли иллюзии относительно того, что в новой обстановке возникли благоприятные условия если не для уничтожения оппозиции (как политически, так и физически), то, по крайней мере, для резкого ослабления ее влияния. Главным средством достижения этой цели была выбрана тактика преследования инакомыслия, обоснованием которой выдвигались идеи о борьбе с «террористическими элементами» или «антинародными силами, поддерживаемыми из-за рубежа (Иордания и Иран – авт.)», умышленно подрывавшими авторитет ПНА на международной арене [38, с. 286; 210, 1994, т. 332, № 7879, с. 43; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45; 115, с. 214; 189, с. 34].

Уже в августе 1994 г. палестинские полицейские силы и спецслужбы автономии провели первые массовые аресты функционеров и активистов ХАМАС, обвиненных в проведении 14 августа 1994 г. вооруженного нападения на еврейских поселенцев в секторе Газа и

убийстве одного из них. В тот же день палестинская полиция арестовала 20 человек. На следующий день, 15 августа, были задержаны еще 44 человека, которые якобы были «связаны с исламскими экстремистами». Лидеры политического руководства Движения исламского сопротивления и его военного крыла «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» очень болезненно восприняли этот шаг властей ПНА, оценив его как демонстрацию ими симпатии к «израильским оккупантам». Один из известных функционеров ХАМАС, отвечавший за связи с общественностью, Махмуд Захар отреагировал на эти аресты фразой: «Арафат – защитник Израиля» [210, 1994, т. 332, № 7879, с. 44; 48, с. 176]. В середине октября 1994 г. история повторилась. После похищения неизвестными лицами израильского военнослужащего вблизи Тель-Авива, которое произошло 9 октября, и убийства в тот же день двух евреев в Иерусалиме полиция и спецслужбы ПНА вновь провели акцию устрашения в отношении сторонников ХАМАС, арестовав, по разным сведениям, от 100 до 400 человек в секторе Газа, в числе которых оказался один из соратников духовного лидера Движения исламского сопротивления шейха Ахмеда Ясина шейх Ибрагим Язури. Тем не менее, следует отметить, что, как и в августе 1994 г., палестинская полиция не обнаружила каких-либо свидетельств относительно связи арестованных лиц с упомянутыми вооруженными нападениями непримиримых палестинцев [102, с. 23–24; 210, 1994, т. 333, № 7885, с. 56; 210, 1994, т. 333, № 7890, с. 53; 115, с. 169; 151, с. 69]. Одновременно с этим палестинские полицейские силы наносили удары по структурам движения «Аль-Джихад», включая его боевые ячейки. Так, 11 ноября 1994 г. ими были произведены аресты примерно 180 активистов этого движения, а также сочувствовавших им палестинцев в контролировавшемся властями ПНА секторе Газа [91, с. 63; 210, 1994, т. 333, № 7890, с. 53].

В последующем подобные карательные акции со стороны официальных силовых структур ПНА не только продолжались, но и расширялись. Волна наиболее массовых арестов прокатилась по территории автономии весной 1996 г., когда палестинские «отказники», прежде всего боевики из «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема» и ячейки движения «Аль-Джихад» возобновили после некоторого перерыва, связанного с выборами первого состава Палестинского законодательного совета, свои силовые акции, включая проведение террористических актов против израильских военных и гражданских целей. В эти месяцы количество арестованных палестинцев, якобы имевших контакты с «подрывными элементами», исчислялось сотнями. Согласно сведениям международной правозащитной организации «Международная амнистия» с февраля по май 1996 г. в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан полицией и спецслужбами ПНА было арестовано более 1200 палестинцев, которым инкриминировалось обвинение в связях с «террористами», т.е. Движением ислам-

ского сопротивления и движением «Аль-Джихад». Эта практика массовых арестов своих политических оппонентов с использованием всех возможностей своих силовых структур стала привычной для властей ПНА [10, с. 90; 38, с. 309; 41, с. 141; 102, с. 29; 108, с. 117; 210, 1995, т. 334, № 7899, с. 43; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44; 210, 1996, т. 338, № 7955, с. 40; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 221, 05.02.1999; 225, 04.11.1998; 190, с. 115].

Постепенно жертвами полицейских преследований становились не только активисты и руководители среднего звена ХАМАС и движения «Аль-Джихада», но и их лидеры. В марте 1996 г. палестинская полиция задержала «человека № 2» в руководстве военного крыла Движения исламского сопротивления Абд аль-Фаттаха Салари и двух командиров среднего звена «Бригад Изз ад-Дина аль-Касема». Однако в ходе этой облавы службам безопасности автономии не удалось арестовать Мухаммеда Дияфа, которого многие считали первым лицом в военном крыле ХАМАС и чье имя фигурировало одним из первых в списке палестинцев, разыскиваемых спецслужбами Израиля. В начале апреля 1998 г. полиция ПНА задержала одного из видных лидеров политического крыла Движения исламского сопротивления Абд аль-Азиза Рантиси. 8 марта 1996 г. среди арестованных палестинской полицией и силами безопасности оказался известный функционер ХАМАС Махмуд Захар. 17 августа 1998 г. аресту подвергся один из лидеров движения «Аль-Джихад» шейх Абдалла аш-Шами. Основанием для этого послужила его критическая статья в еженедельнике «Аль-Истикляль» относительно положения дел в ПНА, в частности деятельности Палестинского законодательного совета. Однако спустя 11 дней он был освобожден [102, с. 29, 32; 108, с. 117; 210, 1995, т. 336, № 7925, с. 30; 215, 1998, т. 27, № 3, с. 163; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 118]. В конце октября 1998 года аресты членов руководящего звена оппозиционных властям автономии движений и организаций приняли массовый характер. Это было вызвано их общей позицией по неприятию договоренностей, зафиксированных в палестино-израильском соглашении, которое было достигнуто в американском местечке Уай-Плантейшн. Так, 24 октября 1998 г. полиция ПНА арестовала представителя движения «Аль-Джихад» Нафиза Аззама, ответственного за контакты с прессой, который выступил с резкой критикой этих договоренностей. Спустя еще пять дней, 29 октября 1998 г. под домашний арест, который продлился два месяца, был взят популярнейший среди палестинцев и уважаемый в мусульманском мире шейх Ахмед Ясин. В числе 300 арестованных в это время лиц полиция ПНА задержала известных представителей руководства ХАМАС Махмуда Захара, Ахмеда Баххара и Сайеда Абу Мусамиха. В середине декабря 1998 г. Службой контрразведки ПНА вновь был арестован шейх Абдалла аш-Шами, который в своем заявлении призвал к убийству президента США Билла Клинтона [102, с.

32; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 179, 181; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 168; 221, 26.10.1998, 30.10.1998; 225, 29.10.1998, 30.10.1998; 117, с. 77, 79-80].

В связи с этими арестами и задержаниями руководителей, функционеров и активистов исламских движений и организаций, прежде всего ХАМАС и «Аль-Джихада», которые производили палестинские полицейские силы и спецслужбы, следует обратить внимание на то, что все они носили преимущественно политический характер. В этой связи будет достаточным сослаться на мнение двух начальников Полиции охраны правопорядка. Один из них, бригадный генерал Гази аль-Джабали в ноябре 1994 г. заявил: «ХАМАС знает только язык оружия, поэтому «Ястребы ФАТХ» выйдут на улицу так же, как это сделал ХАМАС. ХАМАС хочет разрушить мир, разрушить все. Если они решатся создавать сложности, то я думаю, что оно (ХАМАС – авт.) прекратит свое существование» [210, 1994, т. 333, № 7891, с. 54]. Его коллега полковник Насер Юсеф был еще более откровенен, отметив в отношении арестов сторонников ХАМАС и движения «Аль-Джихад», что «аресты были произведены по политическому решению, поэтому мы не можем сказать, как долго продлится срок задержания и состоится ли суд» [210, 1994, т. 333, № 7890, с. 53].

Вместе с тем подобные карательные акции со стороны полиции и спецслужб ПНА коснулись и представителей светской оппозиции в лице отдельных фракций ООП, которые действовали преимущественно с территории Сирии. В их числе были сторонники Народного и Демократического фронтов освобождения Палестины, а также более мелкие палестинские организации, которые, несмотря на отсутствие у них сколько-нибудь значительного влияния на территории ПНА, продолжали «создавать сложности» официальным властям своим неприятием мирного процесса в регионе. В начале февраля 1995 г. силы безопасности ПНА арестовали 63 палестинца, которые считались активными сторонниками ДФОП. Предлогом для их ареста стали подозрения, связанные с их возможной причастностью к убийству израильского солдата из совместного израильско-палестинского патруля недалеко от Газы, ответственность за которое якобы взяло на себя руководство Фронта. Среди других наиболее громких фактов преследования активистов светских оппозиционных фракций ООП, можно указать на события 18 декабря 1998 г. Во время мирного марша, проведенного в этот день и посвященного 31-й годовщине создания Народного фронта освобождения Палестины, палестинская полиция арестовала четырех лидеров местного отделения НФОП, а также восемь местных журналистов, которые освещали эту политическую акцию [41, с. 141; 210, т. 334, № 7902, с. 47; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 170; 221, 19.12.1998; 48, с. 181].

О политическом характере репрессий, развязанных силами правопорядка ПНА в отношении исламских и светских противников мирного диалога с Израилем, может свидетельствовать и тот факт, что в

большинстве случаев аресты и задержания сторонников оппозиционных движений и организаций производились без предъявления им официальных обвинений. Более того, как правило, после некоторого времени, проведенного в полицейских участках, многие из арестованных палестинцев отпускались на свободу без передачи каких-либо дел в суд. Тем самым косвенно подтверждалось, что эти аресты и задержания были незаконными и официально не оформлялись. В этих условиях заявление Генерального прокурора ПНА о том, что все аресты являются законными и производятся в соответствии с Британским законом о чрезвычайном положении от 1945 г., действующим на территории автономии, представляются попыткой как-то оправдать силовые действия палестинских властей против оппозиционных сил [88, с. 162; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45; 210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48; 210, 1997, т. 344, № 8029, с. 31; 221, 05.09.1997; 225, 05.09.1997; 115, с. 175-176; 117, с. 79]. Вместе с тем было бы неправомерным заявлять о том, что в отношении сторонников Движения исламского сопротивления, движения «Аль-Джихад» или светских фракций ООП не возбуждались уголовные дела и они не оказывались в тюрьмах автономии. Суровые приговоры, выносимые прежде всего судами государственной безопасности, были частью тактики властей ПНА по запугиванию своих политических оппонентов.

Во второй половине февраля 1995 г. после очередной зачистки сектора Газа от «террористов» тогдашний Генеральный прокурор ПНА Халид аль-Гидра выступил с заявлением. В нем говорилось о том, что в связи с подписанием 7 февраля 1995 г. главой автономии Указа о создании судов государственной безопасности, иначе говоря, трибуналов чрезвычайного положения, все дела о терроризме будут передаваться в них [210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47]. Тем самым властями автономии делалось открытое предупреждение о том, что они не потерпят противодействия своей политике со стороны какой-либо палестинской политической силы. Следует отметить, что суды государственной безопасности сразу же после своего формирования приступили к разбору дел «террористов», зарекомендовав себя жесткими борцами с представителями оппозиционных руководству ПНА сил. Несмотря на то, что из общей массы арестованных во время полицейских рейдов только небольшая часть из них оказывалась на скамье подсудимых, необходимо признать, что это преследование принимало устрашающие масштабы. Так, из 250 сторонников ХАМАС и движения «Аль-Джихад», арестованных в секторе Газа в апреле 1995 г., в суд государственной безопасности были переданы дела на 23 «террориста». Всем им были вынесены обвинительные приговоры, по которым они получили различные сроки заключения – от шести месяцев до пожизненного заключения [210, 1995, т. 335, № 7910, с. 37; 210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45; 210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48; 210, 1995, т. 336, № 7925, с. 30]. В последующие годы суды государствен-

ной безопасности проводили столь же жесткую линию в отношении палестинских «террористов и подрывных элементов». Практически все приговоры, выносимые этими судами, носили обвинительный характер и предусматривали в большинстве случаев длительные сроки тюремного заключения. Ни один из обвиняемых, проходивших через эти чрезвычайные трибуналы, не был оправдан [49, с. 293; 210, 1995, т. 336, № 7930, с. 36; 210, т. 337, № 7939, с. 58; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 183]. Таким образом, в ПНА появилось такое понятие как «политический заключенный», которое признавалось даже некоторыми властными структурами автономии. В частности, в феврале 1999 г., по данным Палестинского законодательного совета, в тюрьмах на территории автономии содержалось 299 политических заключенных. В то же время источники в правозащитных организациях свидетельствуют о 450 заключенных, приговоренных к тюремному заключению по политическим мотивам [215, 1999, т. 28, № 3, с. 118]. Вместе с тем, согласно неофициальным данным, в январе 1999 г. в тюрьмах ПНА находилось около 1100 заключенных, большинство из которых представляли сторонников исламских движений [102, с. 33].

Как правило, все массовые аресты на территории палестинской автономии сопровождались рейдами полиции и спецслужб по жилым массивам в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан, а также обысками домов «неблагонадежных» палестинцев и служебных помещений различных общественно-политических движений и организаций. Подобные акции осуществлялись силами правопорядка ПНА с момента образования автономии. Однако наиболее наглядными и показательными эти полицейские рейды стали после проведения выборов первого состава Палестинского законодательного совета, весной 1996 г. Так, в марте – апреле 1996 г. палестинская полиция совместно со спецслужбами автономии провела зачистку в секторе Газа и в крупных городах на Западном берегу реки Иордан, включая Рамаллах и Вифлеем. В ходе этой полицейской операции были задержаны четверо из 13 наиболее разыскиваемых властями Израиля палестинских «террористов» [210, 1996, т. 338, № 7956, с. 47; 131, с. 190]. О размахе подобных рейдов и решимости властей ПНА держать в напряжении своих политических оппонентов может свидетельствовать такой факт, что 30 октября 1998 г., буквально на следующий день после взятия под домашний арест духовного лидера Движения исламского сопротивления шейха Ахмеда Ясина, его дом в Газе был подвергнут тщательному обыску сотрудниками Службы контрразведки автономии. Как и ожидалось, он не дал никаких результатов, которые бы подтвердили контакты шейха А.Ясина с «террористическими или подрывными элементами» на территории автономии, если не считать оружие его личной охраны, которое было конфисковано полицией [215, 1999, т. 28, № 2, с. 181; 221, 31.10.1998; 225, 31.10.1998].

В то же время следует признать, что острие этих специальных операций сил безопасности ПНА было направлено на ликвидацию инфраструктуры исламских движений, прежде всего ХАМАС, которая являлась основой их влияния как в секторе Газа, так и на Западном берегу реки Иордан. Только в марте 1996 г. палестинские полицейские силы и спецслужбы провели обыски 30 исламских учебных заведений на территории автономии, включая Исламский университет в Газе, своеобразный бастион Движения исламского сопротивления в Палестине. Помимо этого в ходе данной полицейской операции были проведены обыски в более чем 60 мечетях. Во время ее проведения полиция врвалась в помещения мусульманских благотворительных фондов и обществ, больницы и молодежные клубы в поисках оружия, взрывчатки и подрывной литературы. В большинстве случаев устроители этих обысков не утруждали себя оформлением юридических санкций на их проведение. Однако это обстоятельство не мешало им конфисковывать оргтехнику и приостанавливать деятельность этих учреждений [10, с. 89; 88, с. 163; 102, с. 29; 210, 1996, т. 338, № 7856, с. 47; 210, 1996, т. 339, № 7964, с. 40; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 190, с. 115].

В сентябре 1997 г. палестинские силы правопорядка осуществили очередную крупномасштабную операцию против благотворительных структур, находившихся под контролем или влиянием исламских движений, в первую очередь ХАМАС. В частности, в ходе этого полицейского рейда в одном только секторе Газа были закрыты, по разным данным, от 16 до 20 мусульманских благотворительных обществ, включая детские сады. В ноябре 1998 г. полиция закрыла детский сад в Вифлееме, содержавшийся за счет сторонников движения «Аль-Джихад» [210, 1997, т. 345, № 8038, с. 51; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 116; 215, 1999, т. 28, № 2, с. 183; 221, 05.09.1997; 225, 05.09.1997]. Параллельно с этим власти ПНА предпринимали шаги по установлению своего контроля над действовавшими на территории автономии мечетями. С этой целью ими назначались лояльные им имамы, которые получали фиксированную плату из бюджета автономии и выступали с проповедями в поддержку мирного курса руководства ПНА в отношениях с Израилем. Весной 1996 г. официальные палестинские власти назначили своих имамов примерно в 40 мечетях в секторе Газа [10, с. 90; 102, с. 29; 115, с. 179].

Особо следует рассмотреть вопрос о попытках официальных властей ПНА подчинить своему контролю местные средства массовой информации, как печатные, так и электронные. Выборочный опрос жителей ПНА, проведенный в августе 1995 г., выявил следующие позиции относительно важности вопроса деятельности свободных средств массовой информации без государственной цензуры. Среди респондентов, которые относили себя к Движения исламского сопротивления, 83% ответили на поставленный вопрос фразой «важно» или «очень важно», и только 10,1% из них склонились в пользу ответа «неважно»

или «абсолютно неважно». 81,2 % палестинцев, участвовавших в опросе и заявивших о своих симпатиях к движению «Аль-Джихад», высказались в пользу ответа «важно» или «очень важно». В этой группе опрошенных только 9,4% не считали задаваемый вопрос неважным (ответы «неважно» или «абсолютно неважно»). Палестинцы, ассоциировавшие себя с Народным фронтом освобождения Палестины, в своем большинстве также поддержали важность свободы СМИ от государственной цензуры. Их доля составила 91%. Из этой группы респондентов лишь 6,4% дали ответы «неважно» или «абсолютно неважно». Схожую позицию заняли сторонники Движения палестинского национального освобождения, из которых 79,9% ответили на поставленный вопрос «важно» или «очень важно» и только 10,8% не усмотрели в нем важности [194, с. 82]. Таким образом, проблема свободы слова для средств массовой информации представлялась палестинцам важной вне зависимости от их политических пристрастий.

Тем не менее, уже 28 июля 1994 г., то есть меньше чем через месяц со дня прибытия Я.Арафата на территорию автономии, глава ПНА лично распорядился о закрытии издававшейся в Газе газеты «Ан-Нахар». Поводом для этого послужили критические комментарии в отношении палестино-израильского соглашения, опубликованные в этом близком, как считалось, к правящим иорданским кругам печатном органе. Почти сразу этот шаг официальных властей автономии вызвал отрицательную реакцию ХАМАС, заявившего в этой связи о том, что, начав с «арабских братьев», Я.Арафат может предпринять аналогичные меры против палестинских средств массовой информации. Спустя некоторое время издание газеты «Ан-Нахар» возобновилось после того, как было объявлено об изменении редакторской политики по освещению ситуации в ПНА. Одновременно с этим иерусалимская газета «Аль-Кудс» получила предупреждение от властей автономии за серию статей относительно давления на журналистов из газеты «Ан-Нахар». Результатом этого предупреждения стало увольнение автора этих статей журналиста Дауда Куттаба. Однако в октябре 1994 г. она вновь была закрыта. На этот раз данный шаг был предпринят Службой контрразведки ПНА, которая объявила о том, что обладает правом цензуры на материалы, публикуемые в палестинских СМИ. В конце ноября 1994 г. был приостановлен выпуск нескольких палестинских изданий как в секторе Газа, так и на Западном берегу реки Иордан, в том числе газеты «Аль-Ватан», которая считалась печатным изданием Движения исламского сопротивления. Этот запрет продлился несколько месяцев. Предлогом для этой меры стали обвинения, выдвинутые властями ПНА, относительно того, что эти СМИ находились в «зависимости от зарубежных сил» [38, с. 289; 210, 1994, т. 332, № 7879, с. 44; 173, с. 9; 131, с. 182; 151, с. 67].

В феврале 1995 г. властями ПНА была закрыта еще одна палестинская газета, которая была связана с движением «Аль-Джихад», а

ее редактор был уволен [210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47; 210, 1995, т. 335, № 7908, с. 44]. Следует обратить внимание на то, что давлению подвергались и отдельные журналисты, которые выступали с критическими по отношению к властям автономии позиций. Так, в марте-апреле 1995 г. восемь палестинских журналистов подверглись задержанию или были жестко проинструктированы о необходимости представлять для ознакомления все свои материалы в одну из спецслужб ПНА «по причинам национальной безопасности» [210, 1995, т. 335, 7911, с. 45]. В том же 1995 г. дважды приостанавливалось издание газеты Движения исламского сопротивления «Аль-Ватан». Оба раза газета не издавалась по три месяца. Во время первого закрытия, произошедшего 14 мая 1995 г., не было предъявлено никаких объяснений, если не считать явное недовольство властей ПНА критикой, которая содержалась в публикуемых газетой статьях. Более того, спустя месяц, в июне 1995 г., главный редактор газеты Сайед Абу Мусамих, являвшийся к тому же одним из руководителей политического крыла ХАМАС, был приговорен судом государственной безопасности Газы к двум годам тюремного заключения. В одной из своих статей он позволил себе сравнить деятельность палестинских сил безопасности с действиями израильской армии. 6 августа 1995 г. газета «Аль-Ватан» вновь была закрыта на три месяца [41, с. 141; 88, с. 163; 210, 1995, т. 335, № 7919, с. 38; 210, 1995, т. 336, № 7925, с. 30]. В декабре 1995 г. палестинской полицией был задержан редактор газеты «Аль-Кудс» Махир аль-Алами, «вина» которого, как сообщали некоторые источники, заключалась в том, что он поместил статью о Я.Арафате не на первой, а на восьмой странице своего издания. В мае 1996 г. он вновь был задержан и провел под стражей пять дней [38, с. 311; 131, с. 181].

В 1995 г. периодически проблемы возникали у близкой к движению «Аль-Джихад» газеты «Аль-Истикляль», выпуск которой приостанавливался трижды за один год, а ее персонал, включая главного редактора Аля Сафтави, неоднократно подвергался временному аресту. Наконец, в марте 1996 г. газета была окончательно закрыта представителями Службы контрразведки ПНА. Несколько ранее, в феврале 1996 г. аналогичные проблемы возникли у издателя газеты «Аль-Биляд», которая выходила в свет в Рамаллахе. Он был вызван для беседы с начальником Службы контрразведки на Западном берегу реки Иордан полковником Джбрилом Раджубом. Поводом для нее послужила помещенная в газете статья, которая была посвящена проблеме коррупции в органах власти ПНА. В 1996 г. все та же палестинская Служба контрразведки неоднократно закрывала газеты «Ан-Нахар» и «Дженин». Более того, в марте 1996 г. один из журналистов газеты «Ан-Нахар» был осужден судом государственной безопасности к семи месяцам тюрьмы, а владелец и одновременно редактор газеты «Дженин» Имад Абу Захра несколько раз привлекался к административной ответственности. Сре-

ди палестинских журналистов, которых арестовывала полиция автономии, были также корреспондент спутникового телеканала ОАЭ Халид ат-Таяара и свободный журналист, готовивший материалы для американских СМИ, Дауд Куттаб. Последний был задержан при попытке ведения видеосъемок первой сессии Палестинского законодательного совета и провел под арестом неделю [38, с. 311; 88, с. 160, 163; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49].

В самом начале 1997 г. властями автономии была выдана лицензия на выпуск в Газе новой еженедельной газеты «Ар-Рисаля», которую, по некоторым сведениям, учредило Движение исламского сопротивления. Уже в феврале этого же года вышел в свет первый номер еженедельника. Тем не менее, 4 сентября 1997 г. издание еженедельной газеты «Ар-Рисаля» было приостановлено [88, с. 163; 215, 1998, т. 27, № 2, с. 116; 221, 05.09.1998; 225, 05.09.1998]. Несмотря на то, что позднее ее издание было возобновлено, газета «Ар-Рисаля» продолжала привлекать внимание со стороны спецслужб ПНА. Так, 27 апреля 1999 г. она в очередной раз была закрыта сотрудниками Службы военной разведки. Однако спустя несколько часов после вмешательства некоторых официальных лиц ПНА сотрудники военной разведки разрешили выпуск газеты. Тем не менее, 22 мая 1999 г. Служба контрразведки ПНА, действовавшая в секторе Газы, задержала двух редакторов газеты Гази Хамада и Махмуда аль-Бардавила, а также журналиста редакции Висама Афифа, которые опубликовали на страницах этого издания большую статью о применении пыток в тюрьмах, действующих на территории автономии, и заключении палестинцев под стражу без предъявления им официального обвинения [215, 1999, т. 28, № 1, с. 111, 157; 215, 1999, т. 28, № 4, с. 184].

Одновременно с этим многочисленные службы безопасности препятствовали деятельности журналистов. В частности, 24 октября 1998 г. палестинская полиция задержала в Газе 11 журналистов вблизи дома шейха А.Ясина, не разрешив им взять интервью у духовного лидера Движения исламского сопротивления [215, 1999, т. 28, № 2, с. 179]. До этого, в начале 1998 г., палестинские средства массовой информации практически никак не освещали поездку шейха А.Ясина по ряду арабских стран и Ирану. Ни одно из его интервью, которые были даны им во время этой поездки, не были опубликованы на территории ПНА [102, с. 31]. Таким образом, власти ПНА, опираясь на силы безопасности, смогли, как представлялось, добиться главного – возникновения внутренней цензуры у редакторов палестинских газет. Однако в декабре 1998 года издававшиеся на территории автономии газеты, небольшие местные телевизионные и радиовещательные станции отважились сообщить о массовых демонстрациях в поддержку Ирака и против бомбардировок этой страны авиацией США, которые прошли в Наблусе, Вифлееме, Газе, Хевроне, Дженине и Рамаллахе, и действиях палестинской полиции против мирных де-

монстрантов. Карательные санкции со стороны властей ПНА не ставили себя ждать, и вскоре многие из этих СМИ были временно закрыты [215, 1999, т. 28, № 3, с. 170; 221, 19.12.1998; 131, с. 182].

Власти ПНА, стремившиеся укрепить свои позиции в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан и искоренить любое инакомыслие, крайне неодобрительно относились к независимой деятельности палестинских и зарубежных неправительственных организаций на территории автономии. В связи с этим они часто становились объектом пристального внимания и давления со стороны палестинских полицейских сил и спецслужб. Прежде всего это касалось тех неправительственных структур, которые не желали работать под контролем органов исполнительной власти ПНА и в тесном контакте с аналогичными организациями, созданными Движением палестинского национального освобождения. Особую активность в этом вопросе проявляла палестинская Служба общей разведки, которая проводила допросы сотрудников этих неправительственных организаций, выясняя их прошлое и связи, а также заставляя их заполнять различные опросники, многие вопросы которых затрагивали их частную жизнь. В то же время следует отметить, что отдельные неправительственные структуры, которые действовали под патронажем известных представителей знатных палестинских кланов, не испытывали на себе чрезмерного внимания со стороны силовых ведомств ПНА [131, с. 185].

Вместе с тем было бы неверным исходить из того, что грубые нарушения закона касались только оппозиционных исламских движений и светских фракций ООП, которые формируют так называемую группу «отказников». Очень часто беззаконие и произвол использовались руководством ПНА для борьбы с конкурентами внутри лояльных им в целом структур. Наиболее ярко это проявлялось в отношениях властей автономии с некоторыми фракционными группами в ФАТХ. Подчас поводом для этой внутренней борьбы являлись факты притеснения Движения исламского сопротивления на территории автономии. Так, 14 апреля 1995 г. в Газе прошел массовый митинг, который был организован совместными усилиями некоторых неудовлетворенных своим положением, но влиятельных функционеров ФАТХ и активистами ХАМАС. На нем было принято заявление к властям автономии с требованием прекратить незаконные аресты политических оппонентов в ПНА [210, 1995, т. 335, № 7911, с. 45]. Интересным в этой связи выглядит мнение влиятельного функционера Движения палестинского национального освобождения Марвана аль-Баргути. Он публично заявил следующее: «В ФАТХ некоторые призывают к возврату к вооруженной борьбе. В этих условиях будет очень опасным для ПНА начать крупномасштабную атаку на ХАМАС. Если власти ПНА арестуют лиц, ответственных за проведение акций с использованием смертников, то ФАТХ поддержит это решение, так как мы против терактов на террито-

рии Израиля. Однако ФАТХ будет выступать против незаконных арестов членов ХАМАС» [210, 1997, т. 344, № 8029, с. 31-32].

Как правило, вопрос о «защите прав членов ХАМАС» носил для большинства активистов Движения палестинского национального освобождения, по крайней мере, для основной массы функционеров ФАТХ формальный характер, так как за ним скрывалась внутренняя борьба за власть. В то же время нельзя игнорировать и того обстоятельства, что для некоторой части сторонников ФАТХ данный вопрос был принципиальным, так как от его решения во многом зависело будущее не только автономии, но и перспектива построения независимого палестинского государства. Результатом этих двух, в общем-то различных подходов в ФАТХ к решению вопроса о соблюдении законности в ПНА стало обострение ситуации на территории автономии. Это осложнение положения иногда приводило к открытым столкновениям между властями автономии, включая полицейские силы и спецслужбы, и некоторыми группами сторонников Движения палестинского национального освобождения, озабоченных не только проблемой своей обделенности властью, но и искренним желанием улучшить положение в ПНА. Так случилось 30 марта 1996 г., когда полиция разогнала массовую демонстрацию студентов Университета «Ан-Наджах» в Наблусе. В ходе этого столкновения, в результате которой были убитые и раненные со стороны демонстрантов, полиция применила боевое оружие, несмотря на то, что организаторами демонстрации, носившей мирный характер, были функционеры ФАТХ. В этой связи лидеры Движения палестинского национального освобождения на Западном берегу реки Иордан выступили с решительным осуждением произвола палестинской полиции. Спустя два дня после этих событий офицер полиции ПНА застрелил сторонника ФАТХ в городке аль-Бира (al-Bireh). И вновь местные лидеры ФАТХ осудили жестокость полиции автономии, а студенты университета в Бир-Зейте выступили против актов насилия сил безопасности, верных Я.Арафату [108, с. 117].

Новая вспышка противоречий между силовыми структурами ПНА и активистами ФАТХ, действовавшими на Западном берегу реки Иордан, вспыхнула 25 октября 1998 г. В тот день группа сотрудников Службы военной разведки ворвалась в офис Движения палестинского национального освобождения в Рамаллахе под предлогом «изъятия незарегистрированного оружия». В ходе возникшего столкновения был открыт огонь из автоматического оружия. В результате столкновения погиб один человек. Им оказался 16-летний племянник одного из функционеров местного отделения ФАТХ Вассим Тарифи. На следующий день, 26 октября 1998 г., в Рамаллахе была объявлена всеобщая забастовка и проведен многочисленный марш протеста против силовых действий сил правопорядка ПНА. В адрес президента ПНА было принято обращение с требованием наказать виновных в убийстве активиста ФАТХ и ввести деятельность спецслужб автономии в

рамки закона. 27 октября 1998 г. всеобщая забастовка распространилась на Вифлеем и Наблус. Спустя три дня после трагических событий в Рамаллахе, 28 октября 1998 г., состоялось заседание военного трибунала ПНА, который приговорил четырех офицеров Службы военной разведки к различным срокам тюремного заключения, от 3 до 4 лет [53, с. 41, 43; 106, с. 18; 215, 1999, т. 28, № 3, с.179-180; 221, 26.10.1998, 27.10.1998, 30.10.1998; 225, 26.10.1998, 27.10.1998, 29.10.1998, 30.10.1998]. Такое быстрое урегулирование конфликта могло бы свидетельствовать о торжестве закона на территории автономии. Однако в действительности эти события подтверждают мнение не только об отсутствии в ПНА законности, но и о грубом нарушении уголовно-процессуальных норм, когда в угоду сиюминутной политической выгоде в автономии творится скорый, а, следовательно, несправедливый суд. В этой связи будет достаточным сослаться на высказывание члена Палестинского законодательного совета Ханан Ашрави, которая заявила 28 октября 1998 г.: «Я просто не могла поверить своим глазам. Такая вещь могла бы быть возможной в условиях израильской оккупации. Однако я не думала, что стану свидетелем подобных событий при нашем собственном национальном режиме» [53, с. 42]. В связи с этим следует указать на то, что особые сложности у властей ПНА возникали во взаимоотношениях с членами военизированной организации «Ястребы ФАТХ», которые часто открыто консолидировались со сторонниками ХАМАС и движения «Аль-Джихад», особенно по вопросу продолжению вооруженных акций против израильтян [38, с. 286].

Очень напряженно складывались отношения властей ПНА с правозащитными организациями, особенно палестинскими. Они не только отказывались от сотрудничества с этими организациями, даже с Независимой палестинской комиссией по гражданским правам (Independent Palestinian Commission for Citizens' Rights), которую возглавляла Ханан Ашрави, но пытались оказывать на них силовое воздействие, используя для этого возможности полиции и спецслужб. В частности, палестинские правоохранительные ведомства постоянно препятствовали деятельности правозащитников по сбору материалов. Более того, активисты правозащитного движения часто становились жертвами полицейского произвола. Примером может служить известный палестинский правозащитник Ияд Саррадж, который заменил на посту директора Независимой палестинской комиссии по гражданским правам, базировавшейся в Газе, Ханан Ашрави. Он многократно задерживался как полицией, так и спецслужбами ПНА. С теми же трудностями в своей деятельности сталкивались и другие палестинские правозащитники, в том числе доктор Раджа Сурани и Бассам Эйд, который работал на израильскую правозащитную организацию «Бетселем» [38, с. 277, 283, 210; 210, 1996, т. 340, № 7973,

с. 47; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 115, с. 175; 131, с. 182; 60, с. 73].

Особую тревогу вызывало положение, связанное с деятельностью палестинских полицейских сил и спецслужб и многочисленными проблемами их развития. В условиях всевластия и вседозволенности секретных служб ПНА отмечались случаи, когда спецслужбы брали на себя функции суда. Так было, например, 30 апреля 1995 г., когда в Иерихоне в присутствии руководства Службы-17 и ее сотрудников проходила церемония неписанного племенного замирения между двумя враждовавшими семьями Гайсия и Нисам. Тем самым, несмотря на положительный опыт такого примирения, расшатывалась хрупкая еще система судопроизводства на территории автономии и закреплялась особая роль полиции и спецслужб в палестинском обществе [71, с. 59]. Согласно различным свидетельствам, большую активность в урегулировании экономических споров проявляет Служба контрразведки, сотрудники которой не только обеспечивают свои собственные интересы в бизнесе, но и «регулируют» конкуренцию в тех сферах, которые курируют чиновники ПНА [60, с. 73]. Большую проблему для правоохранительных органов автономии представляла традиция кровной мести, которая продолжает оставаться актуальной для палестинцев. 29 августа 1998 г. состоялся суд государственной безопасности, на заседании которого рассматривалось дело об убийстве. По делу проходили четыре полицейских – три брата и их кузен, которые 27 августа 1998 г. убили из кровной мести двух человек. Жертвами преступников оказались также братья, состоявшие в ФАТХ, причем один из них являлся сотрудником Службы контрразведки. В результате недолгого разбирательства все четверо обвиняемых были осуждены. Двое из них получили различные сроки тюремного заключения, включая один пожизненный срок, а еще двое приговорены к смертной казни, которая была приведена в исполнение 30 августа 1998 г. Это была первая смертная казнь на территории автономии [215, 1999, т. 28, № 2, с. 167-168; 221, 31.08.1998; 225, 31.08.1998; 60, с. 73].

Хронические задержки с невыплатой зарплат также создавали благоприятные условия для вовлечения «стражей правопорядка» в преступную деятельность. Примером этого может служить осуждение в апреле 1995 г. судом государственной безопасности ПНА двух полицейских к различным срокам тюремного заключения на основании обвинения в незаконной торговле оружием. Менее чем месяц спустя, 2 мая того же года, тем же судом был вынесен смертный приговор офицеру полиции за убийство своего коллеги для овладения его автоматом с целью продажи [210, 1995, т. 335, № 7914, с. 48-51; 60, с. 73]. Ярким свидетельством произвола, творимого полицией и спецслужбами автономии, могут являться факты невыполнения ими решений Верховного суда ПНА. Так, 4 июня 1998 г. Верховный суд вынес решение об освобождении из-под стражи одного из руководите-

лей политического крыла ХАМАС Абд аль-Азиза Рантиси, который был арестован 9 марта 1998 г. Однако палестинская полиция отказалась выполнять это судебное решение [102, с. 32; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 163]. Аналогично поступила Служба общей разведки, проигнорировав решение Верховного суда ПНА, которое было вынесено в отношении освобождения палестинского правозащитника Ваеля Фарраджа, задержанного ранее без предъявления ему какого-либо обвинения [215, 1999, т. 28, № 4, с. 170]. На протяжении всех лет существования ПНА местная администрация сталкивается с фактами незаконной деятельности палестинской полиции и секретных служб автономии, включая применение пыток при допросах арестованных и их избивание. Некоторые источники утверждают о том, что этой порочной практике придерживается, в частности, Служба контрразведки. Помимо этого правозащитные организации свидетельствуют о том, что ряд спецслужб ПНА занимается похищением людей и даже их убийством [59, с. 309; 131, с. 182; 151, с. 67].

Положение с соблюдением законности и гражданских прав на территории ПНА вызывает тревогу мировой общественности. Это подтверждается ежегодными отчетами известной правозащитной организации «Международная амнистия». Так, 2 декабря 1996 г. она представила отчет о соблюдении гражданских прав на территории палестинской автономии. В нем отмечалось, что обычным явлением для ПНА стали незаконные аресты и задержания, когда правоохранительные органы держат под арестом людей, не предъявляя им официального обвинения и не передавая их дела в суд. Помимо этого были зафиксированы факты грубейшего нарушения содержания арестованных и заключенных в палестинских тюрьмах. Это выражается в отсутствии отопления в тюрьмах, сырости и скученности в камерах, плохом питании. Частой практикой в тюрьмах ПНА стали пытки и издевательства над заключенными. Их могут лишить сна и питания. За первые два с половиной года, по оценке экспертов организации «Международная амнистия», в палестинских тюрьмах от побоев умерли девять человек. Вместе с тем власти автономии категорически отрицают возможность применения пыток в тюрьмах и в то же время отвергают любые требования по проведению расследования по изложенным фактам [38, с. 309; 102, с. 29; 208, 1997, № 15, с. 26; 210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49; 131, с. 183].

В палестинских тюрьмах нередко случаи унижения достоинства заключенных. Особенно это касается сторонников исламских движений, которых заставляют брить бороды в нарушение мусульманской традиции. Так поступили, например, с известным функционером ХАМАС Махмудом Захаром, который был арестован в июне 1995 г. Администрация тюрьмы, подведомственной Службе военной разведки, заставила его обрить голову и бороду. По некоторым сведениям, за 105 дней, которые Махмуд Захар провел в этой тюрьме, ему сло-

мали несколько ребер. В начале 1999 г. Махмуд Захар вновь столкнулся с этими унижениями. На этот раз он был арестован по надуманному обвинению в укрывательстве палестинца, подозревавшегося в убийстве полицейского ПНА. Однако 26 марта 1999 г. он был освобожден из-под стражи [38, с. 309; 215, 1999, т. 28, № 3, с. 182; 215, 1999, т. 28, № 4, с. 177; 221, 27.03.1999; 115, с. 176-177; 60, с. 75].

В связи с проблемой законности в палестинской автономии следует привести еще один факт, который трудно оспорить. Он заключается в обстоятельствах ухода со своего поста Генерального прокурора ПНА Фаиза Абу Рахма в мае 1999 г. В своем заявлении об отставке он указал на то, что сделал этот шаг в знак протеста против вмешательства исполнительной власти автономии в судебную систему. Однако в то же время следует признать, что во многом то нетерпимое положение с соблюдением законности и гражданских прав на территории автономии сложилось не без участия палестинской прокуратуры, которая не только не препятствовала незаконной деятельности полиции или секретных служб, но и аргументировала необходимость принятия жестких мер по наведению порядка в палестинских районах [215, 1999, т. 29, № 1, с. 111].

Таким образом, как отмечалось в упомянутом выше отчете организации «Международная амнистия», с момента создания палестинской автономии на ее территории действовал только один закон – закон силы. Все эти годы в обществе насаждалась атмосфера страха [210, 1996, т. 341, № 7995, с. 49]. По мнению Генерального секретаря Народного фронта освобождения Палестины Жоржа Хабаша, одним из бесспорных «достижений» деятельности властей ПНА явилось создание репрессивного государственного аппарата [131, с. 93]. В этой связи весьма оправдано то заключение, которое было дано американской правозащитной организацией Human Rights Watch, которая еще в феврале 1995 г. констатировала: «ПНА провалила свой курс на ведение дел в соответствии с правовым порядком, часто делая ставку на произвол и репрессии» [210, 1995, т. 334, № 7902, с. 47-48].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ближневосточный мирный процесс, помпезно разрекламированный в начале 90-х годов, со своими «историческими прорывами» и не менее грандиозными откатами дал большую пищу для размышления. Бесспорным является тот факт, что он создал условия для попытки реализации идеи о палестинской национальной государственности, первым шагом на пути к которой призвана была стать ограниченная автономия палестинцев в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Несмотря на то, что власти ПНА изначально были ограничены в правах рамками палестино-израильских соглашений, следует признать, что хотя созданные условия и не могли считаться идеальными или, по крайней мере, благоприятными, они давали лидерам ООП, группировавшимся вокруг значительной, но противоречивой фигуры Ясира Арафата, реальный шанс для того, чтобы трансформировать мечту о независимом палестинском государстве в явь. Для этого было необходимым только одно – умерить личные амбиции как со стороны представителей ближайшего окружения председателя Исполкома ООП, включая его самого, так и со стороны руководителей непримиримой оппозиции, выступавшей против мирного соглашения с Израилем. На фоне грандиозности поставленной задачи выполнение этого единственного, но обязательного требования выглядит более чем скромным. Однако именно это требование стало тем препятствием, которое не только перекрыло путь к миру, хотя были и другие не менее важные причины провала мирного процесса в регионе, но и раскололо палестинское общество на два враждующих лагеря. Проблема власти и нежелание ею делиться с другими привели нынешнее руководство ПНА к демонстрации своего полного банкротства как силы, способной создать если не процветающую, то, по крайней мере, достойную понесенным в этой борьбе жертвам Родину.

В то же время следует признать, что за неполные восемь лет существования палестинской автономии накопился значительный опыт государственного строительства, который нельзя игнорировать вне зависимости от его результатов. Первой и грубейшей ошибкой процесса формирования ПНА стало то, что вся структура власти в ней выстраивалась под одну фигуру, под лидера, под вождя, которым был Ясир Арафат или которым его хотели изобразить приближенные к нему люди. Однако такой подход к государственному строительству не только обречен на провал и не жизнеспособен в какой-либо длительной перспективе, он таит в себе опасность создания политиче-

ского режима, угрожающего самому существованию такого государства. Авторитарный стиль правления, который является характерным для Ясира Арафата и, возможно, считался логичным и полезным в условиях военного противостояния Израилю, в условиях мирного или полумирного времени лишал ПНА возможности исправления ошибок, которые были неизбежными. Более того, в условиях формирования властных структур в автономии было невозможным установление абсолютного контроля за деятельностью всех ветвей власти, прежде всего исполнительной, что естественным образом подталкивало к созданию не правовой системы государственного (юридического) регулирования всех вопросов жизнедеятельности государства, общества и личности, а некую систему сдержек и противовесов, которая была столь неустойчивой, столь и неэффективной.

Таким образом, не будет преувеличением отметить, что накопленный опыт государственного строительства на территории ПНА имеет для палестинцев, вне зависимости от места их проживания – в пределах автономии или в диаспоре, горький привкус разочарований. Однако было бы ошибочным преувеличивать трагичность этого вывода. Он печален, но не фатален. При условии критического осмысления тех процессов, свидетелем и творцом которых являлось палестинское общество в 90-е годы XX века, сохраняются реальные шансы переустройства жизни в автономии, хотя оно, конечно, будет тяжким, с точки зрения приложения необходимых усилий, и длительным, с точки зрения достижения конечной цели – создание подлинно демократичного и экономически развитого государства, которого достойны палестинцы, как впрочем, и все остальные народы Земли.

Таблица 1

**Избирательные округа, созданные на территории ПНА
для проведения выборов
в Палестинский законодательный совет 20 января 1996 года**

Избирательный округ	Число мест в ПЗС	Численность избирателей	Средний показатель представительства избирателей в ПЗС от избирательного округа
Вифлеем	4	55.134	13.784
Хеврон	10	133.084	13.308
Дженин	6	82.314	13.719
Иерихон (Ариха)	1	12.906	12.906
Иерусалим	7	80.051	11.436
Наблус	8	111.651	13.956
Калкилия	2	27.278	13.639
Рамаллах	7	79.108	11.301
Салфит	1	18.996	18.996
Тубас	1	15.914	15.914
Тулкарм	4	56.319	14.080
Северная Газа	7	61.123	8.732
Газа-сити	12	122.724	10.227
Дейр-аль-Балах	5	56.015	14.004
Хан Юнис	8	71.629	8.954
Рафах	5	44.034	8.807
Итого:	88	1.028.280	11.685

Источник: составлено по: Ghanem, As'ad. Founding Elections in a Transitional Period: The First Palestinian General Elections. // The Middle East Journal, Autumn 1996, vol. 50, № 4, p. 517.

Таблица 2

**Итоги выборов в Палестинский законодательный совет,
состоявшихся 20 января 1996 года (данные округлены)**

Партийная принадлежность кандидатов в члены ПЗС	Процент полученных ими голосов избирателей	Процент полученных ими мест в ПЗС
Независимые	60	40
ФАТХ	30	57
Остальные партии и организации	10	3
Итого:	100	100

Таблица 3

**Список министров правительства ПНА, утвержденный
на заседании Палестинского законодательного совета
9 августа 1998 года**

П/п	Имя	Партийная принадлежность и участие в ПЗС	Пост в новом правительстве	Участие в предыдущем составе правительства
1	Муниб аль-Масри	ФАТХ, член ПЗС	министр торговли	да
2	Саади аль-Карназ	ФАТХ, член ПЗС	Министр промышленности	нет
3	Набиль Шаат	ФАТХ, член ПЗС	Министр планирования и международного сотрудничества	да
4	Мухаммед Зухди ан-Нашашиби	независимый, член Исполкома ООП	министр финансов	да
5	Хикмет Заим	независимый, член ПЗС	министр сельского хозяйства	нет
6	Мунзир Салах	Независимый	министр высшего образования	нет
7	Интисар аль-Вазир	ФАТХ, член ПЗС	министр социального обеспечения	да
8	Ясир Абд Раббо	ФИДА, член ПЗС, член Исполкома ООП	министр информации и культуры	да
9	Саеб Орейкат	ФАТХ, член ПЗС, член Исполкома ООП	министр по делам местной администрации	да
10	Митри Абу Аята	Независимый, член ПЗС	министр туризма и памятников древности	нет
11	Имад аль-Фалуджи	ФАТХ, член ПЗС	министр связи	да
12	Абу Медейн Фрейх	ФАТХ, член ПЗС	министр юстиции	да
13	Набиль Амр	ФАТХ, член ПЗС	министр по делам парламента	нет
14	Рафик ан-Натша	ФАТХ, член ПЗС	министр труда	нет
15	Абд ар-Рахман Хамад	ФАТХ, член ПЗС	министр жилищного строительства	да

16	Рияд аз-Заанун	ФАТХ, член ПЗС	Министр здравоохранения	да
17	Абд аль-Азиз Шахин	ФАТХ, член ПЗС	министр снабжения	нет
18	Али аль-Кавасми	ФАТХ, член ПЗС	министр транспорта	да
19	Джамиль Тарифи	независимый, член ПЗС	министр по гражданским делам	да
20	Аззам аль-Ахмед	ФАТХ, член ПЗС	Министр общественных работ	да
21	Юсеф Абу Сафият	ФАТХ, член ПЗС	министр охраны окружающей среды	нет
22	Ишам Абд ар-Разек	ФАТХ, член ПЗС	министр по делам заключенных	нет
23	Набилль Кассис	независимый	министр по делам «Вифлеем-2000»	нет
24	Башир Баргунти	ПНП	государственный министр	да
25	Зияд Абу Зияд	независимый, член ПЗС	государственный министр	нет
26	Талаял ас-Садр	независимый, член ПЗС	государственный министр	нет
27	Хасан Асфур	ФАТХ, член ПЗС	государственный министр по делам неправительственных организаций	нет
28	Ясир Амр	независимый, член Исполкома ООП	государственный министр	да
29	Фейсал аль-Хусейни	ФАТХ, член Исполкома ООП	государственный министр по делам Иерусалима	да
30	Салах ат-Таамари	независимый, член Исполкома ООП	государственный министр	нет

Источник: составлено по: Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestinian Affairs and the Arab-Israeli Conflict. Berkeley, 1998, vol. 28, № 1, pp. 145-146; 34a, 1997, т.4 Азия, с.4-33-1; 34a, 2000, т.4 Азия, с. 4-33-1

БИБЛИОГРАФИЯ

А – на русском языке

1. Аббас, Махмуд (Абу Мазен). Путь в Осло: Человек, подписавший соглашение, раскрывает тайны переговоров. – М., 1996.
2. Абу Мазен. Будет ли новая карта Палестины // «Новое время». – 1996. – № 40, с. 20-23.
3. Арафат Я. «Без независимого Палестинского государства не будет мира и на Ближнем Востоке» // В кн.: Будущее европейской социал-демократии. – Вена, М., 1998, с. 417-423.
4. Арафат Я. Ночной человек из Палестины // «Новое время», 1997, № 20, с. 22-34.
5. Бакланов А.Г. Ближневосточный перекресток // «Международная жизнь», 1998, № 4, с. 78-85.
6. Егорин А.З., Абдель Хамид Х.А. Война за Ближневосточный мир. – М., 1998.
7. Ефимов В. Надежда на смертельного врага // «Новое время», 1994, № 30, с. 28-29.
8. Ефимов В. Соглашение в канун Рамадана. Промежуточная договоренность: последний рывок перед финишной прямой // «Новое время», 1994, № 7, с. 32-33.
9. Киселев В.И. Палестинская проблема на рубеже 80-90-х годов // в кн.: Палестинский сборник. Вып. 31 (94). – М., 1992, с. 54-57.
10. Кифнер Д. Благотворительность и оружие: две тактики священной войны ХАМАС // В кн.: Россия и мусульманский мир. – М., 1996, № 12 (54), с. 88-94.
11. Копин В.С. Палестинский фактор во внешней политике стран Северной Африки. – М., 1991.

12. Косач Г.Г. Ближневосточный мирный процесс: новые подходы палестинцев к Израилю // В кн.: Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. (История, экономика и политика). Вып. 4. – М., 2000. – с. 50-67.
13. Кравчик Е. Говорит Арафат // «Лехаим», 1996, № 52, с. 36-38.
14. Малышева Д. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // «Мировая экономика и международные отношения», 1999, № 7, с. 108-117.
15. Меньшиков И. ООП за бортом // «Новое время», 1991, № 16, с. 20.
16. Млечин Л. «Я стреляю – следовательно, я существую»: (О палестинской группе террористов) // «Новое время», 1992, № 23, с. 32-35.
17. Палестина. Об экономике // «Новое время», 1994, № 8, с. 38-41.
18. Палестина – Россия: связь времен. – М., 1993.
19. Поляков К.И. Непростой выбор Палестины (К чему ведет мирный диалог) // В еженедельнике «Интерфакс-ВРЕМЯ», 30 апреля – 13 мая 1999 г., № 18-19 (200-201), с. 8.
20. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестина: перспектива независимости и проблема лидерства // В кн.: Политическая элита Ближнего Востока. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. 2000, с. 146-152.
21. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестинское движение сопротивления в период интифады: проблемы и противоречия. – М.: Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований, 2000.
22. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Проблема палестинской государственности и Палестинская Национальная Автономия // В кн.: Арабский сборник. Вып. 2. – М., 2000, с. 37– 48.
23. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Надежды Ближнего Востока (По какому пути пойдет палестинское государство: исламизма или арабского национализма?) // В газете «НГ-Религии», 12 мая 1999 г., № 9 (32), с. 5.

24. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Накануне часа «Х» // «Российская газета», 15 апреля 1999 г.
25. Рубинштейн А. От Герцеля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма. – Минск: Изд. «МЕТ», 2000.
26. Сейранян Б.Г. К вопросу о создании политической биографии Ясира Арафата // В кн.: Арабский мир в конце XX века. – М., 1996, с. 62-68.
27. Супонина Е. Палестина. Взрывчатка на обед // «Новое время», 1997, № 24, с. 22-25.
28. Супонина Е. Священный город. Невидимая стена. Смогут ли израильтяне и палестинцы договориться?// «Новое время», 1997, № 15, с. 24-26.
29. Супонина Е. Тайная жизнь Ясира Арафата // «Новое время», 1997, № 44, с. 32-35.
30. Сусликов Ю. Судьба российской собственности // «Азия и Африка сегодня», 1995, № 6, с. 75-80.
31. Тартаковский М. Война Ссудного дня // «Новое время», 1993, № 41, с. 24-28, № 42, с. 38-41.
32. Терроризм в США, 1991 год. Министерство юстиции США, Федеральное бюро расследований. – Вашингтон, 1991.
33. Факты об Израиле. – Иерусалим, 1995.
34. Шевченко М. Палестина в огне. – М., 2001.
34а. Страны мира сегодня (ежегодник). – ИТАР-ТАСС

Б – на английском языке

35. Abdo, Nahla. Gender and Politics Under the Palestinian Authority // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Winter 1999, vol. 28, № 2, pp. 38-51.
36. Abed, George T. The Economic Viability of the Palestinian State // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Winter 1990, vol. 19, № 2, pp. 3-28.

37. Abed, Shukri B. *Islam and Democracy // Democracy, War and Peace in the Middle East*. – Bloomington, 1995, pp. 116-134.
38. Aburish, Said K. *Arafat: From Defender to Dictator*. – Bloomsbury, 1998.
39. Alpher, Joseph. *Divided Over the Fate of Israel // The World Today*, July 1996, vol. 52, № 7, pp. 172-174.
40. Alpher, Joseph. *Israel: Security After Oslo. Israel's Security Concerns in the Peace Process // International Affairs*, April 1994, vol. 70, № 2, pp. 229-242.
41. Amnesty International, "Trial at Midnight: Secret, Summary, Unfair Trials in Gaza". London, June 1995 // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Autumn 1995, vol. 25, № 1, pp. 141-147.
42. Arafat, Yasir, *Speech at the Palestinian Conference to Affirm Renunciation of the PLO Charter*, 14 December 1998 // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Spring 1999, vol. 28, № 3, pp. 146-148.
43. Ashmore, Robert B. *State Terrorism and Its Sponsors // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict*. – New York, 1997, pp. 105-132.
44. Ashrawi, Hanan. *The Intifada: Political Analysis // Faith and Intifada: Palestinian Christian Voices*. – Maryknoll, 1992, pp. 9-17.
45. Armstrong, Karen. *Jerusalem: One City, Three Faiths*. – New York, 1996.
46. Aruri, Naseer H. *The Wye Memorandum: Netanyahu's Oslo Unreciprocal Reciprocity // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Winter 1999, vol. 28, № 2, pp. 17-28.
47. Awartani H., Kleiman E. *Economic Interactions among Participants in the Middle East Peace Process // The Middle East Journal*, Spring 1997, vol. 51, № 2, pp. 215-229.
48. O'Ballance, Edgar. *Islamic Fundamentalist Terrorism, 1979-1995: The Iranian Connection*. – New York, 1997.

49. Bickerton, Ian J., Klausner C.L. A Concise History of the Arab-Israeli Conflict. – Upper Saddle River, 1998.
50. Binder, Leonard. Strategic Reciprocity: The PLO and Israel // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994. – New York, 1997, pp. 273-300.
51. Bishara, Azmi. 4 May 1999 and Palestinian Statehood: To Declare or Not to Declare? // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Winter 1999, vol. 28, № 2, pp. 5-16.
52. Bligh, Alexander. The Intifada and the New Political Role of the Israeli Arab Leadership // Middle Eastern Studies, January 1999, vol. 35, № 1, pp. 134-164.
53. Boutwell, Jeffrey. The Wild West Bank // The Bulletin of the Atomic Scientists, January-February 1999, vol. 55, № 1, pp. 41-45.
54. Brynen, Rex. The Neopatrimonial Dimension of Palestinian Politics // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Autumn 1995, vol. 25, № 1, pp. 23-36.
55. Bulliet, Richard W. The Future of the Islamic Movement // Foreign Affairs. November-December 1993, vol. 72, № 5, pp. 38-44.
56. Burrell, David B. Philosophical Reflections on the Religious Claims and Religious Intangibility in Relation to the Conflict // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict. – New York, 1997, pp. 269-281.
57. Chazan, Naomi. The Role of Women and Female Leadership in the Intifada and Peace Process // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994. – New York, 1997, pp. 213-222.
58. Cobban, Helena. The Palestinians and the Iraqi Invasion of Kuwait // The Middle East after Iraq's Invasion of Kuwait. – Gainesville, 1993, pp. 253-275.
59. Cooley, John K. Unholy Wars. Afghanistan, America and International Terrorism. – London, 1999.
60. Cordesman, Anthony H. If Peace Fails: The Risk of an Israeli-Palestinian Conflict. – Washington, July 2000, Internet version.

61. Gordon, Neve; Lopez, George. Terrorism in the Arab-Israeli Conflict. – Notre Dame, May 1999, Internet version.
62. Davidson, Lawrence. Islamic Fundamentalism. – Westport, Connecticut, London, 1998.
63. Dekmejian, R. Hrair. Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. – Syracuse, New York, 1995.
64. Democracy, War, and Peace in the Middle East. – Bloomington, 1995.
65. Development Under Adversity. The Palestinian Economy in Transition. Summary. – Gaza City, 1998.
66. El-Doufani, Mohamed. The Middle East I: The PLO-Israeli Accord – an Arab Critique // *The World Today*, January 1995, vol. 51, № 1, pp. 15-18.
67. Emmett, Chad F. Beyond the Basilica: Christians and Muslims in Nazareth. – Chicago, 1995.
68. Emmett, Chad F. Conflicting Loyalties and Local Politics in Nazareth // *The Middle East Journal*, Autumn 1997, vol. 51, № 4, pp. 535-553.
69. Falk, Richard. Can US Policy toward the Middle East Change Course? // *The Middle East Journal*, Winter 1993, vol. 47, № 1, pp. 11-20.
70. Fellowes, Peregrine. The Middle East II: A Proposal for Jerusalem // *The World Today*, January 1995, vol. 51, № 1, pp. 19-21.
71. Frish, Hillel. From Palestine Liberation Organization to Palestinian Authority: The Territorialization of “Neopatriarchy” // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 55-72.
72. Gambill, Gary C. The Balance of Terror: War by Other Means in the Contemporary Middle East // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Autumn 1998, vol. 28, № 1, pp.51-66.
73. Garfinkle, Adam. Wye Gamble? // *The National Interest*, Winter 1998/99, № 54, pp. 123-126.

74. Ghanem, As'ad. Founding Elections in a Transitional Period: The First Palestinian General Elections // *The Middle East Journal*, Autumn 1996, vol. 50, № 4, pp. 513-529.
75. Ghanem, As'ad. State and Minority in Israel: The Case of Ethnic State and the Predicament of It's Minority // *Ethnic and Racial Studies*. – London, 1998, Vol. 21, # 3, pp. 428-448.
76. Golan, Galia. Moscow and the PLO: The Ups and Downs of a Complex Relationship // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 121-140.
77. Graff, James A. Targeting Children: Rights versus Realpolitik // *Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict*. – New York, 1997, pp. 157-184.
78. The Group of Ten Palestinian Opposition Groups, Palestinian National Conference, Closing Statement, Damascus, 13 December 1998 // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Spring 1999, vol. 28, № 3, pp. 145-146.
79. Gourbage, Youssef. Reshuffling the Demographic Cards in Israel/Palestine // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Summer 1999, vol. 28, № 4, pp. 21-39.
80. Hadar, Leon T. Israel in Post-Zionist Age: Being Normal and Loving It // *World Policy Journal*, Spring 1999, vol. 16, № 1, pp. 76-86.
81. Halevi, Ilan. Self-Government, Democracy, and Mismanagement Under the Palestinian Authority // *Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Spring 1998, vol. 27, № 3, pp. 35-48.
82. Harcourt, Robert L. Beyond Justice and Rights: Competing Israeli and Palestinians Claims // *Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict*. – New York, 1997, pp. 297-308.
83. Hart, Jo-Anne. Democracy and Deterrence // *Democracy, War and Peace in the Middle East*. – Bloomington, 1995, pp. 34-47.

84. Hassassian, Manuel S. Policy and Attitude Changes in the Palestine Liberation Organization, 1965-1994: A Democracy in the Making // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994. – New York, 1997, pp. 73-94.
85. Heller, Mark A. Not Yet at the Point of no Hope // The World Today, December 1997, vol. 53, № 12, pp. 303-305.
86. Hollis, Rosemary. Europe and the Middle East: Power by Stealth? // International Affairs, January 1997, vol. 73, № 1, pp. 15-30.
87. Hoffman, Bruce. Holy Terror: An Act of Divine Duty // The World Today, March 1996, vol. 52, № 3, pp. 79-81.
88. Human Rights Watch/ Middle East, "Palestinian Self-Rule Areas: Human Rights Under the Palestinian Authority", New York, September 1997 // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Winter 1998, vol. 27, № 2, pp. 158-164.
89. Hunter, F. Robert. The Palestine Uprising: A War by Other Means. – Berkeley, Los Angeles, 1993.
90. Interview with George Habash. Taking Stock // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Autumn 1998, vol. 28, № 1, pp. 86-101.
91. Interview with Ramadan Abdallah Shallah. The Movement of Islamic Jihad and the Oslo Process // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Summer 1999, vol. 28, № 4, pp. 61-73.
92. Al-Jarbawi, Ali. The Position of Palestinian Islamists on the Palestine-Israel Accord // The Muslim World, January-April 1994, vol. 84, № 1-2, pp. 127-154.
93. Kadri, Ali. A Survey of Commuting Labor from the West Bank to Israel // The Middle East, Autumn 1998, vol. 52, № 4, pp. 517-530.
94. Kapitan, Tomis. Historical Introduction to the Philosophical Issues // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict. – New York, 1997, pp. 3-46.
95. Karmi, Ghada. Life with Enemy: The One State Solution // The World Today, August-September 1997, vol. 53, № 8-9, pp. 200-203.

96. Kawar, Amal. *Daughters of Palestine: Leading Women of the Palestinian National Movement*. – Albany, 1996.
97. Khalidi, Ahmad S. *Palestinian Security Concerns. Security in a Final Middle East Settlement: Some Components of Palestinian National Security // International Affairs*, January 1995, vol. 71, № 1, pp. 1-18.
98. Khalidi, Muhammad Ali. *Formulating the Right of National Self-Determination // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict*. – New York, 1997, pp. 71-94.
99. Khalidi, Rashid. *The Resolutions of the 19th Palestine National Council // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Winter 1990, vol. 19, № 2, pp. 29-42.
100. Kimmerling, Baruch. *The Power-Oriented Settlement: PLO-Israel – The Road to the Oslo Agreement and Back // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 223-252.
101. Kimmerling B., Migdal J.S. *Palestinians: The Making of a People*. – New York, 1993.
102. Kristianasen, Wendy. *Challenge and Counterchallenge: Hamas's Response to Oslo // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Spring 1999, vol. 28, № 3, pp. 19-36.
103. Kyle, Keith. *Upheaval in Israel // The World Today*, October 1992, vol. 48, № 10, pp. 175-177.
104. Labor, Paul. *Whither the Arab-Israeli Peace Process? // Security Dialogue*, September 1999, vol. 30, № 3, pp. 353-364.
105. *Leaders, Politics and Social Change in the Islamic World*. № 5. – Princeton.
106. Legrain, Jean-Francois. *The Successions of Yasir Arafat // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Summer 1999, vol. 28, № 4, pp. 5-20.
107. Le Troquer Y., al-Oudah R.H. *From Kuwait to Jordan: The Palestinians' Third Exodus // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict*, Spring 1999, vol. 28, № 3, pp. 37-51.

108. Levitt, Wendy Kristianasin. A Round of Murder Puts Cooption in Question // *The World Today*, May 1996, vol. 52, № 5, pp. 116-118.
109. Litvak, Meir. Inside Versus Outside: The Challenges of the Local Leadership, 1967-1994 // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 171-196.
110. Ma'oz, Moshe. From Conflict to Peace? Israel's Relations with Syria and the Palestinians // *The Middle East Journal*, Summer 1999, vol. 53, № 3, pp. 393-416.
111. Ma'oz, M., Sela, A. The PLO in Regional Arab Politics: Taming a Non-State Actor // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 97-119.
112. Marcus, Jonathan. Israel Moves Left. Israel's General Elections: Realignments or Upheaval? // *International Affairs*, October 1992, vol. 68, № 4, pp. 693-705.
113. McKenna, Erin. Land, Property, and Occupation: A Question of Political Philosophy // *Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict*. – New York, 1997, pp. 185-204.
114. Miller, Judith. Faces of Fundamentalism // *Foreign Affairs*, November-December 1994, vol. 73, № 6, pp. 123-143.
115. Milton-Edwards, Beverley. *Islamic Politics in Palestine*. – London, New York, 1996.
116. Mishal, Shaul. Intifada Discourse: The Hamas and UNL Leaflets // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 197-212.
117. Mishal, Shaul; Sela, Abraham. *The Palestinian Hamas: Vision, Violence, and Co-existence*. – New York, 2000.
118. Muslih, Muhammad. *The Foreign Policy of Hamas*. – New York, 1999.
119. Muslih, Muhammad. Palestinian Civil Society // *The Middle East Journal*, Spring 1993, vol. 47, № 2, pp. 258-274.
120. Muslih, Muhammad. A Study of PLO Peace Initiatives // *The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994*. – New York, 1997, pp. 37-53.

121. Nakhleh, Emile A. The West Bank and Gaza: Twenty Years Later // The Middle East Journal, Spring 1988, vol. 42, № 2, pp. 209-226.
122. O'Halloran, Julian. Blood on the Path to Peace: How "Mr. Peace" Became "Mr. Security" // The World Today, November 1996, vol. 52, № 11, pp. 272-274.
123. Patterns of Global Terrorism: 1991. U.S. Department of State. – Washington, April 1992.
124. Pedatzur, Reuven. Coming Back Full Circle: The Palestinian Option in 1967 // The Middle East Journal, Spring 1995, vol. 49, № 2, pp. 269-291.
125. Peretz D., Doron G.. Israel's 1996 Elections: A Second Political Earthquake? // The Middle East Journal, Autumn 1996, vol. 50, № 4, pp.529-546.
126. Peteet, Julie. The Graffiti of the Intifada // The Muslim World, January-April 1994, vol. 84, № 1-2, pp. 155-167.
127. Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict. – New York, 1997.
128. The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994. – New York, 1997.
129. Reich B. Historical Dictionary of Israel. – Metuchen, 1992.
130. Rempel, Terry. The Significance of Israel's Partial Annexation of East Jerusalem // The Middle East Journal, Autumn 1997, vol. 51, № 4, pp. 520-534.
131. Robinson, Glenn E. Building a Palestinian State: The Incomplete Revolution. – Indiana, 1997.
132. Rolef, Susan Hattis. Israel's Policy Toward the PLO: From Rejection to Recognition // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994. – New York, 1997, pp. 253-272.
133. Roy, Sara. De-development Revisited: Palestinian Economy and Society since Oslo // Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestine Affairs and the Arab-Israeli Conflict, Spring 1999, vol. 28, № 3, pp. 64-82.

134. Rubin, Barry. *Misperceptions and Perfect Understanding: The United States and The PLO // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994.* – New York, 1997, pp. 141-162.
135. Sahliyeh, Emile. *Democracy Among the Palestinians // Democracy, War and Peace in the Middle East.* – Bloomington, 1995, pp. 244-267.
136. Said, Edward W. *The Politics of Dispossessions: The Struggle for Palestinian Self-Determination, 1969-1994.* – New York, 1994.
137. El Sarraj, Eyad. *Mental Health Challenges for the Palestinian Authority: The Psycho-Political Legacy of the Intifada // The PLO and Israel: From Armed Conflict to Political Solution, 1964-1994.* – New York, 1997, pp. 163-170.
138. Segal, Jerome M. *The State of Palestine: The Question of Existence // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict.* – New York, 1997, pp. 221-243.
139. Smith, Charles D. *Palestine and the Arab-Israeli Conflict.* – New York, 1992.
140. Smoocha S., Peretz D. *Israel's 1992 Knesset Elections: Are They Critical? // The Middle East Journal, Summer 1993, vol. 47, № 3, pp. 444-463.*
141. Statman, Daniel. *Jus in Bello and the Intifada // Philosophical Perspectives on the Israeli-Palestinian Conflict.* – New York, 1997, pp. 133-156.
142. Sullivan, Antony T. *Palestinians Universities in the West Bank and Gaza Strip // The Muslim World, January-April 1994, vol. 84, № 1-2, pp. 168-188.*
143. Al-Suwaid, Jamal. *Arab and Western Conceptions of Democracy: Evidence from a UAE Opinion Survey // Democracy, War and Peace in the Middle East.* – Bloomington, 1995, pp. 82-115.
144. Tal, Lawrence. *Is Jordan Doomed? // Foreign Affairs, November-December 1993, vol. 72, № 5, pp. 45-58.*

145. Telhami, Shibly. From Camp David to Wye: Changing Assumptions in Arab-Israeli Negotiations // *The Middle East Journal*, Summer 1999, vol. 53, № 3, pp. 379-392.
146. Terrorism in the United States, 1994. U.S. Department of Justice, Federal Bureau of Investigation. – Washington, 1994.
147. Terrorist Threat Assessment and Antipathy Report. – U.S. Department of Justice, Federal Bureau of Investigation. – Atlanta, 1996.
148. Tessler, M., Grobshmidt, M. Democracy in the Arab World and the Arab-Israeli Conflict // *Democracy, War and Peace in the Middle East*. – Bloomington, 1995, pp. 135-179.
149. Tessler M., Jesse J. Gender and Support for Islamic Movements: Evidence From Egypt, Kuwait and Palestine // *The Muslim World*, April 1996, vol. 86, № 2, pp. 200-228.
150. Tutunji J., Khaldi K. A Binational State in Palestine: The Rational Choice for Palestinians and the Moral Choice for Israelis // *International Affairs*, January 1997, vol. 73, № 1, pp. 31-58.
151. Usher, Graham. Palestine in Crisis: The Struggle for Peace and Political Independence after Oslo. – London, 1995.
152. Watkins, Eric. The Unfolding US Policy in the Middle East // *International Affairs*, January 1997, vol. 73, № 1, pp. 1-14.
153. Wood, Pia Christina. France and the Israeli-Palestinian Conflict: The Mitterrand Policies, 1981-1992 // *The Middle East Journal*, Winter 1993, vol. 47, № 1, pp. 21-40.
154. Yiftachel, Oren. Israeli Society and Jewish-Palestinian Reconciliation: “Ethnocracy” and its Territorial Contradictions // *The Middle East Journal*, Autumn 1997, vol. 51, № 4, 505-519.
155. Yorke, Valerie. Israel and Palestine. Imagining a Palestinian State: An International Security Plan // *International Affairs*, January 1990, vol. 66, № 1, pp. 115-136.
156. Yorke, Valerie. The Middle East’s Slow March Towards Peace // *The World Today*, May 1994, vol. 50, № 5, pp. 86-91.

157. Zartman, I. William. A Search for Security and Governance Regimes // Democracy, War and Peace in the Middle East. – Bloomington, 1995, pp. 48-62.
158. Zoughbi, Zoughbi Elias. Faith, Nonviolence and the Palestinian Struggle // Faith and Intifada: Palestinian Christian Voices. – Maryknoll, 1992, pp. 101-107.

В – на арабском языке

159. Абу Лябда, Хасан. Аль-вакыа аль-ихсаий филь-арады аль-мухталля ват-тахаддийат аль-мустакбалия. – Наблус, 1994.
160. Адиб, Оди. Ас-сияса валь-хавийа: тахлиль накдий лит-тарих ват-тафкир ас-сиясий аль-исраилий // Ас-сияса аль-фаластынийя. Шита 1998, ас-санат аль-хамиса, № 17, с. 6-29.
161. Ауда, Аднан. Такрир аль-маукаф фи фыластын // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 140-144.
162. Афак аль-истисмар фи мухафазат шималь ад-дыфа аль-гарбийя. Мухадарат аль-джалясат валь-аурак аль-мукаддама. Тахрир: Хишам Уртани. – Наблус, 1997.
163. аль-Баргути, Ийяд. Аль-фыластынийюн ва-исраиль // В кн.: Дирасат тахлилийя лит-таваджжухат ас-сийясийя валь-иджтимаийя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 49-73.
164. Аль-барнамадж аль-амм ван-низам ад-дахилий. Аль-иттихад ад-димукратый аль-фаластыний «Фида». – б/м, ноябрь 1997.
165. Башара, Азми. Кыраат филь-харита ас-сиясийя иль-исраилийя ва-мустакбалюха. – Наблус, 1995.
166. Башара, Марван. Татаввур аль-муаскар ад-диний фи Исраиль 1967-1997. – Наблус, 1997.
167. Баян сиясий бимунасабат аз-зикра ас-самина лит'асис аль-иттихад ад-димукратый «Фида». – б/м, 3 марта 1998.
168. Бейлин, Йосси. Амалийат ас-салям: Осло, васикат Аби Мазин – Бейлин, ва-васикат Бейлин – Эйтан. – Наблус, 1998.

169. Дервиш, Марван. Аль-фаластынийюн фи Исраиль: ас-саут аль-арабий ва-нтихабат аль-кнессит. Тахлиль ва-такйим. – Наблус, 1996.
170. Дирасат тахлилийа лит-таваджжухат ас-сиясийаваль-иджтимаыйа фи Фаластын. Тахрир: Надир Ыззат Саыйд, Рейма Хаммами. – Наблус, 1997.
171. Камаль, Захир. Аль-аляка бейна ас-султа ат-ташрийя вас-султа ат-танфизийя: ат-таваккуа валь-вакыа // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 89-93.
172. Касыс, Мидарр. Алякат аль-фард биль-муджтамаа ва-баад кадайя аль-муджтамаа аль-маданий фи фыластын // В кн.: Дирасат тахлилийа лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 115-135.
173. Надир Ыззат Саид; Айюб Мустафа. Масах ат-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя филь-муджтамаа аль-фыластыний: аль-ахдаф валь-манхаджийя // В кн.: Дирасат тахлилийа лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 8-19.
174. Надир Ыззат Саид. Аль-хукук ас-сиясийя валь-иджтимаыйя валь-иктисадийя филь-ва'ый аль-фыластыний // В кн.: Дирасат тахлилийа лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 165-200.
175. Надир Ыззат Саид. Ат-тахаддийят аль-мафахимийя валь-манхаджийя фи дирасат ар-рай аль-амм аль-фыластыний // В кн.: Дирасат тахлилийа лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 20-32.
176. Насс истикалят ад-дуктур Хейдар Абд аш-Шафи. // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 113-115.
177. Нахид Мунир ар-Рис. Аль-аляка бейна аль-маджлис ат-ташрийй вас-султа ат-танфизийя // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 100-108.

178. Ан-Нашашиби, Мухаммед Захди. Аль-ауда' аль-иктисадиий фи фыластын. Ат-тахаддийят аль-каима валь-имканийят аль-мутаха // В кн.: Афак истисмар фи мухафазат шималь ад-дыффа аль-гарбийя (Мухадарат аль-джалясат валь-аурак альмукаддама). – Наблус, 2-3 декабря 1997, с. 24-28.
179. Раафат, Салих. Аль-маджлис ат-ташриый аль-фыластыний // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 94-99.
180. Ас-Сабаг, Захир. Аль-уммаль аль-фаластынийюн фи Исраиль: бейна митракат аль-кулунийалия ва-сидан ат-табаыйя // Ас-сияса аль-фаластынийя. Шита 1998, ас-санат аль-хамиса, № 17, с. 50-69.
181. Сайдам, Джамиля. Аль-маджлис ат-ташриый вас-султа ат-танфизийя: салахийят, тадахулят, суубат // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 77-78.
182. Салахат, Мухаммед Кыяд. Мухавалят игтияль мышаль. Адаа Натаньяху. АзMAT аль-Ликуд ва-кадайя ухра // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 173-182.
183. Салим, Джамаль; Мансур, Джамаль. Аль-исламийюн валь-интихабат. – Наблус, 1995.
184. Салям, Халид. Ас-сийяса аль-иктисадиийя: муляхазат амма // В кн.: Афак истисмар фи мухафазат шималь ад-дыффа аль-гарбийя (Мухадарат аль-джалясат валь-аурак альмукаддама). – Наблус, 2-3 декабря 1997, с. 29-33.
185. Аль-Фасыд, Ариан. Ат-тадаххуль аль-урубий фи Фаластын: Ахуа сиясий ам малий? // Ас-сияса аль-фаластынийя. Шита 1998, ас-санат аль-амиса, № 17, с. 30-49.
186. Хаватма, Наиф. Азма муназамат ат-тахрир аль-фаластынийя. Тахлиль ва-накд аль-джузур валь-хулюль. – Никосия, б/д.
187. Хадар, Хисам. Аль-аляка бейна ас-султатейн ат-ташриыйя ват-танфизийя // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 79-81.

188. Аль-Халиди, Рашид. Ас-сияса аль-амрикийя фиш-шарк аль-аусат. – Наблус, 1996.
189. Хаммами, Рима. Турас аль-интифада фис-сияса аль-фыластынийя аль-муасара // В кн.: Дирасат тахлилийя лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 33-48.
190. Аль-Хамарина, Мустафа; аш-Шикаки, Халиль; Холис, Роз-Мари. Аль-алякат аль-урдунийя аль-фаластынийя: иля эйн? Арбаат синариюхат лиль-мустакаль. – Наблус, 1997.
191. Хейдар, Азиз. Ат-таваджжухат ас-сиясийя бейна аль-фаластынийин фи Исраиль. – Наблус, 1995.
192. Хивар маа Башир Баргути // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 124-127.
193. Хивар маа аш-шейх Ахмед Ясин // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 117-123.
194. Хиляль, Джамиль. Кыраат фи масах литаваджжухат аль-джумхур аль-фыластыний фид-дыфа аль-гарбийя ва-кытаа газа тиджах низам аль-хукм // В кн.: Дирасат тахлилийя лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 74-114.
195. Хумайси, Расим. Фаластынию ад-дахиль ват-тасвият ас-сильмийа. – Наблус, 1994.
196. Тайсир, Халид. Ан-наджах валь-фашль фи таджрибат аль-аляка бейна аль-маджлис ат-ташрийй вас-султа ат-танфизийя // В журнале «Ас-сияса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 70-76.
197. Тимари, Салим. Аль-аб'ад ас-сиясийя ва-ль-иктисадиийя ва-ль-иджтимаыйя лиадат дамдж аль-ляджиин. – Наблус, 1995.
198. Цалер, Марик. Аль-авалийят ват-таваккуат бин-нисба лиль-фыластынийин // В кн.: Дирасат тахлилийя лит-таваджжухат ас-сиясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 201-220.

199. Аш-Шава, Равия. Аль-маджлис ат-ташриый аль-авваль лиш-шааб аль-фыластыний // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 82-88.
200. Шейх Ваджих Яги. Аль-аляка бейна ас-султатейн: ат-ташриыйя ват-танфизийя фис-султа аль-ватанийя альфыластынийя // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 109-112.
201. Шибли, Хамис. Харакат аль-истытан ас-сахьюний фид-дыффа аль-гарбийя фи зулль амалийят ат-тасвийя ас-силмийя // В журнале «Ас-сийяса аль-фыластынийя», 1998, т. 5, № 17, с. 145-155.
202. Аш-Шикаки, Халиль. Аль-интимаат ас-сийясийябейна фыластынийин // В кн.: Дирасат тахлилийя лит-таваджжухат ас-сийясийя валь-иджтимаыйя фи фыластын. – Наблус, август 1997, с. 136-164.

Периодические издания

203. Азия и Африка сегодня.
204. Международные отношения.
205. Мировая экономика и международные отношения.
206. Независимая газета.
207. НГ-Религии.
208. Новое время.
209. The Bulletin of the Atomic Scientists. Chicago.
210. The Economist. London.
211. Echo of Islam. Tehran.
212. Ethnic and Racial Studies. London.
213. Foreign Affairs. New York.
214. International Affairs. Cambridge.
215. International Journal of Middle East Studies. New York.

216. Journal of Palestine Studies: A Quarterly on Palestinian Affairs and the Arab-Israeli Conflict. Berkeley.
217. The Middle East. London.
218. The Middle East Journal. Washington.
219. Middle Eastern Studies. London.
220. The Muslim World. Hartford.
221. The National Interest. Washington.
222. New York Times.
223. Security Dialogue. Oslo.
224. US News & World Report.
225. Washington Post.
226. World Policy Journal. Washington.
227. The World Today. London.
228. Аль-Ба'ас. Димашк.
229. Аль-Джундий аль-Арабий. Димашк.
230. Аз-Захф аль-Ахдар. Тараблюс.
231. Ан-Нагар. Бейрут.
232. Ан-Нида. Бейрут.
233. Ас-Сафир. Бейрут.
234. Ас-Сияса аль-фыластынийа. Наблус.

SUMMARY

Dr. of History **Konstantin Poliakov**
Dr. of History **Akhmiat Khassianov**

THE PALESTINIAN NATIONAL AUTONOMY: THE EXPERIENCE OF THE STATE CREATION

The Experience of the first practical steps in the way of creation of the basis for the future independent Palestinian state in the West Bank and the Gaza Strip has begun by signing of the Oslo-1 agreements in September 1993. It concludes some achievements and a lot of mistakes, which became the subject for the critical study.

The authors analyze the policy of the Palestinian National Authorities in the way of state creation and the activities of the leading Palestinian political forces in this process. They pay especial attention to the problem of Law and Violence in the PNA.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I	
ТАЙНАЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: «ОСЛО-1» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	5
1. Мадридская мирная конференция: новые подходы сторон к переговорному процессу	5
2. Секретные договоренности в Осло: первые результаты тайной дипломатии	22
3. Каирское соглашение и создание Палестинской Национальной Автономии	41
ГЛАВА II	
ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПАЛЕСТИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ	55
1. Подходы к созданию исполнительной власти в Палестине	55
2. Процесс становления законодательной власти ПНА	76
3. Взаимоотношения между законодательной и исполнитель- ной ветвями власти в автономии	101
ГЛАВА III	
СИЛОВЫЕ ВЕДОМСТВА И ПРОБЛЕМА ЗАКОННОСТИ В ПНА	108
1. Формирование силовых структур ПНА	108
2. Судебная система Палестинской Национальной Автономии	122
3. Палестинское общество и проблема законности	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
ПРИЛОЖЕНИЯ	146
БИБЛИОГРАФИЯ	149
SUMMARY	168

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
66. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль".
70. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (Совместно с Академией геополитики и безопасности).
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev**
and **A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and **N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic
Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov,**
L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
66. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
67. "The contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
70. "Islamism and Extremism in the Middle East:" (collection of essays) (In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security)
71. " Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Poljakov**